Л. Т. Ситников

Земляки

Книга 3

Вёрстка — *Александр Рубан*
Корректор — *Ирина Сердюк*

Отпечатано в типографии издательства «Ветер»
г. Томск, Иркутский проезд, 1. Тел. 659-336
Подписано в печать: 23.12.2008 г. Заказ № 2333.
Формат 62×84/16. Гарнитура «Petersburg».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,04.
Тираж 250 экз.

Л. Т. Ситников

Земляки

Книга 3

Томск – 2008

Л. Т. Ситников. 1970-е гг.

Содержание

Прежде молоды были мы
(Т. Ф. Баранова) 70
Добро сеять — добро пожинать
(И. Т. Волкое) 74
Судьбою протащена волоком
(Л. Л. Жеймножко) 78
Возвращение в страну, которой нет
(Н. А. Крушкиб) 82
Родина моя — Сибирь
(Н. П. Кошеенко) 88
Только эхо войны отзывается в наших сердцах
(А. М. Кузнецое) 94
Одна, но пламенная страсть
(В. Х. Ломое) 99
У каждого своё понятие о счастье
(Е. В. Монголина) 103
Вся жизнь в преодолениях
(К. И. Сушкеви) 107
Две искорки одного костра
(Т. В. Смирноеа, В. А. Казарина) 114
Нам дороги эти позабыть нельзя
(М. И. Скирнеескиб) 118
Неподвластный времени
(К. К. Шефер) 123
Осень жизни
(Х. Л. Лукванчукоеа) 128

Часть третья

Вершина жизни — Зрелость
(М. А. Пагаеоеа) 135
Судьбою обласканный, или В поисках страны «Мурании»
(В. В. Тырое) 141

УДК 957.084.8
ББК 63.(2Р53)
С41

Ситников Л. Т.
С41 Земляки: Книга 3. — Томск: «Ветер», 2008. — 276 с.

Третья книга Леонида Ситникова о земляках, портретные зарисовки жителей земли Каргасокской. Цель, которую ставит перед собой автор, — оставить память об этих людях, продолжать традицию преемственности поколений.

© Л. Т. Ситников, 2008
© Оформление. Издательство «Ветер, 2008

Ответственный съёмщик на земле
(А . К. Швидкий) 225
Должна быть в женщине загадка
(К. Ф. Черноусова) 229
А боль всю эту после поняла
(К. А. Черненкова) 236
Умение радоваться жизни
(Н. В. Югина) 241
Видел их не только на экране
(Л. Т. Ситников) 246
Венок трудовой славы
(Г. Г. Сабельфельд) 248
Седая осень наступает
(Е. Е. Иванова) 251
Томские врата
(В. Т. Раткина) 257

Тамара Ерисова. Забвению не подлежит
(Р. Э. Михайлова) 263

Песня ссыльных Васюганья 269

По велению сердца
(Р. Х. Багаутдинов) 146
Легенда нефтеразведки
(Н. И. Верещака) 152
Лаурина песню
(Л. И. Белякова) 159
Преодоление
(Ф. Н. Боба) 164
Родом из войны
(В. А. Лебедев) 168
Запах хлеба в запасе времени
(Е. И. Лемешук) 173
Отзывчивая на людскую беду
(М . М. Новземцева) 177
Пока есть память, нам не умереть
(Н. В. Кулаева) 181
Судьба не бывает ошибкою
(Р. Г. Кандауроева) 187
Женщина с «говорящими руками»
(Г. Л. Пуганова) 192
Прошло немало лет
(М. Н. Лагурщенко) 196
Обаяние детства
(Л. М. Нижевкина) 201
Какой заказки было поколение
(А. А. Первушин) 204
По праву памяти живой
(Н. Я. Панкратова) 207
Жизнь, достойная подражания
(А. В. Нагин) 212
Здесь тропинки в тайге пробивали
(Л. Т. Радько) 217
И не найду другой такой земли, как ты, моя Сибирь
(А. А. Шохин) 220

К читателю

Книга «Земляки-3» сложилась из 50 очерков о моих земляках. О людях, которым довелось оказаться свидетелями и действующими лицами грандиозного перелома в судьбе России. Познакомиться с ними небезынтересно и поучительно.

Прошлое уже не вернуть и не исправить, но мы должны знать всё о своих земляках, делах, отцах, о том, как они выживали в тяжёлые годы репрессий, в годы войны, как совершали послевоенные трудовые подвиги и строили новую жизнь. И в этом смысле книга бесценна. Автор прославляет труд, верность своей земле, любовь к ближнему.

Спасибо Леониду Трифоновичу Ситникову за огромную любовь к людям, о которых он пишет, творцам своих биографий.

Спасибо моим замечательным землякам Геннадию Александровичу Сидлину и Владимиру Вениаминовичу Трубову — руководителям ООО «Спецтехстрой», которые сделали всё, чтобы была издана эта книга.

С уважением Л. С. Бардина

Содержание

Л. С. Бардина. К читателю 3

Часть первая

«Незаметно проходит по жизни
небольшой человеческий срок»
(Ф. И. Волков) 6
У каждого мгновенья свой резон
(Н. Ф. Гришаев) 10
«Земную жизнь пройдя до середины,
он решил возродить язык предков»
(М. К. Могутаев) 16
«Под чужим именем»
(И. Е. Панфилов) 24
Под алым парусом судьбы
(А. И. Сухушин) 30
А сердце юностью живёт
(А. М. Симолин) 38
Не забыть фронтовых изъезженных дорог...
(И. И. Шломов) 42
От веры и сила.
(В. С. Шабунин) 47
Ступени жизни
(Ф. М. Патрахин) 52

Часть вторая

Вспоминая прожитые годы...
(А. П. Дударева) 58
Дней не прожитых мал запас
(Г. Ф. Бахарев) 64

Часть первая

Виктор Глущенко

Звезда

Наденет в этот день солдат
На грудь свои награды.
Была война, и, что скрывать,
Он воевал как надо.

Был в наступательном бою
И в обороне вязкой,
И верил он в звезду свою
Над запылённой каской.

Среди ночей и среди дней
Она светила, грея
И тех, кто шёл вперёд под ней,
И тех, кто пал под нею.

пропитника. Ёдор решил схоронить в соседнюю деревню, которая находилась на другой стороне речки. Взял палку и вошёл в речку, пропупливая дно, и ему удалось найти брод. При подходе к деревне встретил женщин, спросил про немцев. Женщины сказали, что в деревне нет, но «вот там, в овраге» скрылся крупный отряд. Ёдор вернулся в часть и доложил командованию, что разыскал брод и обнаружил противника. Всё удалось, и заслуженная награда забилистала у него на груди. Ещё один эпизод не может забыть Ёдор Иванович, когда, возвращаясь из очередного похода по деревням, в которых доставал продукты для бойцов своей роты, он напоролся на немецкого разведчика, который прыгнул на него сзади. Каким-то чудом вывернулся Ёдор от нападавшего и сразу прыгнул в реку, благо была рядом. Вот где понадобился навык перепливания Тыма в детстве. Выпырнул на другом берегу речки, отлянулся — никого. Разведчики затаились и скрылись без шума.

При наступлении на Минск их роту сильно беспокоили немецкие снайперы. Остерегались. Старшина собрал котелки своих оставшихся в строю солдат и пошёл к месту стоянки полевой кухни. Небольшая рывка, если через неё — рядом, а в обход — далековато. Выбрал самое узкое место и решил быстро перепрыгнуть эту трехметрую рывку. Только попрыг — и удар выше кисти, посмотрел — из раны торчали разбитые кости.

Через месяц Ёдора комиссовали, и осенью 43 года был уже в Нанасе. Вначале поступил работать на почту, но затем предложили в районное должность завтора. Освоился, быстро понял, что многое связано с бывшей старшинской деятельностью. Всё надо доставать. Проработал до выхода на пенсию в этой должности, и тогда пошёл работать в лесхоз. Занимался строительством. Контора, жилые дома — его рук дело.

Семья у Ёдора Ивановича была большая. Пятеро детей. Все они получили образование и разлетелись по белу свету. Один сын в Новосибирске, сын и дочь в Павлодаре, дочь в Карагске, а один сын остался жить в Нанасе.

Песня ссылыных Васюганья

Айполово. Июнь. Тёплый вечер. Тишина, которую нарушает река Васюган, подмывая высокий правый берег, вдоль которого расхинулись порты Айполово. Васюган широко разлился, затопив низкий левый берег реки, и вода побрескивала сквозь кустыи и черёмух.

Эхо. Скажешь слово — и через несколько секунд слышишь его повторение, прилетевшее с той стороны. На берегу стоит скамейка, вернее, на брытых столбиках прибита доска, отполированная определёнными частями тела до блеска. Ребятня любила играть на ней в «испорченный телефон», бесперебывно перемещаясь по ней, тем самым полируя её.

К скамейке подошла женщина, нагнулась и провела рукою по гладкой поверхности доски. Удовлетворённо улыбнулась и села

«Незаметно проходит по жизни небольшой человеческий срок»

Киндал расположился на высоком берегу речки Карги. С берега далеко видны подходы и подъезды к поселению. Видимо, потому и выбрали такое место первые поселенцы. И ещё, наверное, потому, что уж наводнение им не грозит вовсе. Вечером молодёжь собиралась на берегу и наблюдала, как гуляют огромные волны по ливе. Мне приходилось видеть Киндал, когда он ещё был, так сказать, индивидуальностью, а не сельским поселением. После, когда стали организовывать колхозы и государством были выделены значительные средства на строительство жилья, деревеньки потеряли своё лицо и стали походить друг на друга, как близнецы. Что Киндал, что Сосновка или Бондарка — это сельские поселения с типовыми двухквартирниками. Очарование деревни, прелесть бытия исчезли, и если бы не рельеф местности, можно было заблудиться, как в известном фильме Э. Рязанова.

Вот в такую красивую деревню, каким был раньше Киндал, в начале века приехали Волковы из Колпашево. У них в 1916 году родился сын Фёдор. Отец вскоре после переезда в Киндал овдовел. У него остались две дочери, которым нужны мать и отец, он вновь женился, и через год появился Фёдор. Затем ещё сын и три дочери.

Через несколько лет узнают, что родственники Волковых также переехали в Каргасокский район и основали посёлок Ново-Волково. Брат приезжал, расхваливал место, особенно рыбалку, когда осетров на зиму заготавливали десятками, и на продажу оставалось много. Да ещё рядом «яма», где зимует стерлядь. Отец построил лодку, загрузился, и с семьёй переехали в Ново-Волково. Федя с ребятами бегали в Прорыто, посмотреть школу, в которой будут учиться. Прорыто было в семи

Рубашонка, как смола,
Распроклятая девчонка,
До чего ж ты довела.

До чего ж ты довела,
Довела меня, мальчишку,
До позора и стыда.

До позора и стыда,
До большого до позора,
До окружного суда.

До окружного суда.
Суд придёт, меня осудят,
И сошлют в Нарымский край.

И сошлют в Нарымский край,
В Нарымский край, в Сибирь далёко,
В распроклятый Васюган.

В распроклятый Васюган.
Ой ты, ворон, чёрный ворон,
Ты слетай к моим родным.

Ты слетай к моим родным,
Расскажи, как я страдаю,
Расскажи, как я живу.

Расскажи, как я живу,
День и ночь, как свечка, таю,
Свою молодость гублю!

По окончании этой песни многие женщины плакали. Удивительная песня, удивительное исполнение, и удивительное эхо, усиливающее эмоциональное воздействие на всех слушателей. Это незабываемо, и до сих пор, спустя много-много лет, песню я так слышу, будто её пропели только что, сейчас.

13.06.2008 г.

на скамью, любуясь тишиной и зеркальным блеском поверхности реки. Это Пана Звонкова, любительница поеть народные песни. К ней подошли Настя Горбунова и Ана Затуга. Сейчас запоют, подумал я, и быстро подошёл к ним, попросил спеть песню «Колдей пустой гремит». У Паны высокий, чистый, звонкий голос, Настя тоже хорошо «брала» высокие ноты, а у Ани низкий голос, женское контральто, как сказал один знаток. Сейчас услышим «двойное» пение. Удивительное эхо через несколько секунд повторит пропетую строчку песни. Это почему-то мне так нравилось, что по телу бегали мурашки. Мы говорили: мороз по шкуре пробирает.

И вот Ана низко запевает:

«Колдей пустой гремит...».

Пана и Настя вступают высокими голосами:

«А мой милый не рубеет,
За решёткой сидит».

Слово «сидит» высоко взлетает вверх, протягивается, и заканчивается как бы ухаем. Слышу: кожа начинает отслаиваться от костей, покрылась пупырышками, песня продолжается:

За решёткой сидит.
Он сидит и сидно плачет,
Сам с собою говорит...

К берегу стали подтягиваться женщины. Некоторые поплакались залезть, но на них зашикали другие: — Слушайте! Не мешайте!

Сам с собою говорит:
Ноги босы, грязно тело,
Рубашонка, как смола.

километрах от Ново-Волково. Отец был прекрасным столяром и плотником, поэтому его работа была всегда востребованной. Дела с удовольствием учился у отца, и рано научился делать различные поделки из дерева.

Через Обь от них начали строить Вертикос, в котором заслужили построить шкоду-интернат. В ней будут учиться дети северных народностей со многих районов области. Работы много, и отец забрал с собой Фёдо в помощники, хотя он закончил всего только три класса. Через несколько лет отец завербовался в Нарым, где начали строить районный центр, и столярной работы было много. Не думал Иван Волков, что это его последний причал. Места привольные, можно и поохотиться, и порыбачить.

У отца было три лошади, пять коров. Это считали уже зажиточным, и когда Фёдор пришёл в военкомат и сказал, что хочет служить в Красной Армии, — ему отказали, так как он жил у отца, который считался чуть ли не кулаком. Через два года всё же был призван и Фёдор. Проехали всю Сибирь, Забайкалье, и оказались во Владивостоке. Определили в пехоту, и в казармы Второй Речки. В 40 году их часть перебросили в Житомир — слишком неспокойно стало на западной границе.

Началась война. Старшина Волков старался обеспечить свою роту всем необходимым для армейской службы, и в первую очередь — питанием личного состава. В первый же день войны их полк в спешном порядке направили к границе. Повстречались с немцами, которые этот полк расхолошматили в пух и прах. Оставшиеся в живых разбежались по лесам, полям. Попали в окружение. Но не до них было немцам, они рвались к крупным городам.

Командиру полка удалось собрать значительный отряд из окружженцев, и он повёл их на восток. Несколько недель шли, и удалось пробраться сквозь линию фронта, сохраняя знамя полка.

Фёдор Волков продолжал исполнять старшинские обязанности. Первую свою боевую награду, медаль «За отвагу», старшина получил за активное участие в уничтожении десанта

людей, а 50 — от Бога. Лесные массивы всё более отдаляются от места их переработки, а это значит, что возрастают транспортные расходы. К тому же работа в этой отрасли сезонная: зимой ведётся заготовка леса, а в тёплый период года — его доставка, после чего — переработка и реализация. Отсюда следует, что подходы к налогообложению и прочим отчислениям должны быть гибкими, с учётом условий.

Не надо ходить далеко за примером: из 40 млн. рублей долга лесохозяйства в Пенсионный фонд лишь 6 составляют взносы, а 34 миллиона — пеня. То же и с Фондом медицинского страхования: 1 млн. — основной долг, а 9 млн. — пеня. И где же оно, новое мышление? Где его результаты?

Газ, нефть, алмазы должны быть в ведении государства, то есть принадлежать народу, а не частным лицам, считает Р. Э. Михайлова. Она вспоминает, как уплывали на лодках за тысячу километров совсем юные девчонки, чтобы взять геологические пробы, как уходили в таёжную глубь геологи и топографы — по болотам, завалам, нещадно искусанные мошкарой и комарьём. Их титаническим трудом оплачено раскрытие тайн сибирских недр. Они стояли у истоков нефтегазодобычи, а не нефтяные и газовые короли, нажившие для себя миллиарды.

Что и говорить, в своих оценках Реет Эдуардовна прямолинейна. И не только тогда, когда речь идёт о настоящем. В разговоре о прошлом она без колебаний ставит знак равенства между Гитлером и Сталиным, на совести которых миллионы человеческих жизней. Ничто в нашей жизни забвению не подлежит — таково её твёрдое убеждение.

Тамара Ерисова

Фёдор Иванович был уверен, что жизнь в России не скоро, но наладится, все начнут работать, а значит, и заживёт страна, расцветёт и наша Нарымская сторона.

2002 г.

Первенцем была дочка. Тогда и задумали они переехать в Кардасок. Это сейчас переезд — дело нехитрое: собрал свой скарб и поехал. Те времена были иными. Сменить место жительства было непросто: власти не пускали. Однако Николай оказался настойчивым, и в конце концов их отпустили, но выдвинули одно условие — будет он корчевать пни под строительство Дома культуры. Закончится эта работа, тогда и путь свободен. Что делать? Согласился: работа — она всегда работа.

Уроки взаимопонимания

На раскорчёвку они поехали вдвоём с Андрианом Пришвелым. А там уже трудилась бригада китайцев. Жили они на берегу Оби, со своими обычаями, взглядами, привычками — словом, другие люди. Отношения вначале не задавались. А всё из-за пустяка. Один из шутников послал ничего не подозревавшего Николая к китайцам, напутствовав словами:

— Спроси вон у того: «Хуя, соли надо?».

Ну, Николай и спросил. А китаец схватил дубину и кинулся на него:

— Русска, свободу надо?

Не ожидая такой реакции, Николай еле убежал. А китайцы забрали его лопату, со злостью глядя в его сторону. Хорошо, что пришёл старший брат и всё уладил миром...

Отработав на раскорчёвке, он смог наконец перебраться с семьёй в Карасок. Отец выделил ему лошадь, и на ней он возил глину и кирпич для строящихся тогда зданий больницы и райисполкома.

Довольно быстро Николай стал незаменимым, надёжным помощником Петру Еремеевичу Лопешихину — завхозу райисполкома. Но стройка подходила к концу, и он решил уйти на рыбозавод. Капитан Степан Пшеничников взял его помощником. Они возили зерно и продукты для спецпереселенцев, живущих по Чижапке и Васюгану. А зимой снова ходил в обоз, но теперь уже главным от рыбозавода. Помогал ему в пути малолетний брат Иван.

закрывал двери домов, в которых жили спецпереселенцы, подпирая снаружи тяжёлыми кольями. А едва все погружались в крепкий сон, тихонько проделывал обратный путь, убирая запоры и выпуская беглецов на свободу, чтобы могли под покровом ночи заняться картошкой. При этом и лишёз проводил: как подкопать кустыл, чтобы не было заметно. Во многом благодаря ему люди спаслись в тот первый год жизни в суровом северном краю от голода.

Да и среди власти предержащих разные попадались. Один кое-менгант, являясь, как правило, под вечер, заставлял всех спецпереселенцев, включая малолетних детей, часами выстаивать на улице в очереди на регистрацию. А другой сам обходил дома, и в глазах его при этом стояли слёзы.

Много жизней унесли военные годы — неоткуда было получать ни помощи, ни поддержки. Это уже в послевоенный период стали приходить из Эстонии посылки, собранные отважной женщиной — бывшим руководителем одного из совхозов. Со смертью Сталина стало меняться отношение к спецпереселенцам. А там и вовсе их реабилитировали. Только вот кто ответит за погубленные жизни и искорёженные судьбы?

Вверх по ступенькам знаний

Как и все сельские, Реет работала на лесозаготовках. Ошкурить сваленное дерево было вполне по силам хрупкой девушке, а вот перевернуть его, чтобы обработать вторую сторону, удавалось с неимоверным трудом. И так случилось, что именно в такой момент на участок приехал директор Васюганского лесопромхоза Георгий Петрович Чолинкин. Посмотрел, помолчал, уехал. А на следующий день подъехал к Реет посыльная:

— Тебе сказали прийти срочно в контору.

Шла, как на казнь, не ожидая от выезова ничего хорошего. А директор встретил её словами:

— Садись на статистику. Будешь работать здесь, Мария Лимгрневна научит.

У каждого мгновенья свой резон

Жизнь человека во Вселенной — всего лишь мгновенье. Но и она слагается из этих самых мгновений, которые в старости всплывают одно за другим, образуя цепочку эпизодов, дат, событий, ощущений и переживаний.

В свои 92 Николай Фёдорович Гришаев почему-то ярче всего видит мгновения детства, отрочества и юности: видно, первые впечатления от окружающего глубже западают в душу, а она, не отягощённая ещё опытом, хранит это до последних дней.

А детство было так коротко

Он появился в деревне Ильино за шесть лет до революции. Деревня по тем временам была «солидным» поселением с церковноприходской школой, дававшей пятилетнее образование. В неё-то и пошёл Николай Фёдорович. Учился старательно, с удовольствием, будто знал, что придётся в дальнейшем жить в стране «всеобщей грамотности». Но слишком коротким был этот счастливый период.

Уже со второго класса жизнь перевернулась оборотной стороной — отец забрал его прогонщиком на невод. На том и закончилось детство. Не до учёбы было парнишке: в семье — семеро детей, попробуй прокормить. Бедность была их неизменным спутником, хотя все, кроме младшего, Ивана, работали. Корми-

мического отдела крупнейшего в Сибири, да и в целом по стране лесопромышленного комбината. И единственного прибыльного.

В те годы Каргасокский лесопромышленный комбинат (он был образован в 1976 году путём слияния с Каргасокским леспромхозом Васюганского леспромхоза и Каргасокской сплавной конторы) гремел на весь Союз.

Здесь одними из первых в области применили вахтовый метод заготовки древесины.

Коллектив ЛПК стал пионером областного социалистического соревнования.

Малые комплексные бригады, крупные коллективы, комплексы и, наконец, сквозные комплексы — вот этапы освоения передовых форм труда коллективом комбината. И всегда первые в области, одни из первых в отрасли.

Около двух сотен каргасокских лесозаготовителей были удостоены высоких правительственных наград. И среди них — Реет Эдуардовна Михайлова, награждённая орденом «Знак Почёта» и медалью «Ветеран труда».

Ломать — не строить

Острой болью отозвалась в сердце Реет Эдуардовны перестройка, а если быть честными, перекройка всего народного хозяйства, приведшая к его развалу. Ей, как крупному специалисту в области экономики, были хорошо видны будущие последствия, и она настойчиво пыталась предостеречь от поспешности горячие головы. Увы! «У вас старое мышление», — слышала в ответ. А когда леспромхоз начали буквально растаскивать на части, создавая навеянные модой АО, и она предрекала им не более пяти лет жизни, её называли пессимисткой.

Она оказалась оптимисткой — новые предприятия просуществовали ещё меньше — всего 4 года отделяли их от создания до банкротства.

— На лесе ещё никто в мире капитал не сделал, — со знанием дела утверждает Реет Эдуардовна. — Здесь 50 % зависит от

Мария Дмитриевна Фомина была старшим бухгалтером хозяйства — женщина умная, строгая, и дело своё знала прекрасно. Именно она дала зелёный свет в экономику молоденькой эстонской девушке. А дальше та пробивалась сама.

Когда в 58 году переехала (будучи уже семейным человеком) в Каргасок, сразу же пошла в вечернюю школу, а через три года её направили на курсы бухгалтеров. Тут большую роль сыграл Фёдор Прокопьевич Анисимов.

— Мне повезло на учителя, — с теплотой в голосе говорит Реет Эдуардовна. — Фёдор Прокопьевич был строгим, требовательным и одновременно по-отечески заботливым и щедрым. Его не боялись, а уважали, даже больше — любили, ласково называя «отец Фёдор». Мне он говорил: учись, обязательно учись. Когда вернулась с курсов, сразу назначил бухгалтером-ревизором, тем самым подтолкнув к продолжению образования...

Она заочно заканчивает Всесоюзный лесотехнический техникум, потом Новосибирский институт народного хозяйства, пройдя трудовой путь от статистика до начальника главного эконо-

лись больше рыбалкой да тем, что ручной маховой пилой готовили из брёвен плахи и тёс. А ещё шорничали — тоже нужное дело.

Самый старший из братьев ходил с обозом в лесосплав упряжек (возил рыбу в Томск), и вскоре взял Николая в помощники, любил ухаживал в пути за лошадьми и приспосабливал за грузом.

Жизнь рано заказала мальчика. Он подрос, стал шорок в пределах, и вообще был весьма самостоятельным.

Время шло. Из мальчишки Николай превратился в видного парня, на которого с интересом посматривали девчата. И однажды по дворе в ворота, когда обоз остановился в деревне Васманово (Парабельский район), он и познакомился с милой девушкой Аннией, такой красивой, что, показалось ему, краше не бывает.

Вернулся домой, рассказал родителям. А они в ответ: что же, мол, тянешь, полюбилась, так давай женись! Так и обзавелся семьёй.

Семья Гришаевых: Владимир (погиб), Николай, Алексей (погиб), Анатолий (погиб), Пантелей (погиб), Иван.

шо, что в Ленинграде их встретила тётя, прибежавшая к эшелону с тёплыми вещами. Как же они пригодились им в дальнейшем!

Отца вместе с остальными мужчинами ссадили с эшелона в Свердловске и увели. Больше никто их не видел. Лишь спустя полвека Реет Эдуардовна узнала, что отец был расстрелян в тюрьме в 49-м. А сами они оказались в забытой Богом деревеньке Малиновке, которой давно уже нет, в 9 километрах от Майска. Это было «узаконенное» место ссылки — ещё в начале 30-х сюда привозили так называемых кулаков, а на деле просто зажиточных крестьян, трудом своим обеспечивших нормальную человеческую жизнь, с Алтая, из-под Кемерова и Омска. Мало кому из них удалось выжить. И вот на смену вымершим привезли новых несчастных — в большинстве своём цвет эстонской интеллигенции.

— Приехали мы голые и босые, — вспоминает Реет Эдуардовна, — а те немногие вещи, что удалось захватить с собой, приходилось менять на продукты. Но надолго ли их хватило? И если какая-то часть из нас осталась жива, то только благодаря местному населению. Доброта людская нас согревала...

Жил в деревеньке в те годы дедок — редчайшей души человек. Числился он в колхозе сторожем, охранял колхозные поля и огороды. Каждый вечер проходил он по улицам и

В 38-м пригласил Николая начальник почты Степан Балдецкий поработать сопровождающим. А вскоре, заметив хозяйственную смётку Николая, решил перевести его в завхозы. Но тут началась война.

Самый тяжёлый труд

Из семьи Гришаевых на фронт призвали пятерых братьев. Николай попал на Ленинградский фронт, под Тихвин. Туда же направили и старшего брата.

Вдоль линии фронта их часть передислоцировалась на Карельский перешеек, и во время перехода старшего брата ранило. А младший усердно осваивал военные профессии. Он был пулемётчиком и миномётчиком, и это ещё не всё, ведь война — самый тяжёлый труд.

В одном из боёв Николай получил ранение, отлежался в госпитале, а возвращаясь в свою часть, узнал о гибели старшего брата. Это был первый удар. За ним последовали другие. Находясь под Прагой, старшина Гришаев получил известие, что четыре его брата отдали свои жизни за Родину. В живых остался

«Землю жизнь пройдя до середины, он решил возродить язык предков»

Село Айполово — древнейшее поселение хантов. Стоит оно рядом с Ханты-Мансийском, где находилась церковь. В Айполово церковь была, правда, она работала не постоянно, а только в дни проведения весеннее-летней и зимней ярмарок, когда со всей округи съезжались ханты и кыпы с товарами, в основном проходили натуральный обмен. Священники крестили детей, проводили венчание, исповедование, освящение и другие церковные обряды.

Ещё видны у Вэла квадраты земли, где в старину располагались земляки кедрово хантов. Местность называлась Айпёх на реке Пухол («Х» у этого слова читается примерно как «Г» у украинцев).

Айпёх-Пухол был, если можно так сказать, центром, и културным, и административным. Вокруг были поселения хантов по рекам Черлые, Ёголке, по Васюгану от верховья до Калтанка. Не знаю, как до революции назывался этот округ, но с 20-х годов это стал сельский Совет с центром в с. Айполово, и так было до образования сельсоветов, когда Васюганье стало интенсивно заселятьтся спецпереселенцами.

А потом эта густо заселённая территория стала называться Нововасюганским районом. Первым председателем сельсовета был Кунгуров. К сожалению, не знаю имени-отчества, но его

мир Положенский из города Кировограда, заместитель генерального директора ПО «Кировоградмебель», так записал: «Уважаемая Валентина Трифоновна! Уважаемый товарищ директор! Должен сразу оговорится — в слово «уважаемая», поставленное в самом начале перед именем совершенно незнакомого мне человека, я вкладываю сейчас не просто лань вежливости для сохранения стиля, а стопроцентный его смысл, поскольку руководимые Вами сотрудники дали изначальный толчок и к настоению на дни пребывания в Томске, и к радостям лично характера, и к огромной симпатии к городу и людям, в нём жившим, и к тому хорошему, что всегда страдешься сделать после хорошего, сделанного тебе...».

И далее: «...Всем ведь известно, что с хорошим настроением работается и лучше, и продуктивнее, а это уже прямая польза государству...».

Эта раритетная книга достойна, чтобы она была опубликована полностью, хотя нет, не хватает страниц с записями с 1987 до 1997 года, вырванных чьёй-то злой рукой. Мне посчастливилось ознакомиться с ними ещё в те годы, когда книга была целой. Годы, тяжёлые как в целом для страны, так и для ресторана «Томск». Всего до перестройки работоших в ресторане числилось 200 человек. Кроме ресторана они обслуживали столовые, буфеты, киоски. В 90-х годах создали кооператив из 70 человек. Было трудно, но налоги выплачивали регулярно, рассчитывались с поставшикми продовольствия и выплачивали зарплату работоющим. Но, несмотря на это, городские власти решили обанкротить ресторан «Томск» и сделали это. А ведь ресторан работал так же хорошо, как и в прошлые годы. Об этом свидетельствуют записи в книге отзывов. Вот одна из последних:

«Дорогие друзья!

Далось, теперь мы можем вас так называть. Огромное спасибо вам за ваше искусство, а главное — за профессионализм. Вы — настоящие мастера своего дела! Нашли гости из ФРГ, Англии и Финляндии были приятно удивлены. Они отметили, что

он один. Ох, горько же было ему! Невольно вспомнился разговор со старшим в начале войны: хватит ли сил выстоять, вынести всё? Оказывается, хватило. Выстояли и победили. Как верно сказал Виктор Гюго, «у людей нет нехватки сил, есть нехватка воли». А воли как раз у советских воинов было достаточно.

На фронте, как всякий нормальный человек, он мечтал о возвращении домой, о мирной жизни, представлял, как переступит порог, обнимет родных, поцелует дочь, приголубит жену...

Так и получилось. Снова пошёл на почту завхозом. Однако бравого старшину заметили в райисполкоме. Не последнюю роль сыграло и мнение П. Е. Голещихина, ставшего депутатом Верховного Совета СССР и председателем РИКа, охарактеризовавшего фронтовика как прекрасного работника. Конечно, это было очень приятно.

Всё, чему научился Николай у Голещихина, пригодилось в работе. И проработал Николай Фёдорович завхозом в райисполкоме до самой пенсии.

Уж так устроен человек

С грустинкой рассуждает Николай Фёдорович о том, что раньше жилось лучше, как-то веселее, хотя тягот и лишений всегда хватало. Но так уж, видимо, устроен человек: сколько бы ни пришлось пережить суровых минут, он быстро привыкает, приспосабливается к различным передрягам. Современное поколение, констатирует Николай Фёдорович, меньше радуется жизни, меньше работает.

Может, он и ошибается, ведь всегда существовала проблема отцов и детей, не избежать её и сейчас. Но в одном он непреклонен: работать надо всем, только при этом условии можно достичь процветания. А ещё всем надо иметь чувство гордости за свою страну, быть патриотом. Его очень возмутило, когда прочитал в газете, что семейство Черномырдина располагает капиталом в 5 миллиардов долларов.

Забвению не подлежит*

63 года жизни Реет Эдуардовны Михайловой прошли на сибирской земле, четыре десятилетия из них отданы работе в Каргасокском леспромхозе, где и поныне вспоминают эту удивительную женщину — человека честного, чистого душою, прекрасного специалиста и доброго, отзывчивого к чужой беде друга. В её судьбе, как в зеркале, отразилось всё то трагическое и героическое, чем отмечена судьба нашей многострадальной страны.

Живы остались за счёт доброты

14 июня 41-го в 4 утра маленькая Реет была разбужена громким стуком в дверь. С недетским страхом смотрела она, как торопливо собирают вещи родители, как мечется по квартире, стараясь помочь им, старший брат, и никак не могла понять, почему они должны покидать родной Таллин и куда-то ехать, да ещё в спешке. «Два часа на сборы», — так сказали эти страшные люди, ворвавшиеся среди ночи в дом...

Да где уж было понять это ребёнку, если взрослые и те не понимали, чем провинились перед новой властью и куда их отправляют. Потому и паковали, что под руку попадалось. Хоро-

* Статья Тамары Ерисовой (газета «Томский пенсионер, № 3, 2004 г.)

обслуживание и сервировка — на европейском уровне, а сибирские лесники, мастерски приготовленные ими, привели их в восторг. В следующий приезд, по их словам, они снова отдадут предпочтение вашему ресторану. С нашей стороны — ещё раз спасибо за помощь и поддержку! До новых встреч!».

От группы фирм «Розвин-Лаугс»
От п/о «Томскнефть»
От ТПО «Томич»
От «ТОКО»

О таких, как Валентина Ратина, как её коллеги О. П. Костаков, Н. Л. Беляев. и других сказано у Виталия Закруткина:

«Человек рождается не злобным волком, а человеком с добрым сердцем и ясным умом».

Это они доказали всей своей жизнью, работая на благо людей, на авторитет Томска.

18.06.2008 г.

— Где же у них совесть? — возмущается ветеран, — Они обобрали народ, государство, и ещё разливаются соловьём о своей любви к стране.

А когда мы с ним беседовали о прошлом, о жизни, он вдруг отдаленно признался:

— У меня в голове постоянно какие-то видения, но не фантастические, а из прошлого. Вот я маленький, вот работаю; война часто вспыхивает, послевоенные годы — это работа без начала и конца. Теперь вот на пенсии давно. Как быстро пролетает жизнь — мгновения её, действительно, как пули у виска, свистят и исчезают...

А мне хочется продолжить, что у каждого мгновенья — свой резон. Резон у Пришаева состоит в том, что живёт он большую, осмысленную и правильную жизнь. Так пусть дорога ложится ему под ноги, а ветер всегда дует в спину.

2003 г.

Вот благодарственное письмо ректора Томского университета профессора А.П. Бычкова:

«Уважаемая Валентина Трифоновна!

Разрешите поблагодарить Вас и в Вашем лице весь коллектив ресторана «Томск» за отличное обслуживание наших гостей в дни юбилейных торжеств по поводу 100-летия со дня основания Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева».

В своём письме директору ресторана директор Томского научного центра АМН СССР А. И. Потапов отметил 27.11.80 г.: «...Нам приятно, дорогая Валентина Трифоновна, выразить лично Вам, возглавляемому Вами коллективу искреннюю благодарность, так как именно Ваш труд способствовал тому, что сессия прошла на высоком научном и организационном уровне...».

Вот гости из Москвы, Новосибирска, Ставрополя, Читы, Ленинграда, Агинска, Якутска, участники межобластной научно-практической конференции по летнему отдыху школьников сердечно благодарят «...за чуткое, внимательное отношение к нам, отличное обслуживание, за ваше гостеприимство. Нам всегда было приятно видеть доброжелательные лица официантов и желание создать нам хорошее настроение, а не только накормить нас. Всё, что вы нам готовили, было очень вкусно и красиво...».

Артисты Красноярского Государственного театра оперы и балета отмечали, что «...та атмосфера добра, которая исходила от работников ресторана, создавала хорошее настроение, которое немаловажно для актёров...».

Да, с душевным трепетом читаются от всего сердца признания уважения и восхищения знатных людей страны за отличное их обслуживание работниками ресторана. Валентине Трифоновне удалось создать такой замечательный коллектив, который прославлял на всю страну не только ресторан, но и любимый ею Томск. Это отмечали многие гости Томска. К примеру, Влади-

младший брат Вавила был председателем Айполовского Совета в конце сороковых годов. Кунгурова вскоре заменил Бронислав Мартынович Якис. В 1927 году председателем сельсовета избирается молодой охотник-хант Вениамин Кондратьевич Могутаев, 1906 года рождения.

Политика государства была напрвлена на использование национальных кадров в местном самоуправлении. Могутаевы в Айполово приехали в 1912 году, а до этого жили в с. Могутаево, это недалеко от с. Майска, родовое поместье клана Могутаевых. Жили в большом доме, 10×12 м. Вели оживлённую торговлю с купцами, которые привозили муку, керосин, сахар, ружья, дробь, порох, мануфактуру в обмен.

В Могутаево-2, что стояло в муче Васюгана, недалеко от них, моровое поветрие унесло всех, остались Костя Могутаев со своей бабкой. Рванули к Анжиным Верховским, стойбище это было выше Шмаковки, что за Майском. На лето со своей семьёй поехали на Мачельгу, заготовить рыбы на зиму. Сделали запор — рыбы было много. Но однажды, вернувшись на стан, увидели, что медведь всё разорил, всё разметал. Жена плачет — не хочу больше здесь жить, поехали туда, где людей много. Кондратий взял пальму и пропорол запор, выпустил рыбу. Снова вернулись в Анисины. Однажды Кондратий порубил руку и заболел горячкой. Видимо, бешенством или столбняком. Выл, катался и кусался. Сделали деревянную клетку, посадили его туда и повезли в Айполово. Было это в 1915 г. В Айполово тогда жил очень интересный человек, русский. Он записывал сказания, лечил людей и занимался с детьми. Знал очень много сказок и рассказывал их занимательно. Он пришёл и спросил, почему мужика в клетке содержат. Рассказали, от чего приключилось такое. Попросил затопить баню и выпустить Кондратия из клетки — увёл его в баню. На второй день повторил процедуру, и Кондратий вышел из бани здоровым человеком.

Вскоре родился Маркел, потом Артём, в 1918 г. — Иван, в 1925 г. — Евгения. Обзавелись хозяйством — построили дом, купили

что и нужно, бери инструкции по минометам, принимай роту, учись сам и учи личный состав, шагом марш!» Ещё почти два месяца стояли на формировании и вооружались. Только в октябре получили миномёты. В машках сразу погрузили на поезд — и под Москву. Разгрузились под Тулой, и началась работа.

Местность голая, ровная. Атаки были беспрерывные, и потерь очень много людей. Однажды в атаке потеряли почти всех офицеров, и комдив приказал бои вести только ночью — потери сразу резко уменьшились. Каждую ночь не давали вару спать. Подошёл новый, 1942 год. В ночь на 1 января Маркел получил тяжёлое ранение в ногу, помощь не была оказана своевременно, и потерял много крови. Из-под Тулы увезли в Тамбов, даже не перевязав. Вполне можно было сохранить ногу, считает Маркел Кондратьевич, и снова бы в строй. Началась гангрена, но ногу отрезать не дал, и его заказённый организм помог ему справиться с этой напастью. Из Тамбова увезли в Ташкент, где ещё пролежал 20 дней. Раны зажили, но нога стала короче и не сгибалась. Комиссовали, списали «вчистую».

Поехал домой, мать уже несколько лет не видала сына. До Кардаска доехал на пароходе. От Кардаска поехал на почтовом катере. Старший брат Вениамин работал зам. председателя райисполкома и как раз был в командировке в Среднем Васюгане, встретил его, и поехали к матери в Айполово. Братва его работали в райцентре — Иван следователем прокуратуры, а Федот начальником пассопортного стола, только что приехавший из соседнего Александрово, где работал народным судьёй после окончания юридических курсов в Ленинграде при Институте народов Севера.

Вскоре двоих братьев, Вениамина и Федота, призвали на фронт. Федот погиб. Вениамин был ранен. Маркел устроился инспектором отдела кулыгуры. Весной 1943 года, будучи в командировке, пошёл пешком из Анаприошкино на Уват. Вода быстро прибывала, и, переходя через речушку, с головой окунулся в воду. Еле добрёл до Уваля. Простудился, заболел. По состоянию здоровья в 1946 г. уволился из отдела кулыгуры.

Томские вдвоя

Валентина Трифоновна Раткина проработала директором ресторана «Томск» с 1979 по 1997 год. Не зря гости земли томской называли гостиницу и ресторан «Томск» «воротами Томска».

Все знатные гости города и области считали своим долгом посетить директора и весь коллектив ресторана «Томск» за гостеприимство и вкусную еду, за создание хорошего настроения, а значит, и благотворной работы комендировочных и творческой работы артистов, учёных, спортсменов.

В книге отзывов ресторана «Томск» оставили записи многие народные артисты, руководители различных делегаций, представленные коллективы аксакалей, спортсмены мира и олимпийских игр, и многие другие.

Уже по записям этих замечательных людей можно составить мнение о работе коллектива ресторана «Томск», руководимого Валентиной Трифоновной.

Вот запись народной артистки России Лии Ахеджаковой: «Милая Валентина Трифоновна! Милая Мария Иосифовна! И народ у Вас чудный, и сами Вы нас удивили! Спасибо за тепло, за вкусности, за терпимость, за то, что были так внимательны к нам...».

двух коров, лошадь. Приезжие купцы останавливались у Могутаевых — это два брата Веснины, Василий и Семён, которые жили в Орловке Новосибирской области. Привозили они муку, сахар, соль, ружья, порох, дробь и прочее снаряжение, а скупали пушнину, рыбу. Очень удачная была коммерция. Недаром из Орловки на Васюганье купцы начали строить дорогу, которая подошла к посёлку Тайга Тайгинского сельсовета на 20—25 км. И была бы построена, да помешала война и воровство — прокутили денежки десятники. Маркел рос подвижным, смекалистым, в 5 лет он уже сам ездил на обласке и рыбачил на удочку. Со старшим братом Вениамином уходил в тайгу.

Родители вдруг надумали уехать в Орловку. Прирезали коров и на своём Серко уехали. Жили у купцов Весниных, которые дружили с Могутаевыми и помогали семье. Предложили товары отцу, чтобы сам торговал, причём давали бесплатно. Но охотнику и рыбаку не по душе было это занятие. Побегал по тайге в Орловке — не понравилось, в Васюганье лучше. Нашёл пару повозок и попросил увезти семью в Черталу Тайгинского сельсовета.

Весной 1927 года сделал лодку, и снова поехали в Айполово. Маркел учился. В то время в Айполово была только начальная школа, и, видимо, учитель Виктор Иванович Руденский был талантливейшим педагогом. Из первого класса к Новому году Маркел сразу перешёл во второй. Осенью походил в третий, а потом с братом Вениамином ушёл в тайгу, и был там до окончания охотничьего сезона. Весной успешно заканчивает третий класс. Осенью всё повторяется так же. Руденский, выдавая вместе с документом об окончании начальной школы похвальный лист, прочил Маркелу блестящее будущее, и советовал не бросать учёбу. В 1932 году вместе с сорока сверстниками направляется в интернат пос. Вертикос. И здесь удивил учителей Маркел — на свободную тему написал сочинение — «Муму» И. С. Тургенева Учитель прочитал всю исписанную тетрадь. Сочинение получилось очень интересным. После шестого класса Маркел поступает в педучилище г. Колпашево, на подготовительные курсы. В 1934 г. оканчивает первый курс педучилища, но получилась осечка — там изучали селькупский язык, а Маркел, поднявшись на свою феноменальную память, не смог осилить программу селькупского языка. Преподаватель селькупского поставил 2. Обидется Маркел, больше не захотел ехать в Колпашево.

В Ленинграде при Институте народов Севера работали центральные курсы Советского строительства. Маркела направляют на эти курсы. Через год возвращается в Нарымский окрисполком и работает инструктором. В 1938 году поехал в командировку в Верхнекетский район на сессию, и там избирают его председателем сельсовета. Тяжко пришлось молодому, неопытному парню. Несколько раз обращался в окрисполком, чтобы отозвали. Отказывали — работай, набирайся опыта. Вспоминал брата Вениамина, который работал председателем Айполовского сельсовета в 27 году, когда ему было почти столько же лет. В апреле 1939 года его призывают в армию. Окончил полковую школу. Всех удивлял своей меткой стрельбой и, как правило, занимал первые места на стрельбах. В 1940 году написал рапорт об отправке его в офицерское училище. В мае был отправлен во Владивостокское пехотное училище — больше всего его привлекала «царица полей».

Началась война. Училище перешло на ускоренные методы обучения, и уже в августе 1941 г. сделан выпуск. Молодого лейтенанта направляют в Саратовскую область, в Карск, на должность командира стрелковой роты. Прибыли в Карск, а училище эвакуировали. В это время там формировалась армия. Командир дивизии приказал всем лейтенантам прибыть в штаб за назначением, с документами. Пришли, посмотрел полковник документы Маркела, поправил ремни. Назначил командиром минометной роты. «Но, товарищ полковник, я ничего не понимаю в минометах», — взмолился Маркел. «Ничего, лейтенант, — ответил полковник, — отличник учёбы, по математике отлично,

Любимейший спортивный комментатор Николай Николаевич Озеров сделал запись:

«Дорогие друзья!

Спасибо Вам за заботу, ласку, внимание, доброе отношение, за отличное обслуживание.

До новых встреч в вашем чудесном городе.

Ещё раз спасибо за всё!

9.XI. 1982 г.».

Благодарности, благодарности. И не только от небольших групп, но и от коллективов, в которых насчитывается до 150 и более человек — это академические театры Москвы, Ленинграда, Минска, Казани, Новосибирска, Красноярска и других городов страны, это и прославленный ансамбль Игоря Моисеева, и семинары учёных. Немалый коллектив Аллы Пугачёвой. А Игорь Моисеев сделал запись:

«От всего сердца благодарим Вас за исключительное внимание, гостеприимство и предупредительность. Всё было очень хорошо, вкусно, а главное — добросердечно, с искренней симпатией.

Большое спасибо!

26/IX.1987 г.».

Художественный руководитель Государственного академического народного хора БССР М. Дриневский кроме благодарности написал:

«Отношение Вашего коллектива к работе с людьми достойно восхищения! Подражания! Глубокой человеческой благодарности!

Доброго Вам здоровья, человеческого счастья, успехов в Вашем благородном деле!

«Мірнага неба, смачнага хлеба, крынічной вады, і ніякой бяды».

Главный режиссёр театра «Современник» Галина Волчек написала 19 июля 1981 года: «Московский театр «Современник» сердечно благодарит всех работников ресторана гостиницы «Томск» за прекрасное обслуживание, за внимание и теплоту, за вкусную пищу. Спасибо Вам всем!..».

Кроме неё подписались Олег Табаков, Игорь Кваша, Лолами-ла Иванова и другие.

Читаешь записи любимых артистов, и хочется всех процитировать. Это Николай Крючков, Юрий Яковлев, Владимир Этуш, Василий Лановой, Леонид Кураев, Евгений Леонов, Игорь Горбачёв и многие, многие артисты, любившие в нашем любимом городе.

Свои авторграфы оставили знаменитые спортсмены нашей страны и их руководители-тренеры. Елена Чайковская в книге отзывов написала:

«От имени сборной СССР по фигурному катанию хочется искренне поблагодарить коллектив ресторана «Томск» за прекрасное обслуживание фигуристов во время пребывания в вашем городе. Всё это несомненно способствовало успешному выступлению сборной команды перед зрителями вашего прекрасного города. Большое спасибо!».

И внизу — подписи известнейших фигуристов. Дата: 19.04.81 г.

...Как не хотелось ей в тот день идти на вывозку дров, но пошла. Судьба предостерегала её, но не послушалась, не остереглась, и теперь всю жизнь позвоночник напоминает ей об этом несчастном случае...

И в Среднем Васюгане судьба ещё раз благосклонно отнеслась к ней. Было жаркое лето. В воскресенье жители села семьями шли на реку Васюган. Потянуло и Елену Евсеевну на Васюган, посмотреть на купающихся и полюбоваться природой. Знакомые стали приглашать искупаться и её, охладить тело.

— Да я же плавать не умею, а здесь глубоко.

Не поверили, схватили её, раскачали и швырнули в воду. Елена камнем пошла на дно. Заработала руками и ногами, и её выбросило на поверхность. Ей запомнились смеющиеся лица людей — и всё... Очнулась она на берегу. Ощутила себя изрыгающей воду и увидела парней, которые усиленно делали ей искусственное дыхание. Потом рассказали ей, что, вынырнув один раз, она снова скрылась под водой надолго, и смех женщин перешёл в вой. Парни начали нырять, и скоро нашли лежащей на дне. Вытащив, долго делали искусственное дыхание, и вернули женщину к жизни.

Рассказывая, Елена так живо представляла это в лицах, и задорно, заливисто хохотала. Слушатели, пациенты районной больницы, тоже весело посмеялись этой невесёлой истории.

Елена Евсеевна из той породы людей, которые не поддаются унынию. Она говорит:

— Главное в жизни — не тужить. Всё идёт так, что у всех всё в жизни образуется, всё будет так, как хочется, и седая, подступившая к нам осень, — прекрасная пора!

27.05.08 г.

Поправился за лето лейтенант, и устроился секретарём моторно-рыболовецкой станции, а вскоре перевели техником по рыбодобыче. Пригласили в РОНО и попросили поехать в Майск военруком, а райком партии рекомендовал его парторгом. В 1943 г. председателя сельсовета Ивана Тимофеевича Журавлёва переводят в район, и Маркела Кондратьевича избирают председателем Майского совета. Колхозы занимались в основном хлебопашеством. Лето 1944 года было дождливым. Однажды пошёл на пашню председатель, по дороге встретил заведующего базой, который сообщил, что колхозы сдали хлебопоставки на 25 % от плана. Как, когда, каким образом? Не поверил, пошёл посмотреть на базу — даже следов от колёс никаких нет. Понял лейтенант, что председатели колхозов дали ложные сведения. Что предпринять, ведь шесть председателей посадить могут, в то время это было запросто. Крепко задумался председатель — что делать? Не заметил, как до поля дошёл, и увидел, что хлеб в суслонах под дождём прорастать стал. Испугался, быстро пошёл в Совет и обьявил большой сбор. Собрались и решили: чтобы спасти хлеб, надо косить и в дождь, и молотить. Сушить зерно на русских печках. Все поддержали Маркела, и работа закипела. 800 центнеров хлеба сдали государству — план выполнили, засыпали семена, фураж, выдали по полтора килограмма на трудодень. Люди перестали голодать. Думал, что авансом «сданный» хлеб председателями пройдёт без внимания районных властей. А тут пожаловались учителя, что школьное поле засеяли картошкой завбазой и комендант. Приказал Могутаев картофель выкопать и половину сдать школе. Не простили ему эти должностные лица, и всю вину свалили на председателя, что это якобы он дал ложные сведения о сдаче хлеба. За приписки его снимают с работы. Под суд не отдали, так как хлебопоставки — эту первую заповедь — Майский Совет сдал одним из первых. Взял свою жену (здесь он нашёл свою первую любовь — женился на учительнице русского языка Виктории Якобсон) и уехал в Новый Васюган. Родился

«Пой чужим именем»

(исповедь много пережившего человека)

Кто-то сказал, что ни у кого нет права ворошить наше прошлое. Поворошить прошлое этого человека меня попросил сам герой моего рассказа.

Прыша Сайнаков родился 21.01.1920 г. в деревне Старо-Сайнаково, что в двух километрах от села Волдино Кирвошенского района. Семья была зажиточной. Держали скот, пахали землю, сеяли пшеницу, были владельцами магазина, в котором всегда можно было купить холовье на деревне вещи. Вроде бы ничто не предвещало беды. Прыше исполнилось шесть лет, и отец стал брать его в поездки — ухаживать за лошадьми.

Весной 1926 года они поехали пахать. В обеда отец дал овёс лошадям, а сам пришёл отдохнуть на землю, разомлев от солнечного тепла. Лошади отдыхали по полторра—два часа. Просуববшись, отец вскочил и схватился за бок, извиваясь от боли. Пришла быстро стал запрягать лошадей, впервые самостоятельно, потом ему удалось отца погрузить на телегу, и помчался домой. Наутро отца повезли в с. Александровское, где была больница. Но помочь уже ничем не могли — отец умер. Осталось трое детей, невеснахнное поле, хозяйство. Мать растерялась. Кто-то посоветовал срочно выйти замуж. Мать послушалась и поехала в Монастырское, отсуда и привезла мужа — цыгана, Шишкина Степана. Степан вспахал поле, засеял его. Помощник у него тоже Прыша, который и бороний, и сеял. Пшеница уродилась на славу, велик Бог милостью. Цыган Степан осенью ушёл к другой молодайке, и мать надумала уехать в Никольское. Село большое, людей много, может быть, и найдёт свою судьбу. И правда, жених быстро нашёлся. Молодой вдовец Ерёмин Арсений остался с двумя сыновьями, и посватался к матери. Мать за двести пудов пшеницы купила дом, куда всеилось большое

Вновь прибывших на работу в лесу разместили в длинном, низком бараке. Вместо коек деревянные топчаны, на которых лежали постели, накрытые тонкими серыми одеялами, а после рёлине барака стояла огромная печь, на которой варили всяк себе еду, она же служила и сушилкой. Всем дали отдохнуть три дня — и в лес. Лена получила топор, и заставили её обрубать сучья.

Деревья стояли огромные, какие в Белоруссии Лена не видела. Сучки у некоторых были толстенные, как молодые деревья, росли из ствола. Лена в рёв:

— Вован наааа, сил никаких нет махать топором. Хочу домой к маме. У нас лучше.

Но постепенно втягивалась в тяжёлый труд. Помогала парнишкам закатывать огромные сучки на сани. Однажды так надрывалась со стажком, что «сорвала» пупок. Медицина почему-то это не лечит. Мастер направил её к бабушке поправить живот. До сих пор в памяти, как тянут пупок, поставленный на пуп, все её жилы. Казалось, что всю саму затянет в этот пупок. Бабка сняла пупок, и боли отступили. Мастер перевёл её на более лёгкие работы. Она чистила делянки и сучья.

Весной брата Михаила направили на сплав. Он взял с собой и Елену. Лес сплавляли по Васюгану от Осиновского Ра до Кимжар. Это примерно 300 километров.

В Осиновом Ру Елена познакомилась со многими сплавными, которых она хотела посмотреть. Она писала матери:

«Сплавные такие же люди, как мы, только говорят на ненецком языке...»,

Там жили лапыши, эстонцы, литовцы, турки. У приёлатов с краю было три барака, а недалеко сруубленные ими дома. На другом конце посёлка три барака и дома, в которых жили турки, т.е. высланные с Кавказа. Там насчитывалось более десяти национальностей: турки, цаэы, грузины, абхазы, и другие. Особняки же рубили те, у кого в семье было несколько мужчин, или было много родни.

сын Михаил. Маркел устроился охоторганизатором, а затем военруком в Айполово. Жене пришёл вызов в г. Новосибирск, в институт. Решили ехать всей семьёй, с ними была ещё бабушка жены. Сняли крохотную комнату на 9 квадратов. Жена вновь была беременной, и решили, что Маркел возьмёт сына и вернётся в Новый Васюган, она с бабушкой останется в этой комнате.

Жена Виктория из Новосибирска сообщила, что приехал бывший муж, и вместе с родившейся дочерью она решилась ехать в Одессу. Маркела направляют председателем Огневоярского сельсовета. Здесь встретил девушку Нину Григорьеву, влюбился, и в 1948 году поженились. Она родила Маркелу Кондратьевичу двух сыновей и двух дочерей. В 1949 году Маркела назначают заведующим собесом. В этой должности Маркел Кондратьевич проработал до 1956 года. Разъезжая по командировкам в посёлки района, уточнял, сколько погибло хантов в Великую Отечественную войну. Многие погибли «семьями», например, четыре брата Синарбиных, три брата Тагаевых, три брата Полумогиных, Бардины, Карауловы, Лёсморовы, Вилкины и много-много других. Семьям погибших Маркел Кондратьевич всегда оказывал всяческую поддержку и материальную помощь, и не только хантыйским. Не оставлял без внимания и русские семьи, особенно многодетные. В это время Айполовский сельсовет был одним из самых крупных, и Маркел Кондратьевич обратился с просьбой в РИК, чтобы его направили председателем Совета туда, семья увеличивалась, а в деревне легче прожить. Жена приняла магазин, а Маркел Кондратьевич развил бурную деятельность по строительству — начали строить клуб, медпункт, засольную. На строительство была выделена всего одна тысяча рублей. Но всё было построено, хотя и задолжал много строителям и колхозу. По строительству при подведении итогов Айполовскому сельсовету было присуждено 1 место. Дали премию — лодку с подвесным мотором. 28 декабря звонит предрика, что пропадают деньги, можно ещё перевести. Обрадовался председатель, попросил 28 тысяч, и рассчитался

мозга и ушибла позвоночник. Долго лечилась, но последствия травмы остались на всю жизнь — тремоло всех конечностей, главное — головы.

После лечения стала работать в детском саду нянечкой.

В это время из Белоруссии пришло известие, что ей нужно получить ордер на квартиру. Поплакала, погоревала, но денег на дорогу не было.

В детсаду Елена проработала до выхода на пенсию. Сын Юрий выучился на тракториста и стал работать в лесу. Дочь также пошла работать на лесоучасток. Юрий переехал в Средний Васюган, а лет через пять и Елена с дочерью переехали туда.

Свою родную Белоруссию Елена никогда не забывала. И покуда была жива мать, она через год-два ездила с детьми туда. В 94 году умерла мать, а в 96-м и сестра. С тех пор больше ездить не к кому.

Теперь Елена Евсеевна нянчится с внуками, копается в огороде. И воспоминания. Особенно ночами, когда мучает бессонница. Прокручивается вся жизнь. Вот их живьём сжигают. И хотя ей шёл всего пятый год, она этот эпизод помнит до мельчайших подробностей. Сколько раз и после, в Сибири, были смертельные эпизоды, после которых она чудом оставалась жить. Вот валится на неё огромное дерево. Изо всех сил она стремится убежать от него, но вдруг запинается, падает, и старается голову спрятать под маленькую ёлочку. Лесина накрывает её. Огромный сук буквально в пяти сантиметрах от головы втыкается в землю. Видимо, он и спас Елену — самортизировав, дерево не придавило её, а вместе с ёлочкой прижало к земле. Конечно, кончики ветвей больно стеганули её ниже пояса, дерево высекло, но не убило. Самостоятельно Елена вряд ли бы выбралась. Она лежала и слышала, как кричали и плакали подруги:

— Убило! Человека убило!

Когда Елену вытащили из-под дерева, поражённые подруги увидели, как она взяла топор, и, как ни в чем не бывало, принялась обрубать сучья...

Елена познакомилась хорошо с семьёй Керелжи-Отыл. Отец и мать занимались хлебопечением. Какой был вкусный хлеб у них!..

И вот они на Кимжаре, где была заимка, и лес отгружали на огромные деревянные баржи. Елена была поставлена на сортировку леса по сортаментам. Глубокой осенью они на лодках поехали в Мыльджино. Зиму опять проработала в лесу, а весной снова сплавляли лес по речке Нюролке, затем по Васюгану до Кимжара.

Брат Михаил был большой любитель выпить, и пропивал все совместно заработанные деньги. Как только представлялась возможность, Елена решила жить отдельно. Обосновалась вся, стыдно на вечёрки ходить. Она на зиму осталась в Старополино.

В 1957 году Елена вышла замуж за Вячеслава Иванова, и они уехали в Калтанак, в то время крупный лесоучасток, а затем в Тевриз. У них родились сын и дочь. Шло время, дети подрастали, но в семью пришло горе — заимы муж Вячеслав. Начались скандалы, драки. Терпеть такое невозможно, и Елена, забрав детей, уезжает в Белоруссию. Там с радостью встретили их мать и сестра. Шёл 1968 год.

Не надо тужить!

Родина не очень ласково встретила Лену. За прошедшее время, пока Елена не была здесь, многое изменилось. Республика много усилий предпринимала в области строительства, но на всех не хватало квартир. Елена с семьёй прожила шесть лет там, но перспективы на получение квартиры не предвиделось. Она решила вернуться в Тевриз. Сын Юрий и дочь Света не могли привыкнуть на новом месте и всегда рвались вернуться на свою малую родину.

Неделя пути — и она дома. Здесь её помнили, хорошо приняли в коллективе. Елена стала работать на разных работах, но в основном на заготовке дров. Однажды возили дрова, и она выпала из машины, упав прямо на дрова. Получила сотрясение

со всеми. Приехали с ревизией, и за перерасход на строительство на 28 тысяч рублей предложено было снять председателя с работы, исключить из партии и восстановить деньги в бюджет. Заступились отцы района, но с работы предложили уйти. Пошёл Маркел Кондратьевич в охотники.

В 1963 году принял библиотеку. Младший сын Владимир поросил отца научить язык предков. Раз мать русская, то и в семье не звучал хантыйский язык. Вот здесь и пришла в голову Маркела Кондратьевича мысль составить хантыйско-русский словарь. Более 20 лет работал над ним — это стало его основным делом жизни. Большую методическую помощь оказала учёная из университета Надежда Васильевна Лукина, а также В. М. Кулемзин — они также работали над хантыйским языком, но по другому диалекту. Показали приёмы составления словаря, что намного облегчило ему работу над словником. Закончил работу тогда, когда оформился на пенсию и переехали на жительство в Павлово к сыну. Лукина взялась помогать в издании этого словаря. Труд получился солидный — насчитывает 90 тысяч слов и называется русско-хантыйский словарь Васюганского диалекта. Маркел Кондратьевич говорил, что ханты Сургутского говорят на одном диалекте с васюганскими. И что это, видимо, потому, что примерно 70 % хантов Васюганья в тридцатых годах уехали на север.

Одно из основных дел в своей жизни — составление словаря — Маркел Могутаев выполнил.

1996 г.

вывели всех из бани и увели в лес. Люди лето прожили в лесу, а в зиму перебрались в соседнее село.

После войны к ним в село пригнали пленных немцев, которые работали на лесоповале, а жители отстраивали село. Построили школу, и Лена стала учиться в ней. После окончания третьего класса мама отдала её в няньки.

К шестнадцати годам Лена повзрослела, расцвела, многие парни стали на неё заглядываться. Брат Михаил работал в городе. Однажды он приехал и сказал, что завербовался в Сибирь. Мама охнула:

— Да зачем же туда, там одни ссыльные живут!

Лена заявила, что она тоже поедет с браткой.

— А ты-то зачем?

— Хочу посмотреть на ссыльных.

И поехала. Неделю до Томска, затем до Каргаска. С Каргаска до Нового Васюгана на самолёте, а оттуда их пешком отправили на лесоучасток Осинов Яр по зимней дороге. В ноябре 1955 года было холодно, и Васюган был скован крепким льдом.

— А говорили, что повезут на собаках или оленях, а тут пешедралом 100 километров! — возмущалась Елена.

За день они дошли до Тимельги. Деревенька небольшая, в которой жили несколько остяцких семей. Спросили у хозяина, приютившего их:

— Далеко ли до Осинового Яра, и что это за лесоучасток?

— Не-а, плиско. Это, однако, город, весь в огнях, а на берегу Васюгана три парохода зимуют.

Обрадовались путники, что жить будут в городе. Когда подходили к Осиновому Яру, увидели на берегу три катера, занесённые снегом, семь-восемь бараков и несколько домов. И это город?! Всё в огнях!

На столбах горели несколько электрических ламп и тусклым светом светились окна бараков. После плошек с жиром и керосиновых ламп местным жителям освещение в бараках казалось ярким, ослепляющим.

семейство. Узнав, что мать беременна от цыгана Степана, который к этому времени успел прославиться организацией кражи скота у односельчан, Ерёмин с сыновьями уходит от них. Мама Гриши родила сына Костю, и через три дня после родов её погнали на работу. Старшая, Анастасия, уехала от колхоза в леспромхоз, и водиться заставили Гришу. Гриша сразу невзлюбил новорожденного Костю, и просто не подходил к нему, убегая на целый день играть с ребятами. Мать приходила с работы, кормила перегоревшим молоком голодного младенца, и у того начинались рвота и понос. Мать наказывала Гришку, но это только усугубляло его ненависть к брату. Конечно же, вследствие такого ухода Костя прожил всего 12 дней.

Через три года Анастасия решает остаться в Красноярском леспромхозе. Мать тоже переезжает к ней. Гриша любил лошадей, и это нравилось завхозу. Он заставил мужчину, работавшего на подготовке ледовой дороги, взять Гришу с собой. Как работающему, ему стали давать паёк — 600 граммов хлеба. Мать тоже устроилась, техничкой в контору леспромхоза.

Через два года мать выезжает в деревню Красный Игловск (раньше она называлась Богословской пристанью) ухаживать за 104-летним Григорием Харитоновичем Петлиным, который уже много лет был парализован. В молодости он был вожаком шайки, которая грабила проезжих. Однажды ему один купец оказал серьёзное сопротивление и ударил ножом в шею. От нанесённой раны насильника парализовало.

Гришка понравился в деревне тем, что любой работы не гнушался, и всё у него ловко получалось. Председатель сельсовета однажды пригласил его к себе и спросил: «Хочешь поехать в Моряковку работать на земснаряде? Дадим тебе справку, что ты с 17 года, и тебе выдадут паспорт». Гриша с радостью согласился. Вскоре он устроился гребцом к бакенщикам. Участок в 25 км от Томска до Поросино. Через год перевёлся бакенщиком в Невалыдево (вниз по Оби до Чигары). Участок — 50 километров. Познакомился с капитанами, которые останавливались под

Закончил договор на три года. Новая жена от него не отстала. В 1947 году у них родился сын. На работе всё складывалось хорошо. Их участку был приказ пароход «Правда». По своей должности Иван капитанил на нём. Прислали двух парней из инструктора на стажировку. Они стали просмеивать Ивана за неумело, на их взгляд, подаваемые команды, за панибратские отношения с членами команды. Иван перевёл стажёров в матросы и создал им довольно тяжёлую жизнь. Курсанты подчинялись, хотя энергично возражали против такого произвола. Однажды Иван пошёл в посёлок, и на полпути встретился с ними. Те воспользовались отсутствием свидетелей и начали его избивать. Иван выхватил нож и нанёс обоим пожелые ранения. За причинение обороны получил три года. Правда, в лагере он пробыл всего несколько часов. Узнали, что был капитаном, и сразу же определили капитаном на катер. Шло строительство железной дороги из Игарки в Дудинку, и Иван стал работать в раскомандировании бригаде по переброске грузов.

В 1953 году амнистировали, и он вновь стал работать старшиной участка в Кызыл-Мысе. Получил на родину, но встретил старого друга из Торгра. Устроился завхозом в детский дом и пенником. Его всегда отличало от других умение за что бы ни брался, делать всё качественно, на совесть. Хотел сходить в библиотеку и попробовать вернуть своё от рождения имя, но другие отсоветовали, да и дети были под этой фамилией. Так навсегда и осталась Панфиловым Иваном Егоровичем. При года проработал в детдоме. Жена стала звать в Усть-Ишим, там вся её родня, вот и уехали туда. Устроился в затон. 15 лет проплетели незаметно. Вырослы дочери, сын. Одна из дочерей по распределению приехала в Каратаск, вышла замуж. Иван Егорович приехал к свату в гости, понравилось здесь очень. В Каратаске была организация «Мелиорация», и он быстренько договорился с начальником и устроился шкипером на баржу. Шёл уже 1983 год, и Ивану Егоровичу исполнилось 63 года. В 1986 году оформился на пенсию. Ещё проработал 5 лет, и из-за болезни пошёл, как

Когда грянула война, все, даже самые тяжёлые работы легли на женские плечи — мужчины ушли на фронт. Но посёлок не обезлюдел. Сюда везли выселенных с Поволжья немцев, детей блокадного Ленинграда, которых старались лучшенько отобрать и подкормить всем селом. Ленинградский детский дом № 82 пробыл в Бутинском более двух лет.

В 1958 году в Бутинское из Прорвино переведен сельский совет. Первым его председателем стал А. П. Костенников.

В 1960 году в посёлке построили новую школу. Жизнь налаживалась, появились лесопромхозы. Всё это хорошо помнят старожилы.

Пенина Пенинговна Сабельфельда приехали в Бутинское восьмимесячным ребёнком родители, выселенные с Поволжья. Бутинское стал его малой родиной. Окончив в 1955 году школу, пошёл он работать на Обской лесоучасток. Потом были три года армейской службы. По возвращении направили его на курсы судоводителей.

12 лет проработал в рыбхозе капитан-механик Пенин Сабельфельд, а потом снова вернулся в лесопромхоз вальщиком леса. Последние годы перед уходом на пенсию Пенин Пенинович работал на сплаве.

Василий Семёнович Михалёв, уроженец посёлка Соснового Каргасокского района, живёт в Бутинское с 1952 года. Здесь он учился, работал на Обском сплавучастке, потом окончил курсы водителей. Вся его трудовая биография связана с этим посёлком, ставшим по-настоящему родным.

Работал всегда на совесть, нравилось ему участвовать в соцсоревновании и быть в нём победителем. Человек он по характеру очень общительный, из тех, кого называют душой компании.

К сожалению, сейчас среди живущих в Бутинское уже не осталось ни одного участника Великой Отечественной. Но живы трудженики тыла. И о них в день празднования юбилея не забыли: глава районной администрации А. М. Рожкова лично вручил каждому из них ценный подарок. Это были старательные

погрузку дров, на которых подзарабатывал Григорий. Мечтой Григория было заиметь широченные шаровары — штаны, которые были тогда в моде у матросов и грузчиков. Но шкеры из хорошего материала стоили дорого. По соседству жил мужик, который торговал и откровенно приворовывал. Однажды Григорий заметил, что сосед притащил домой мешок с мануфактурой. Мечта о шкерах заставила его сделать подкоп и через подпол проникнуть в дом соседа. Схватил мешок и утащил к себе. Потешался, вспомнив материну присказку: «Что дурно нажито, то дурно будет прожито». Как на грех, сосед воротился домой и обнаружил пропажу. Сразу подумал на Григория, вспомнив, как загорелись глаза у того при виде дорогого материала. Когда с милиционером зашли к нему домой, тут мешок и увидели. Утащить-то утащил, да прикасаться к нему не решался. Итог — два года тюрьмы. Китайцы говорят: «Самый лёгкий ветерок занесёт тебя в тюрьму, но самый сильный бык не сможет вытащить оттуда». Увезли в те места, которые только по песням знал («Шилка и Нерчинск не страшны теперь»...).

В 40-м освободился и поехал домой. В Улан-Удэ зашёл в ресторан пообедать, но что-то не понравилось — заругался матерно, а тут и милиция рядом. Опять год лагерей заработал по указу, который предусматривал год лишения свободы за нецензурную брань в общественных местах и на улице. Сейчас бы такой указ не помешал...

Началась весна. В Томске Григорий устроился на пароход «Тихонов», на котором был знакомый капитан Я. И. Гребнев. Случился пожар, у Григория сгорели все документы. В это время привезли заключённых с западных областей. Их эшелон разбомбили, и вагон с документами сгорел. Всем зэкам выдали справки, что дело прекращено из-за отсутствия состава преступления. Знакомый Григория по лагерю, освободившийся в Колпашево, дал ему справку на имя Ивана Егоровича Панфилова, по национальности... узбека. Так Григорий Сайнаков стал Иваном Панфиловым. По этой справке выдали паспорт с отметкой

Седая осень наступает

В нашей жизни бывает всякое,
И порою не хочется жить.
Жизнь частенько бывает двоякою,
Друг мой добрый, не надо тужить.
Н. Боска

Это четверостишие Натальи Боска припомнилось мне, когда беседовали с Еленой Евсеевной Ивановой, и в конце разговора она привела слова: «Не надо тужить». У неё беспрерывно покачивается голова из стороны в сторону в результате давней травмы. Она весело, заразительно смеялась на шутки подруг. Я подумал:

— Вот, наверное, в молодости была хохотушечкой и певуньей. И наверняка из Белоруссии.

Что-то неуловимо знакомое проглядывало в её облике от белорусских женщин, с которыми был знаком. И не ошибся — Елена Евсеевна приехала из Белоруссии к нам в 1955 году.

Переживая печали и радости, горечь и разлуку

Лене Никитиной было три годика, когда в их село Слободку пришли немцы-каратели. Однажды их всех выгнали из дома и согнали в общественную баню, подпёрли дверь, обложили баню соломой и подожгли. Из их села много было партизан, и каратели решили всех уничтожить. Но партизаны вовремя подоспели,

машины и электрические печи, которым пожилые люди были очень рады.

Получили в юбилейный день поздравления и подарки все ветераны труда. Не остались без приятного сюрприза дети: «Томсктрансгаз» подарил детскому саду комплект тренажёрных снарядов, настольный теннис и другое оборудование.

Праздник удался на славу и надолго запомнится жителям Вертикоса.

о проживании только в Колпашево. Не думал Григорий, что это ими ему суждено носить до конца дней своих.

Однажды, гуляя с другом по Колпашеву, увидели, что в одном из домов не горит свет. Друг предложил, а Иван (по паспорту) согласился залезть в окно. Видно, недаром говорят, что кто украл яйцо, украдёт и коровy. Вещи продавали на рынке, там и были задержаны. Судили, дали два года. Отбыли по этапу в Томск. Проходили мимо деревни, где жила мать. Отпросился у старшего конвойного, которого позабавило, что в глухой сибирской деревнюе у узбека живёт русская мать. Под Томском, до которого шли от Колпашево 11 суток, его друзья-приятели предложили бежать... на фронт. Иван взяли с собой, так как хорошо знал эти места. Добежали до озера, но лодки не нашли и стали обходить его, но тут и настигла погоня. Ложись, руки на голову и не двигайся, иначе перебьют стражники, которые открыли огонь на поражение и двоих уже подстрелили. Побили прикладами, и за побег добавили два года. Шёл 1943 год. На фронтах шли жесточайшие сражения, и из лагерей тоже забирали на фронт. Ивана привезли в Омск, где получили подтора месяца, — и на передовую. Попал на 2-й Белорусский фронт на Витебское направление. В бою получил тяжёлое ранение: пострелены рука и лёгкое. Отлежал в госпитале во Владимире 4 месяца. Получил известие о смерти матери и решил туда не ехать. Работал на текстильной фабрике в Александрове, женился. В 1945 году родилась дочь. Надумал съездить на родину, навестить сестру. Дорогой задержали патруль. Не знал Иван про указ, в котором было сказано, что за проезд без пропуска — год тюрьмы. Вернулся в Александрово, где и отсидел положенный срок. Стал работать в медицине. Тянуло на родину, но жена страшилась Сибири, и он уехал один. Приехал в Усть-Ишим, поступил в Иртышское пароходство. В Усть-Ишиме жил на квартире у татарской женщины, муж которой погиб в 1942 году. Вскоре пароходство направило его в Саскахал, а оттуда в Мало-Ненецкий автономный округ старшиной текучастка.

Венок трудовой славы

80 лет для поселения — не такой уж большой срок в сравнении с человеческой жизнью, но зато можно проследить весь его путь от начала возникновения до сегодняшнего дня, потому что все документы прекрасно сохранились.

Вертикос — название хантыйское, на русский язык переводится как «красная звезда». Год его основания — 1926. А жили здесь в основном охотники и рыбаки — русские, ханты, селькупы. Вокруг — благодатный край: тайга, богатая зверем и птицей, озеро и реки, изобилующие рыбой.

В 1927 году построили в посёлке школу-интернат, в которой детвора могла получить семилетнее образование. В интернате народов Севера жили дети хантов и селькупов.

О нём мне много рассказывал хант Маркел Могутаев, который жил в Айполове на Васюгане, а 5—7 классы заканчивал в Вертикосе. К концу своей жизни он завершил большую и серьёзную работу — хантыйско-русский словарь (васюганский диалект), который сейчас широко используется лингвистами, изучающими языки северных народов.

Преподавание в школе велось на русском языке, а первых учителей — Мартемьяна Прокопьевича Худяшова, Римму Фёдоровну Былину, Анастасию Михайловну Кузнецову и Ивана Константиновича Ивашко помнят и чтят до сих пор.

говорится, на заслуженный отдых. Жизнь так сложилась, что приобрёл много профессий, и топор с рубанком из рук не выпадали. Когда сильно прихватило сердце, задумал сделать себе домовину — зачем детям и внукам беспокоиться? Но вот уже восьмой год «дожидается» у него гроб в сарае, а Иван Егорович ещё бодр, и своё 80-летие встретил в хорошем настроении. И хотя за много лет привык к фамилии Панфилов, и имя своё только во сне вспоминает, хотелось бы ему закончить своё земное пребывание под отцовской фамилией, но... у него есть семья, которую он любит, которые вряд ли захотят стать Сайнаковыми. «Жизнь прошла под чужим именем, — говорит Иван Егорович, — так пусть и покоиться буду под этим же». «В нашем возрасте, — сказал артист М. Яншин, — мы можем менять только носки».

Кстати, Иван Егорович не единственный у нас в районе с «чужой» фамилией — можно назвать ещё нескольких человек. На вопрос, не раскаивается ли во многих неправых действиях, совершённых в молодые годы, Иван Егорович ответил поговоркой: «Будешь долго раскаиваться, не получишь того, чего хочешь». Ирония судьбы. Но знать свои корни детям и внукам надо бы... Потому и прошу рассказать о моей жизни».

28.07.2001 г.

освоил математику, русский язык, литературу, пристрастился к чтению.

И вот в деревню пришла Советская власть, за неё активно агитировал самый уважливый рыбак посёлка Батурин Семён Андреевич, отношением ему стал ссыльный Тукманкин, который всю деревню настраивал против Советов. А когда пришли колчаковцы, учитель не признавал и их.

Дела у отца шли прекрасно. Он приукрашал лошадей, коров, овец, его вязальная повозка была самой лучшей на всю округу.

Начало трудового пути

Илья Степанович ещё до революции сплавил двухэтажный дом из Читарьи. Поставили его, и половину сдал под школу. Анатолий в 29 году женился, и уже 31 декабря у них родилась дочь. В 30-м организовали колхоз. В колхоз не пошли, жена сказала: «Боже избавь!».

Конечно, такое хорошо отлаженное хозяйство и извоз было жалко рушить. Начались притеснения, повинности. Анатолий на своих лошадях в 30 году поехал вывозить лес из делян в посёлок Нетогу. Туда же как раз перевели лагерь ссыльных, в котором было 500 человек осуждённых. Анатолия за незавимость характера невзлюбил комендант Четвертаков, но отец вырулил — он привёз семью начальника этого лагеря Крылова, который до этого назначения был председателем райисполкома в Кривошеино. Крылов был благодарен за это отцу, и, как говорится, взял «под крыло» Анатолия, который проработал всю зиму на вывозке леса.

В колхоз Анатолий не пошёл в Петровке, но был выжужлен попроситься в Прорвиро. Часть хозяйства распродали, а тут и несчастье подстерегло — сгорел дом. В Прорвиро председатель сельсовета Пётр Семёнович Кропачёв и председатель колхоза Афанасий Вавилович Новосельцев, крепкие, рослые мужики, с удовольствием приняли Анатолия в колхоз, а за оставленных себе лошадь и других домашних животных сказали платить налог 50 рублей.

У поэта Вячеслава Иванова есть стих, который, на мой взгляд, так подходит к этой выставке: «С Мерой дружна Красота, но мысль преследует Вечность: Ты же вместить мне велишь Вечность в предел Красоты!».

А предел красоты — это бесценная книга с сюжетами трагикомической жизни сельчуков и кукла — чудо из чудес. Это один из последних работ Надежды Владимировны.

Уверен, что она продолжит самосовершенствование в работе с бесценной и ещё не раз удивит нас и порадует своим искусством, не утратит умения радоваться жизни

2008 г.

Под алым парусом судьбы

Анатолий Ильич Сухушин впервые Каргасок увидел в 1910 году, когда родители переезжали из Чигары Парабельского района в Петровку около Карги. Конечно, первый приезд он не помнит, ведь ему тогда было всего три года.

С 93-летним Анатолием Ильичом меня познакомил Г. М. Нагаев. Мы зашли к нему в комнату, и я увидел моложавого старичка, обнявшего телевизор и припавшего левым ухом к его динамику. Геннадий Михайлович похлопал по плечу увлечённого последними известиями. Анатолий Ильич вскинул голову, выключил телевизор. Сухощав, чёрные усы и бородка с проседью, чёрные, с проседью же, волосы. Глядя на него, никогда не подумаешь, что человеку десятый десяток. Очень подвижен, хотя опирается на трость. Обменялись рукопожатиями. Узкая, крепкая ладонь. Нет, никогда не скажешь, что этому человеку столько лет.

Начал свой рассказ Анатолий Ильич о своих корнях. Он помнит от деда, что его прапрадед Ксенофонт уже жил в Чигаре со своими пятью братьями. У прадеда Ипполита родилось три сына, и один из них — его дед Степан, у которого кроме отца Ильи было ещё пять сыновей. От этих корней распространилась фамилия Сухушин по всему Нарымскому краю.

Детские годы

И вот осмысленное детство в Петровке. Отец имел несколько упряжек лошадей и занимался извозом. Возил различные грузы, что позволяло семье безбедное житьё. Отец привёз азбуку из Томска, и семилетний Анатолий научился читать. Илья Степанович радовался, глядя на успехи сына, и осенью повёз его в Тымск. В классе было 30 разновозрастных детей от 9 до 12 лет,

сти, а тут вдруг лось из чащи выскочил. Пришлось ей возвращаться в Москву мокрой.

Много интересных рассказов услышал я из уст Раисы Рязановой, Михаила Кононова, Станислава Чекана, Дмитрия Золотухина. Особо запомнились факты из жизни Дмитрия Золотухина — потомственного актёра, у которого и прабабушка, и бабушка с дедушкой, и отец с матерью были актёрами театра. И когда Дмитрий отнёс документы в ГИТИС, на отделение киноактеров, они были страшно недовольны, потому как кино не признавали принципиально.

Вспомнил Дмитрий, как однажды добрался до бабушкиных альбомов и нашёл в них записи — посвящения многих известных писателей и поэтов, написанные для неё Маяковским, Бальмонтом, Белым, Есениным. Есенинское он мне продекламировал. Я его, конечно, запомнил, но приводить здесь не рискую: не совсем оно приличное.

Такие вот бывали в моей жизни встречи.

Видел их не только на экране

Не ошибусь, если скажу, что все читатели «Томского пионера» с интересом встречают рассказы о звёздах экрана в дни нашей молодости. А я особенно, потому что многих широко известных актёров знал не только по фильмам, где они снимались. Мне приходилось с ними встречаться — с Михаилом Кузнецовым, Николаем Рыбниковым, Алёной Лапоновой и другими. Встречи эти прочно запечатлились в памяти. Вот одна из них.

Дело было в Павлове. Художник Василий Мороз подарил Рыбникову и Лапоновой вырезанную им доску, толстенную и почти метровой длины. Рыбников подержал её в руках, взвесил, и вдруг говорит мне:

— Давай, Леонид, мы её тебе подпишем. Не таскать же по всей стране с собой такую тяжесть.

Алла Дмитриевна тут же сделала надпись: «Леониду с Любовью. Алла Лапонова». И дата — 1 апреля. Я указываю на неё Рыбникову, и он, не долго думая, приписывает: «Всем верить. Н. Рыбников».

Мы с ним переглянулись и весело рассмеялись. А Алла Дмитриевна так подозрительно на нас посмотрела: «Что это вы?». Мы ей дату показали. Теперь уже смеялись вместе.

А Георгий Ломатов рассказывал мне, как он с женой, Музой Крепкогорской, по грибы ходил. Муза присела по надобно-

и вот Тоня, который прочёл уже сказки А. С. Пушкина и знал несколько стихотворений, что очень его выделяло среди одноклассников. Учитель Пётр Андреевич собирался с Нового года его перевести в следующий класс. Но не пришлось, учителя забрали на первую мировую войну 28 декабря, а школа закрылась. По указу царя людей из Нарымского края не принимали к высшим поминостям, но учитель был приезжий, и на него этот указ не распространялся. Отец приехал за Тоней и сказал, что поедешь с обозом в Томск, будешь помогать. Это было зимнее, он сторлько увидит, а главное — он начнёт работать. Из Петровки до Томска было 19 дней пути. С неделю в Томске, и снова 19 дней обоз возвращался домой.

Анатолий Ильич очень подробно рассказывал о пути в Томск. Он помнит каждый постоялый дом и сторлько мнёй! Я был поражён его зкностью ума, хорошей памятью и умением интересно излагать свои мысли. Его рассказ длился почти 6 часов.

На следующую осень 1915 года отец повёз Анатолия в Чинтарг. Там было родин много, и даже учительница Мария Кинтельнова доводилась двоюродной тётей. Тоня поступил во второй класс. Одноклассники были старше его и частенько обижали. Он выделялся не только знаниями, но и добротно сшитой одеждой. Мария Кинтельнова хотела перевести его с нового года в третий класс. В учебниках по чтению было много сказок и стихотворений Пушкина. Анатолий Ильич с той поры их все помнит и с удовольствием прочитал нам «Прибежали в избу дети». После одной из «баталий» с одноклассниками пришёл с обозом из Томска отец, и, увидев сына в плачевном состоянии, забрал его с собой домой.

В Петровке жил ссыльный политкаторжанин по соседству с Сухушиным — Тужмакин Сергей Петрович, который имел высшее образование и преподавал в одном из университетов столицы. Сергей Петрович приветливый любознательный, не по годам развитый Анатолий. Он попросил отца привезти учебники за 5—8 классы и начал заниматься с Анатолием. Очень быстро

На правлении колхоза решили перевезти из Тымска двухэтажный дом, и в нём разместились сельский совет, школа, избачитальня и колхозная контора. Кропачёв работал за семерых, интересная личность. И из рассказа Анатолия Ильича в воображении у меня он ассоциируется с образом Макара Нагульнова из «Поднятой целины» Шолохова. Он, член партии с 1917 года, вместе с А. В. Новосельцевым вкладывали всю душу в организацию и развитие колхоза. За год они построили двор на 120 коров, двор для молодняка, молочный завод, и всё под одной крышей.

У Новосельцева был свой небольшой дегтярный завод, а сдав его в колхоз, они увеличили его мощность в пять раз, и стали торговать дёгтем и смолой с Томском. Для этого был выделен обоз из семи лошадей. Анатолия поставили бригадиром, дав ему пять человек. Обоз тоже хорошо зарабатывал для колхоза. Они возили муку из Каргаска в Напас, и из Каргаска по Чижапке. Людей туда было сослано очень много, и они умирали голодной смертью. А. В. Новосельцев решил закупить кроликов, ему нахвалил Михайлов из сибпушнины, что это очень выгодное дело. Быть кролиководом решили Сухушину Анатолию, человеку ухватистому и грамотному по тем временам. Дали десять голубых самочек, два самца и книгу — учебник по кролиководству. Эту книгу Анатолий выучил почти наизусть, и всё стал делать только так, как указано в учебнике.

Вскоре у него стало 120 самок. На каждую самочку сразу заводил карточку. Дело пошло. Через пару лет самочек стало уже тысячи, и колхоз стал торговать ими, а это значительно пополнило казну. Даже из Александрово приезжали в Прорыто за крольчихами и набраться опыта по уходу за ними. Анатолий стал известным человеком в районе и области. Даже приезжали с киностудии и сняли фильм о нём и его ферме. Теперь у него трудилась бригада из четырёх человек, нагрузка на них была большая. Анатолию уже хотелось смены места работы. Он подготовил себе замену, Новосельцева Зоя старалась всё у него

Надежда взяла бересту домой и попробовала сделать из неё набирку. Получилось какое-то нескладное изделие. Но мастерицу это не обескуражило. Надежда Ванеева снабдила её литературой, справочниками по работе с берестой. Муж обеспечил сырьём, и она приступила к работе. И вскоре из-под её рук стали выходить шкатулочки, туесочки, рамки...

Берестяное кружево

Благодаря справочной литературе, собственной энергии, творческим амбициям Надежда Владимировна освоила различную технику в работе с берестой: многослойную прорезную бересту, аппликацию, тиснение, оплётку, выскабливание.

Первую выставку своих изделий они с Ванеевой организовали в библиотеке своего посёлка в 1998 году. Восторженные отзывы односельчан сподвигли её на изготовление более сложных изделий: карету, трон, самовар... Посыпались заказы: на юбилеи, свадьбы, дни рождения и прочие торжества.

За 10 лет работы с берестой она изготовила более 1000 предметов: хлебницы, коробочки, рамочки для фото, сундучки, туесочки. Причём ни одна работа не повторяет другую, все удивляются безграничной фантазии мастера.

Уже прошло несколько выставок её работ в музее райцентра, которые поражают посетителей тонким художественным вкусом, красотой форм, оригинальностью, неповторимостью. Отсюда и такие высказываемые эмоции посетителей, взволнованные и радостные, нежные и поэтические. Равнодушных нет!

Вот и настоящая выставка вызывает чистые, возвышенные чувства человека к красоте, к творчеству, к этой дивной гармонии художественного совершенства.

А людей ему дали аж 900 человек, машин практически не было, поэтому использовали заноо.

Через год его перевели на 245 километр Шабалинского района уже руководителем участка. Началась война. Анатолия вскоре направили на сбор лошадей по колхозам Порного Алтая. Командовал отрядом лейтенант Бихров, который назначил Анатолия начальником снабжения отряда. До отмены кавалерийских войск, где-то до 50-х годов, лошади, причём самые лучшие, призывались из колхозов на военную службу. Конечно, не каждый руководитель колхоза легко расставался с лучшим конём, вот поэтому и нужны были такие отряды. Одновременно им получался и сбор «добровольно» сданного хлеба. На втором году войны Анатолия уже одели в военную форму. Он рядовой, и единственное отличие от солдата — военная экипировка — офицерское обмундирование и длинная, до пят, кавалерийская шинель. Главным направили в Молотово, как знатока лошадей, принимать их от молотов. При виде бесконечных степей Монголии и пустыни Гоби на ум пришли слова из стихотворения:

«Степь широка, степь угрюмая,
Отчего ты так смотришь насмурно».

Целый год занимался этим Анатолий.

На фронт

В 1943 году Анатолия отправили в Бийск. Там располагалися штаб по формированию воинских частей, и его направили писарем. Работал писарем, видел много злоупотреблений материально-ответственных лиц, но старался делать вид, что не знает, по принципу: меньше будешь знать, крепче будешь спать. Жилось ему сливком хорошо. Он, полковой писарь, питался по рациону старших офицеров. Оказывается, существовала и такая градация распределения пайков. При составлении списков маршевых рот Анатолий вписал туда и себя. Полковник увидел его в строю:

Умение радоваться жизни

В Музее искусств народов Севера села Каргаском открылась выставка «Берёзовое чудо», посвящённая юбилею Надежды Владимировны Ютиной.

Экспонируется более 40 берестяных изделий этой замечательной мастерицы. Заходишь в зал и замираешь от чудного видения. Сердце переполняет чувство восхищения. Со всех сторон слышатся слова «эффектно, оазарено, блестяще, обстоятельно, аухотворённо, наивно, прекрасно, заворожённо». Но, пожалуй, лучше всего сказала школьница, стоящая у царского трона со скипетром и державой: «Обалденно!». Такая ёмкая эмоция. Действительно «обалдеваешь» от увиденного. И мне захотелось побольше узнать об этой великолепной мастерице-ювилярше, обладающей художественным чутьём и собственным миропониманием.

«Что человек делает, такова он и есть»

Наша Полешихина родилась в Каргаске. Через 6 лет родители переехали в Мариинск Кемеровской области. Надя после окончания школы поступила в медицинское училище г. Анжеро-Судженска. После его окончания вернулась в Каргаскоь, где была временно принята медсестрой в хирургическое отделение.

перенять и изучала литературу. А правление наметило его возглавить работу на молокозаводе. Но здесь не пришлось долго поработать, показать себя.

Оговор

Осенью 1933 года приходит Анатолий с работы домой, а там его поджидают трое чекистов. Учинили обыск, арестовали. Понял, что не прошла даром дружба с политссыльным в Петровке. Кто-то наклепал. Потом узнал — кто, когда увидел в Каргаске на допросе листок, куда частенько заглядывал следователь. Обвиняли его в агитации против Советской власти, связи с заграницей, подготовке к вооружённому восстанию. На вопрос: «Ну что, будешь сознаваться?» ответил: «Надо было успеть согрешить, а уже потом сознаваться». И крепко стоял на этом на ночных допросах. Приезжала мать, просила свидания и принять передачу — отказали.

Погнали этапом в Колпашево. В паре с ним шёл Барышев Михаил Фёдорович, который тоже всё отрицал, что ему инкриминировали. В Колпашево, как и в Каргаске, на допрос водили только по ночам. Если объявляли «с вещами», уже знали, что повели на казнь. Анатолий отрицал всё, кроме связи с заграницей. Ещё до революции сестра отца вышла замуж за поляка и они уехали в Польшу, а сюда посылали письма. Наконец однажды утром объявляют Сухушина и Барышева на выход. Анатолий спросил: «Вещи брать?». — «Нет, не надо». Барышев начал плакать, прощаясь с сокамерниками, был уверен, что повели на расстрел. А их повели на берег. Около будки лежали брёвна, приготовленные для распиловки на дрова. Выдали пилу. Посмотрел Анатолий — пила вся запущена «карасём», пилить невозможно. Попросил напильник. Нашли. Быстро её наточил и стали пилить. Работали, стараясь изо всех сил. Когда пришёл завхоз — удивился, что за такой маленький срок столько напилили дров. Он посмотрел на них и сказал: «Можете идти домой в Каргасок. Вы свободны». Подкосились ноги, но Анатолий всё

И вдруг пришла беда — Надежда серьёзно заболела, муж остался без работы — лесная промышленность рухнула.

В 1997 году после двадцатилетней работы в больнице, накануне своего сорокалетия ей из-за болезни пришлось оставить любимую работу. На все запахи — приступы астмы. Практически она перестала бывать в общественных местах, да и к ним друзья опасались заходить: любой аромат духов, парфюмерии и прочие запахи могли спровоцировать жестокий приступ астмы.

Но не в характере Надежды было сиднем сидеть. Её деятельная натура искала себе занятия. Хотя они уже были — она пристрастилась к рыбалке удочками. Свежий, напоённый сосновым запахом воздух благотворно действовал на Надежду, и приступы удушья отступали.

Любила она собирать ягоду, грибы. Грибы по борам можно собирать в тапочках. Ягель, олений мох, сплошь покрывающий почву в лесу, похрустывает под ногами. Белые грибы со своими коричневыми шляпками, словно в снегу, утопают в белом ягеле.

Грибы, ягода, да и рыбалка с удочкой — дело сезонное. Чем же заняться в осенне-зимнее время?

Однажды, собирая грибы, она наткнулась на кем-то содранную с берёзы и брошенную берестину. Вспомнила о подаренной ей когда-то старой селькупкой берестяной шкатулочке, орнаментированной традиционным селькупским узором.

равно попросил ленег на лопату, ведь голодным не лопти до Каргаска. Завхоз хмыкнул, но достал двадцать рублей, локументы, и сказал: «Отваливте».

Вначале почти бежали, не верилось, что свободны, а Барышев поскуливал, что лолонят, убьют. Но затем успокоились, по пути в деревне купили хлеба и уверенно зашагали. Недаром говорят, что наш человек хлебой жив сноков вскуг отгого и телом бод, характером отходив, на смёрку находив.

Свободная жизнь

В Каргаске предложили работу в районе инспектором по кролиководству.

— А паспорт поможете получить?

— Конечно.

Но, получив документы, не пошёл Анатолий в районо, а пошёл на кирзавод. Решил, ещё лежа на нарах более двух месяцев, что случбу надо круто поменять — расстаться с сельским хозяйством.

И поеслось. Где только не побывал Анатолий: в Новосибирске, Барнауле, Бийске, наконец остановился в лесопомхозе на Алтае. Приехала жена. Быстро заводеал авторитет лучшего возчика леса. Все избегали брать кона-тяжеловоза, а он с удовольствием взял, и в первый же день выполнил план по вывозке на 150 процентов, а затем каждый день перевыполнял темпы и выполнял план до 500 и более процентов. Вскоре перевели лесегмастером, а в 37 году предложили получиться на курсах дорожных мастеров. Курсы были организованы на базе Томского дорожно-механического техникума. И хотя образование у него официально было два класса школы, но благодаря занятиям с политссыльным из Петровки элементы алгебры, геометрии, физики у него не вызвали затруднений, а целика хозяйственная хватка выдвигала его в лучшие ученики курса. Получив документ дорожного мастера, Анатолий был направлен на работу на Чуйский тракт, на строительство участка от Бийска до Сростков.

Брат Надежды работал в посёлке лесозаготовителей Молодёжное, построенном на месте сельхозного поселения Коченгурово на реке Тым. Там была участковая больница на 40 коек и требовалась медсестра. Брат стал звать Надю к себе, нахваливая места: там много угол, грибов, там замечательная охота и рыбалка, кругом сосновые и кедровые боры...

В больнице работали врач и четыре медсестры. Они тепло приняли Надежду, тем более, что она прошла хорошую практику в хирургическом отделении. Уж что-что, а уколы она научилась делать мастерски.

Надя с детства научилась вязать, и сейчас в свободное время с удовольствием совершенствовала искусство вязания.

Здесь она вышла замуж за Александра Орина — коренного жителя земли Тымской. А когда родилась дочь, как приголонилось умение вязать. Это была самая модная левочка на селе — красивые кофточки, жилеты, юбки, платья, костюмы, шапочки, свитера... В этом Надежда любилась художественного совершенства. К тому же она подружилась с библиотекарем Надеждой Ваневой, которая снабжала её книгами по вязанию, и не было ни одного сложного узора, который бы не смогла одолеть Надежда Орина.

Муж Александр работал в лесу, хорошо зарабатывал, так что никаких материальных проблем не было. Всё в семье складывалось хорошо. Дочь Евгения успешно закончила учёбу.

было настоящим потрясением — он сам-то всего один институт закончил, да и то с трудом. Другой бы радовался, гордился такой женой, он же взял и ушёл из семьи, бросив человека, с которым прожито 22 года. Ну что ж. Пережила и это. Поддерживала работа: сначала в поликлинике № 3, потом в профилактории «Строитель».

Преодолей себя

Год назад в Томске появился реабилитационный центр для ветеранов и инвалидов. Клавдия Алексеевна, массажист высшей категории, стала работать в нём.

— Трудности в том, — говорит она, — что зарплата массажиста очень низкая, а нагрузка большая, и за время существования центра здесь сменилось более 20 массажистов. Стараешься работать на совесть. Как же иначе? Останется человек недоволен, как потом встречаться с ним? Что он подумает?

А думают о Клавдии Алексеевне только хорошее, стараются выполнять все её советы, которые звучат, как девиз: не нойте, не жалуйтесь на жизнь, а улыбайтесь ей. Раз нас создал Господь, значит, мы должны жить полноценной жизнью.

Она советует приезжать в центр реабилитации всем, кто нуждается в лечении тела и духа. Есть врачи, есть средние специалисты, есть прекрасные помещения физиотерапевтического отделения, оборудованные современными приборами. Есть лечебно-физкультурные залы с тренажёрами, комнаты отдыха и библиотека. А главное — центр находится в черте города, а значит, есть возможность побывать в театрах, концертных залах, музеях и во многих других местах.

И, конечно, есть кабинет, где работают массажисты. Здесь могут одновременно принимать по три человека. В общем, всё направлено на реабилитационно-оздоровительную программу. Преодолей себя!

2003 г.

— А ты куда?

— Надо и там побывать, — твёрдо ответил солдат.

Наши войска наступали на всех фронтах. Анатолий попал в Белоруссию, наступали на Польшу. Хорошо запомнилось село Оделино в Польше, в котором простояли три месяца. Хотя много раз ходил в атаку, но везло сибиряку, если не считать, что пуля по черепу «чиркнула», а вторая сорвала кожу с бедра.

Объявили набор артиллеристов. Анатолий выбрал 45-миллиметровое орудие.

Был по характеру бесшабашным, все вперёд хотелось, — объяснил свой выбор.

Хорошо запомнилось, что из Оделино вышли 30 декабря 1944 года. Марш-бросок осуществили сразу на 60 километров. Наступали на Данциг, до него не дошли 20 километров. 9 марта 1945 года тяжело контузило — ударило по голове и ногам, посекло руку, оторвало на ней палец. Лечился в Белостокском госпитале. Победу встретил там же.

Мирная жизнь

В августе комиссовали, и поехал в Каргасок. Приехал, а семья в Бии Туручанского района. Военкомат выписал проездные, и поехал к жене. Там устроился дорожным мастером и строил дорогу на Телецкое озеро. Но на родину тянуло, и в 51 году вернулся с семьёй в Каргасок, где до выхода на пенсию в 71 году проработал на реке в нарымском участке — обеспечивал безопасность движения судов. Анатолий Ильич говорил, что алые паруса судьбы несут его в 94 год по жизни, и на эту судьбу ему грех пожаловаться. Вот только жену потерял год назад.

Его кредо — не враждовать, так как при согласии и малые дела укрепляются, а при вражде и большие разваливаются.

2000 г.

Трудно было узнать в высоком стройном голубоглазом двадцатисемилетнем блондине того скромного деревенского парнька, которому не было и 18, каким уходил он на фронт.

Под мирным небом

Фронтовика окружили вниманием. Особенно девушки. Но его в первый же вечер привлекла кареглазая черноволосая Ниночка Тимошенко. Словно шрапнелью, залепила сердце. В том, теперь уже дальнем, 42-м он и внимания не обращал на 15-летнюю девчонку, не знал и даже не догадывался, как замирает её юное сердечко при встрече с ним, как жаждет она его улыбки и тёплого взгляда. А вот теперь сам жадал и улыбку, и взгляд.

После скромной свадьбы отправились молодожёны в посёлок Калиновку, куда направили Алексея директорствовать в начальной школе. Наконец-то сбылась его давняя мечта — он стал учителем. Учил и одновременно учился сам на заочном отделении.

— Учись, учи, набирайся опыта, практики, которая отличает мастерство, — наутствовали его старые учителя.

Рядом всегда была Нина, уже имевшая педагогический опыт — три года проработала воспитателем в детском саду, заочно закончила Томское педучилище.

Пять лет проработали в Калиновке Симолины. Пользовались большим уважением. Нина Леонтьевна была членом исполкома сельсовета, и ей нередко приходилось разбираться в конфликтах односельчан с соседями и руководством. На помощь всегда приходил опыт педагога. Однажды, например, председатель сельсовета решил забрать у должников по налогам выращенный ими на своих огородах картофель, но Нина Леонтьевна сумела доказать незаконность таких действий, чем заслужила горячую благодарность обиженных.

А уж о работе детьми и говорить не приходится. Она навсегда запомнила наставление пенинградской учительницы (в селе в годы войны было много эвакуированных из Ленинграда): «В каждом человеке — солнце. Только дайте ему светить».

Повернуть бы время вспять

Клавдия Алексеевна с раскаянием вспоминает, сколько пришлось вынести приёмной матери от её несносного характера. Она прямо изнывалась над бедной женщиной. Во-первых, Клава терпеть не могла, когда её жалели, а усыпая одаривали: «...бедная сирота, был бы отец...», прямо взбесилась.

Мать всё терпела, мучилась, переживала, не в силах понять, откуда у Клавы такая агрессивность по отношению к ней. Всегда старалась одеть её получше, кусок дать послаще, а когда Клава пошла в школу, приглашала все силы к тому, чтобы она ни в чём не нуждалась. Если девочка заболевала, она не отходила от её постели: не дай Бог, что случится, что скажет отцу, когда он вернётся, как посмотрит в глаза, если не убережёт дочку.

Но Клаву это мало трогало — она продолжала издеваться над матерью. И видя, как переживает та, только злорадствовала.

Закончив школу, Клава поступила в училище, которое закончила с отличием. Начала работать в школе, вышла замуж. Появившаяся семья заставила её пересмотреть отношение к матери. Она наконец-то поняла, какой это замечательный, просто золотой человек. Позднее раскаяние. Как сказала поэтесса, «а боль всю эту после поняла».

Много чудес на свете, но самое уникальное чудо — человек. Уже имея собственных детей, Клавдия вместе с ними съездила к матери, нашла слова благодарности и вымолила прощение за все причинённые обиды.

Потом вместе с мужем они уехали в Казахстан, где Клавдия тайком от мужа поступила в пединститут. Почему тайком? Да потому, что он и слышать не хотел о её учёбе, лишь сам стремился получить высшее образование. А вот когда он его получит, можно будет поговорить и о ней. Но не такова была характер Клавдии, чтобы отступать от намеченной цели. Работая в детском садике, она заочно учится в пединституте.

Когда в семье уже были две дочки, Черненковы переезжают в Кемерово. Клавдия идёт работать в школу преподавателем ли-

А сердце юностью живёт

В Колпашево Алексей Мефодьевич и Нина Леонтьевна Симолины переехали сравнительно недавно — в 1999 году. Купили домик на улице Маяковского. Место хорошее, высокое, улица тихая, а соседи и вовсе замечательные, словно всю жизнь прожили с ними рядом. Да и городская администрация, совет ветеранов с первых же дней окружили новосёлов вниманием и заботой. Живя в деревеньке Крутоложное Первомайского района, они такого отношения к себе не видели. А ведь именно там — их малая родина.

Взгляд в прошлое

Стоит Крутоложное на высоком берегу чистого глубокого озера в трёх километрах от реки Чулым. Предки Симолиных приехали сюда в далёком 1895 году как переселенцы. Выделили Карпу Симолину столько земли, сколько могло обработать его семейство. И до сих пор поля, где когда-то стоял их хутор, называют Карповскими. Видимо, на таких вот трудолюбивых крестьян и опирался П. Столыпин, когда в 1906 году начал проводить реформу крестьянского надельного земледелия.

Мефодий, сын Карпа, со своей семьёй одним из первых вступил в колхоз, организованный в 1933 году и названный «Ударник». К этому времени его сыну Алексею (герою моего рассказа)

было около восьми лет, и он вовсю помогал семье на сельскохозяйственных работах. Учился в сельской начальной школе, ряди которой семья и переебралась с хутора в посёлок.

После окончания четвёртого класса Алёша пошёл в семилетку, находившуюся в Торбеево, всего в половине километра от Крутоложного. А когда и она осталась позади, начал работать в колхозе.

И тут грянула война. Почти все мужчины ушли на фронт, и каждая пара рабочих рук была на вес золота.

Славы воинов-сибиряков не уронил

В августе 42-го Алексей получил повестку. Путь его лежал из родного села в город Ленинск-Кузнецкий в пулемётное училище.

За три месяца учёбы он хорошо освоил станковый пулемёт и стрелковое оружие. А потом прощание, и в ушах долго ещё звучали напутственные слова начальника училища: «Пусть вас ждёт не гибель в бою, а слава победителей».

Первую боевую нагрраду — медаль «За отвагу» — молодой воин получил при освобождении от фашистов многострадальной Белоруссии. И первое ранение тоже здесь: немецкие снайперы охотились за пулемётчиками, и Алексей не уберёгся — вражеская пуля угодила ему в бок. Но лишь нелегко провёл в госпитале и вернулся в строй.

Первый орден Красной Звезды получил в ходе Корсунь-Шевченковской операции. День Победы встретил в Праге. Но служба на этом не закончилась, он оставался в рядах Советской Армии до марта 1950 года. Правда, служил уже в СМЕРШе. Участвовал в ликвидации националистических банд в Чехословакии, Западной Украине и Западной Белоруссии. В деревеньке Кочеговка, что затерялась среди белорусских лесов и болот, в одной из схваток с бандеровцами получил контузию и ранение в шею. Отлежавшись в госпитале, демобилизовался и, возмужавший, закалённый, вернулся в родное Крутоложное.

Равняться было на кого. Примером служил один из товарищей по несчастью по имени Анатолий — более начитанный и образованный, чем её бывшие зрячие коллеги.

Вскоре Клавдия уже хорошо ориентировалась в пространстве, даже ходить стала без тросточки. И терпеть не могла, когда кто-то жалел слепых, считая это унижением.

Силы духа ей не занимать

Мысли, переживания стали выливаться в поэтические строки. В одном из стихов она написала:

«Крутить машинку обезьянкой
Теперь одна отрада мне,
И будь довольна, что увидишь
Себя человеком лишь во сне».

Но почему-то не снились ей любимые предметы — литература и рисование, а снились выключатели, вилки, розетки... Однако педагогический «зуд» всё же остался, и она вступает в общество «Знание». Первая же прочитанная ею лекция прошла «на ура».

Клавдия Алексеевна уходит в школу № 33. Но проработала всего 4 года — почему-то коллеги старались избавиться от незрячих преподавателей, хотя ученики любили её уроки. Решила сменить профессию. Окончила курсы массажистов при институте курортологии.

И тут судьба преподнесла новое испытание. Будучи вместе с нею на встрече выпускников института, муж неожиданно для себя узнаёт, что его жена имеет два высших образования. Это

тратуры и рисования, поскольку очень хорошо пишет. Но ей снова не хватает знаний, и она принимает решение об учёбе ещё в одном институте.

Неожиданно для себя молодая женщина обнаруживает талант преподавателя. Её уроки — всегда событие. Не только дети, но и коллеги-учителя с удовольствием ходят на её уроки.

Беда не за горами ходит

Глаза не выдержали перегрузки — началось отслоение сетчатки. Получилось так, что получив весной диплом о втором высшем образовании, осенью Клавдия Алексеевна ослепла.

Она вышла в отчаяние. Сколько раз плакала в бессильной ярости, когда, моя пол, больно ударялась о край стола, когда налетала на все предметы в комнате или кухне. Ведь ей предлагали учёбу в аспирантуре, и вот... Неужели конец всему? Конец жизни. А дети? А муж? Нет. Надо брать себя в руки. Надо учиться делать всё самой, пусть трудно, но в конце концов получится. Живут же и работают тысячиослепших! Я что, хуже других?

Она вступила в общество слепых, и в учебно-производственном комбинате училась собирать выключатели и другую электроаппаратуру. С улыбкой вспоминает Клавдия Алексеевна, как в первый день ей удалось собрать всего три выключателя. Потом дело пошло на лад: вот уже собирает сотню за смену, вот две сотни, а затем и 350, обычная многих переводчиков и уступая только Зайнуллиной, у которой руки оказались более ловкими.

Вечерами и в другое свободное время Клавдия бежала в библиотеку при УПШ, овладевая техникой чтения по Брайлю. С чувством глубокой благодарности вспоминает она библиотекаря Аллу:

— Это как огонёк в тёмном царстве. Встретит ласково, а потом проводит до ворот.

Такая человечность, доброжелательность трогали и заставляли заниматься ещё прилежнее.

А боль всю эту после поняла

1941 год. Война. Поток беженцев устремился в глубинные российские области. По пути их часто бомбила немецкая авиация, расстреливала из пулемётов. Многие, едва заслышав гул вражеских самолётов, бежали прочь от дороги, надеясь на спасение.

Вот устремилась в поле одна из женщин, крепко прижимая к груди свёрток. И вдруг впереди вырос громадный земляной столб. Свёрток вырвало из рук, отбросив метров на десять в сторону...

Когда самолёты ушли, несколько беженцев подошли к женщине. Она была мертва. Но валявшийся в стороне свёрток вдруг запищал. Подняв его с земли, обнаружили крохотную девочку. Это была Клавдия Алексеевна Черненкова.

Знакомая женщина, оказавшаяся рядом, похоронила убитую, а ребёнка забрала с собой. Снова пошли вперёд. Но тут узнали, что впереди немецкие танки. Пришлось возвращаться домой. Клаву передали отцу, который готовился к уходу в партизанский отряд. Пришлось ему задержаться, а чтобы как-то решить судьбу осиротевшего ребёнка, — жениться на девушке, у которой на руках уже было двое детей — её младшие братишка с сестрёнкой.

Вскоре отец ушёл к партизанам, да так и не вернулся, сложив где-то свою головушку.

А потом они вернулись в родное Крутоложное. Колхоз вовсю набирал силы — здорово повезло с председателем. Фёдор Назарович Кондратюк много внимания уделял не только производству, но и образованию, культуре. Это он начал строительство новой школы и поставил её между двумя сёлами — Торбеево и Крутоложное. Симолиным было ходу до неё пять минут.

Горько сознавать, что такое крепкое хозяйство сейчас «на боку». Всё же очень многое зависит от руководителя. Недаром в народе говорят, что на вожжах и лошадь умна. К сожалению, в момент перестройки в селе не нашлось человека, подобного Кондратюку.

Алексей Мефодьевич никак не может принять такую перестройку. Не лежит у него душа к нововведениям, болит сердце за родной край, за страну, за юное поколение.

За собственных детей он, конечно, спокоен. Все они выросли в иные времена, все получили высшее образование. Сын, педагог по образованию, много лет отработал в Колпашевском горотделе милиции и вышел в отставку в звании подполковника. Вот и решили Симолины перебраться поближе к детям и внукам. Переехали и не жалеют.

В середине января Алексею Мефодьевичу исполнилось 80 лет. Но он ещё бодр и телом, и душою. Как будто о нём написал томич Ю. Малков эти строки:

«Мне не вернуть года былые,
А сердце юностью живёт...
То были годы золотые —
Души чарующий полёт».

Батальону срочно понадобились электрики. Ивана и ещё несколько парней-моряков отправили в Новосибирск. За три месяца, занимаясь по 14 часов в день, без выходных, они стали электриками автотранспортного оборудования. По возвращении в батальон Иван получил новенький «студебеккер». И начался нелёгкая фронтовая жизнь. Каждый месяц добавлял на спидометр более 30 тысяч километров.

Переваливались со своим взрывоопасным грузом только ночами. Едва начинало светать, останавливались и тщательно маскировались. Стояла ли на дворе зима, пекло ли летнее солнце, спали только в кабинах машин.

За военным грузом ездили в Челябинск, Свердловск, Омск, другие города.

Ивану присвоили звание сержанта и назначили командиром отделения. Теперь он отвечал за пять-семь машин, находящихся в пути. Сколько было машин во всём батальоне, он не знал, но был твёрдо уверен, что доставка военных грузов автотранспортом гораздо надёжнее, чем по железной дороге: машины мобильнее, подвижнее и всегда доставят груз непосредственно к месту назначения.

Были и потери в их батальоне (война есть война), но Ивану везло. Всего один раз был контужен, когда во время бомбёжки спрятался под мост, и падающими балками ему крепко досталось по ногам и спине. Однако сумел добраться до своего «студебеккера». Груз был доставлен вовремя.

ше находить общий язык со школьниками, поскольку принадлежат к одному с ними поколению.

Не отрицая в целом проводимые в школах реформы, Клавдия Филипповна тем не менее уверена, что программа обучения 50-х годов была значительно лучше, и это подтверждается уровнем специалистов во всех отраслях народного хозяйства. Потому нынешние планы государственной подготовки в высшей школе должны быть скорректированы с учётом потребностей народного хозяйства. Не нужно гнаться за количеством, важнее поднять на более высокий уровень качество подготовки специалистов. Нет ничего удивительного в том, что к нынешним реформам учителя относятся настороженно, не без основания считая, что все эти новшества недостаточно продуманны и вполне могут негативно отразиться на ребятах.

Очень беспокоит её высокий процент молодёжи призывного возраста, непригодной к службе в армии в силу физического развития и психического здоровья.

Не забыть фронтовых изъезженных дорог…

Во время армейской службы мне не раз доводилось встречаться с автобатовцами. Ещё когда учился в полковой школе Улан-Удэ, неподалёку от нас располагался отдельный автомобильный батальон. Но в то, как идёт там служба, чем занимаются армейцы, как-то не вникал. Знал лишь то, что где-то в начале августа автобатальон грузился в эшелоны и отправлялся на целину помогать в уборке урожая. Назад возвращался к ноябрьским праздникам. Это в мирное время. А уж о военном и говорить не стоит. Ничего я фактически не знал о тех, кто провёл за баранкой все эти тяжкие годы. Не знал, пока судьба не свела меня с Иваном Шломовым.

Начало пути

Есть в Красноярском крае небольшой городок Канск. Там родился, рос и учился Иван Шломов.

Он рано потерял мать. Отец женился на вдове с ребёнком. А вскоре его арестовали. Жизнь с мачехой показалась Ване невозможной. Да и могло ли быть иначе, если всё лучшее доставалось родному сыну, а пасынку — что придётся. Однако набрался паренёк терпения и, превозмогая обиды, оставался в чужом по сути доме, пока не окончил семилетку. А учился он хорошо, и учителя пророчили ему большое будущее: у него очень рано

тором растут картофель, овощи, смородина и малина, цветы и лекарственные травы. Помимо этого, хорошо шьёт. И всё, за что бы она ни бралась, делает с любовью.

А ещё одно увлечение — чтение. Она и в библиотеки ходит, а уж дома столько литературы собрано, что можно лишь позавидовать. Клавдия Филипповна следует поговорке: «Не на пользу читать, коли только вершки хватать». Начитанность, оригинальное мышление, умение вовлечь в разговор окружающих делают её интересной собеседницей. Тут в полной мере проявляется данный свыше педагогический дар — направить мысли слушателей в нужное русло.

Казалось бы, есть чем заняться, есть дом, в котором идеальный порядок, есть внуки, огород, увлечения, но по-прежнему тянет в школу. Она живо интересуется её делами, радуется успехам учеников.

30 июля Клавдия Филипповна отметила свой 60-летний юбилей. Все, кто был с нею в этот знаменательный день, все её бывшие ученики и коллеги, все каргасокцы желают от всего сердца здоровья, энергии, долгой жизни.

Пусть годы медленней текут,
Пусть внуки радость вам несут.
А самый главный наш завет —
Прожить здоровой до 100 лет!

2003 г.

Она также считает, что необходимо прекратить телеизрадную агрессию, снять с прокта фильмы ужасов, а также фильмы, пропагандирующие насилие, кровь, разврат. Разве непонятно, недоумевает Клавдия Филипповна, что поток злых игрушек и компьютерных игр рождает детскую агрессию и ведёт к нарушению их психического здоровья? Надо, чтобы мир детства оставался миром детства, а не превращался в общеобразовательную школу с уроками для малолеток. Многие родители, поняв это, не торопятся отдавать своих детей в такие перегруженные уроками «детские сады».

Ещё работая в школе, Клавдия Филипповна выступала против изъятия из штатных расписаний профессиональных воспитателей, в том числе классных руководителей, считывая, какое огромное значение имела их работа с классами и отстающими учениками. А главное, по её мнению, — общеобразовательная школа должна быть бесплатной. Именно этот фактор определяет лицо страны. Экономия на образовании в будущем обернётся огромными экономическими и моральными потерями, и в конечном итоге негативно отразится на национальной безопасности России.

Пассивность не в её характере

До нынешнего года Клавдия Филипповна ещё подменяла в школе № 1 заболевших или ушедших в отпуск учителей. В этом году все свои силы она отдаёт приусадебному участку, на котором растут картофель, овощи, смородина и малина, цветы и лекарственные травы. Помимо этого, хорошо шьёт. И всё, за что бы она ни бралась, делает с любовью.

проявлялись способности к рисованию, он на всех конкурсах занимал первые места.

Но о продолжении учёбы и мечтать не приходилось. А тут как раз появилось объявление о наборе на курсы шофёров. Но… с 17 лет. А ему всего 15. Недолго думая, Ваня приёбавил себе эти два года, а приёмной комиссии сказал, что потерял документы.

Его приняли, правда, условно. И сразу же выяснилось, что пареньк способен не только отлично учиться, но и быть незаменимым во всех общественных делах, будь то выпуск боевых листков и стенных газет или участие в художественной самодеятельности. К тому же Иван научился играть на гармони, гитаре, а потом и на аккордеоне. А там, глядишь, он уже довольно уверенно «бренчит» на пианино. Словом, от скуки на все руки.

За два года учёбы он стал высококвалифицированным специалистом, у него открылись даже необыкновенные способности чувствовать машину: подходит, бывало, к неисправной — и как бы видит её «больное» место. Сколько раз поражал этим своих сослуживцев. До сих пор помнит изумлённые глаза шофёра «студебеккера», который ушёл временно потрати на ремонт машины и вроде бы всё сделал, что необходимо, даже мотор завёл, а она ни с места, пока не подошёл Иван. А тот послушал мотор, попросил отвёртку, залез под машину, что-то подвернул, ковырнул, сел в кабину и погнал по кругу автодрома.

Эх, путь-дорожка фронтовая

Шла война. Иваня мобилизовали вместе с недавно полученным им новеньким «ГАЗ-АА». Возил снаряжение, красноармейцев с призывных пунктов к местам формирования воинских подразделений. Те отправлялись на фронт, а Иван по-прежнему колесил по тыловым дорогам.

Прошёл год. Сменил Шломов «газик» на «ЗИС-5». Его зачислили в 78-й отдельный автобатальон, задача которого заключалась в снабжении армий и фронтов артиллерийскими снарядами, минами, авиабомбами.

Разговаривая с бывшими учениками Клавдии Филипповны, я выслушал много добрых, идущих от сердца слов. Буквально все вспоминали проводимые ею тематические вечера. Особенно часто мелькала в разговоре тема одного из них — «А. П. Бородин — химик и композитор», в проведении которого участвовали преподаватели музыкальной школы.

А сколько было походов, увлекательных игр, утренних кроссов, лыжных соревнований! И впереди всегда — Клавдия Филипповна, увлечённая, загадочная. Как писала учительница Анжелика Буролина,

«Должна быть в женщине какая-то загадка.
Но жизнь порой нам делает вираж:
Года... увы, седая прядка
Мешает скрыть от взора возраст наш».

А годы летят…

Мне кажется, что годы щадят Клавдию Филипповну, она всегда выглядела моложе своего возраста. Глядя на неё, трудно поверить, что у неё взрослые сыновья: Сергей окончил юридический факультет ТГУ, а Михаил — военно-медицинский факультет ТМИ, майор медицинской службы, преподаёт на факультете.

Но всё равно время не остановить. Вот и пенсионный возраст подошёл. Правда, Клавдия Филипповна сразу не ушла с работы, а преподавала ещё пять лет. Жаль, очень жаль было расставаться со школой, но она считала, что должна уступить место молодым — они более образованные, талантливые, умеют луч-

Под мирным небом

Он демобилизовался в декабре 1946 года. И сразу встал вопрос: куда ехать? Не было у него дома, где бы с нетерпением ожидали родные. Был только адрес, в своё время полученный от товарища. Адрес, по которому жила девушка Саша, с которой он переписывался второй год. Но письмо — это одно, а встреча — другое. Конечно, она ему очень нравилась (в одном из писем Саша прислала свою фотографию), да и он ей, судя по письмам, тоже не был безразличен. Только можно ли вот прямо так свалиться, как снег на голову?

Наконец решился. Поехал в Барнаул. Они встретились, чтобы уже не расставаться.

Предлагали Ивану работу механика в Новосибирске, но у Саши была старенькая мама, да ещё и племянник, которого они воспитывали. Так что решено было остаться в Барнауле. На работу он устроился в детскую колонию, получив в распоряжение «форд».

Началась мирная жизнь, появились дети. Может, так и остался бы Иван на Алтае, если бы не брат жены, живший в Каргаске и всякий раз, приезжая в отпуск, не устававший нахваливать богатейшие места Приобья.

И ведь сманил. В 1953 году Шломовы приехали в Каргасок. С работой не возникло никаких проблем: сходу предложили Ивану в ЛПХ место пилорамщика на Панигатке, затем перевели слесарем в мастерскую. Когда здесь обнаружились его уникальные способности быстро и точно находить неисправности, директор предприятия Георгий Емельянович Красиков сразу же перевёл Шломова в механики. А вскоре он стал главным механиком. Теперь, направляя механика в командировку, директор был уверен, что тот не допустит простоя подразделений ЛПХ.

Механик от бога, он не оставлял без внимания ни одной запчасти, брошенной на отвале. Однажды обнаружил уйму узлов и деталей, выброшенных с так называемым «заводским браком». Дефицитные узлы валялись как никому не нужный хлам, а между тем из-за них простаивали тракторы и машины.

трудная колхозная жизнь. Два года Виталия почему-то не принимали в школу — и лишь в 13 лет он пошёл в 1-й класс. Четыре класса закончил и в колхоз.

Все братья играли на гармошках, и Виталий от них многое перенял. Даже братьев удивлял своим музыкальным слухом. Где бы ни услышал песню — через минуту уже играл. Бегал в клуб, слушал патефон и сходу начинал подбирывать на гармошке. Приучём играл на всех видах гармоник и баяне. «Тебе бы поучиться, — вздыхала мать, слушая его игру на гармошке, — большим бы музыкантом стал!»

Во время войны старший брат Фёдор, ухоа на фронт, передал свою хромку Виталию: «Всегда народ, Виталий, хорошее это дело». Вскоре на двух братьев пришли похоронки, а Фёдор прислал без вести. Виталий пошёл к коменданту и попросил снять с него бронь и отправить на фронт. Неохотно, но согласился, и Виталий в мае 1943 года попал в Омск, где формировалась артиллерийская бригада. Виталий стал стрелком-миномётчиком. После обучения в Омске их бригаду переадресовали под Полтаву. Сравнительно повезло Виталию — тяжёлый миномёт был далеко от передовой, но доставалось от оруаийных налёт и бомбардировок с самолётов — уж слишком они досаждали непринятелю. Первая боевая нграда — медаль «За боевые заслуги» — была вручена после освобождения Полтавы. Их бригаду переброшили на Белорусский фронт. Виталия переведи на 85-миллиметровое орудие, и его боевой путь отмечался наградами. Рядом с ними стояли танкисты генерала Рыбалко. Услышав игру Виталия на гармошке, они подарили ему аккордеон. Не приходилось раньше играть на нём Виталию. Но очень быстро и аккордеон занёс в его руках. Командир дивизиона Башкатов обеспечал Виталия и без нужды ни в какие передряги его пускал. «Играй, сержант, поднимай настроение у солдат, их боевой дух, а здесь и без тебя справимся».

При штурме Берлина Виталия всё же зацепило — осколок на излёте стукнул его в лоб на правой бровью. Комадир сам

Должна быть в женщине загадка

К. Леви писал: «Опустить человека — это значит увидеть в одно мгновение всю его личность». Такими способностями в полной мере обладают опытные учителя. И Клавдия Филипповна Черноусова, отличник народного образования, кавалер ордена «Знак Почёта», этим даром владеет в совершенстве.

Родом из Василовка

Слова, в Средний Василовка, её родители попали по воле судьбы из разных мест. Мать приехала вместе с родителями из Омской области после того, как её мужа арестовали, обвиняя вдаром на рода (больше никто его уже не видел), а отец — Филипп Фёдорович — родом был из Кировской области. Был он женат, но, как выяснилось, неудачно, так что в конце концов с женой разошёлся, благо детей у них не было и спорить было некого. Вскоре посватался к вдове, и в 43 году в семье Фёдоровых появилась дочь Клава.

Жили неплохо. Филипп был хорошим портным, и все стараались шить одежду у него. Даже из Нового Василовка, бывшего тогда центром Василовского района, приезжали к нему, чтобы заказать пиджачные пары.

В 51-м Клава пошла в школу, а в 62-м окончила 11 классов.

Всё перебрал своими руками Иван Иванович, и всё пошло в дело. А авторитет механика после этого ещё более вырос в глазах начальства и механизаторов.

Интересен сам по себе и такой факт: он мог поставить «диагноз» даже по телефону: выслушав пояснения, задав два-три вопроса, Шломов тут же определял характер неисправности, советуя, что именно и где нужно сделать. Это, согласитесь, особенно важно было в период распутицы.

В 1979 году Иван Иванович оформился на пенсию. У него наконец-то появилось время для давних увлечений — рисования, музицирования. Он даже пианино купил, чтобы приобщить к музыке своих внуков, освоил нотную грамоту.

Думал, что здоровья хватит ещё надолго. И тут свалилась беда: на рыбалке утонул сын. Не выдержало сердце Александры Макаровны, и остался Иван Иванович без верной спутницы жизни. Стало сдавать здоровье. Но он не сдаётся. Его жизненная энергия берёт верх над возрастом и над болезнями. Вот такое оно, старшее поколение, поколение победителей.

— Возьмём, например, Наталью Васильевну Богер. Она — преподаватель высшей категории, по-настоящему одарённый учитель. А с одарённого учителя начинается и одарённый ученик...

Высокую оценку даёт Клавдия Филипповна своим бывшим ученикам, преподавателям химии В. В. Фатеевой, Е. А. Петкиной. С болью в сердце вспоминает прекрасного специалиста и воспитателя, тоже бывшую свою ученицу О. Д. Лактионову, ушедшую из жизни в расцвете лет и педагогической деятельности:

— Она оставила добрую память о себе. Это про таких написаны строки: «Душа беззлобная и сердце чистое».

Много и плодотворно работала Клавдия Филипповна в профсоюзной организации школы. Она — один из организаторов работы школьников на совхозных полях и пришкольном участке, хотя с последним были связаны немалые трудности — участок находился на территории бывшего посёлка Щучий Мыс, и не раз её отряд приходилось забрасывать туда на вертолёте, делавшем по нескольку рейсов.

В этой же школе учился и её будущий муж Виктор Черноусов из посёлка Селезнёвково.

Клава ещё в школе мечтала стать педагогом, потому, получив на руки аттестат зрелости, безо всяких колебаний отправилась в Томск и поступила в политехнический институт на биолого-химический факультет. На втором курсе вышла замуж за Виктора Черноусова, работавшего в Среднем Васюгане участковым милиционером.

К моменту окончания Клавой института Виктора переводят в Каргасок. Сюда же направили и Клаву. На её счастье, во второй средней школе Каргаска освободилось место учителя именно её специальности, и директор школы Геннадий Антонович Моисеев с удовольствием принял молодого специалиста. Принял и не ошибся в выборе — молодая учительница не только прекрасно преподавала, но и активно участвовала в общественной работе, возглавляя культурно-массовый сектор школьной жизни.

Эта работа продолжалась и при других директорах школы. На смену Г. А. Моисееву, ставшему заведующим РОНО, пришёл Николай Дмитриевич Пришаев, затем Людмила Григорьевна Балкеева, и наконец Валерий Михайлович Селунов.

Они старались быть первыми

Когда школы начали переходить на кабинетную систему, одним из первых в школе стал кабинет химии, в котором, помимо всех необходимых для успешного преподавания предметов пособий и материалов, была и киноустановка. Наезжавшие с проверками инспектора из области неизменно давали кабинету химии очень высокую оценку, равно как и учителю-химику Клавдии Филипповне.

Школа №2 была опорным пунктом в системе образования района, даже областные семинары проводились на её базе.

Клавдия Филипповна не без оснований гордится своими ученикам, которые имеют высшие категории, и утверждает, что некоторые из них уже превзошли её по методам преподавания и своим знаниям:

От веры и сила.

Виталий Сергеевич Шабунин в марте отметил своё 80-летие. Поздравить приходили друзья, родные. Приезжали и из районного центра руководители и вручили памятный адрес, подарки. Виталий Сергеевич доволен, что не забыт руководителем районного и благодарен судьбе, что последние 18 лет своей трудовой деятельности он проработал директором рейда речного пароходства, где не забывают своих ветеранов и оказывают им посильную помощь.

Я спросил Виталия Сергеевича, что означает его фамилия. Оказывается, не знает. Заглянул в этимологический словарь, и вот одна из версий: шабан — это восьмой месяц мусульманского лунного года, а Шабуна — это уменьшительное от Шабана, переделанное на русский лад. В старину тюркские имена в качестве дополнительных к церковным были весьма популярны на Руси. Это мог быть восьмой ребёнок в семье или восьмой месяц года, побратимство и т. д. А проживше или имя перешло в фамилию потомков. Значит, можно сказать, что Восьмухины, Осмухины и т.п. — «однофамильцы» Шабунина...

Шабунин на томской земле оказался в 1931 году, когда их выселили из Тонкинского района Алтайского края. Привезли в Чаинский район, посёлок Анадеево, недалеко от Пришкино. Одиннадцатилетний Виталий активно помогал в обустройстве жилища. Трое старших братьев и отец срубили дом. Началась

Очень обеспокоен Александр Кириллович тем, что молодёжь, по сути дети, прогуливаются ночами у круглосуточных киосков. Что-то надо делать с этим круглосуточным злом, убивающим наших детей. Детей, потерянных для нашего района, нашей страны.

— Встаю в 4 часа утра, и вижу, как малолетки расползаются по домам. Сердце обливается кровью, ведь мы потеряли целое поколение, надо идти в Думу, к главе района, но что-то надо делать. Как бы хотелось сказать про молодёжь, как Н. Тихонов: «И теми людьми мы гордимся, как лучшим наследием своим». Пусть Божье благословение пребывает с нами.

Этими же благословляющими словами мне хотелось бы сказать и про Александра Кирилловича, настоящего труженика, своими делами доказывающего, что жить можно за счёт развития своего подсобного хозяйства.

2002 г.

ножом выковырнул из-под кожи осколок, перевязал рану и отправил Виталия в медсанбат, но не пошёл туда, а со своими ребятами ринулся в атаку. Показалась «рама» — самолёт-разведчик. Командир приказал всем в укрытие — сейчас налетят бомбардировщики. Спрятались под мост, но вот рядом сильно рвануло, и пролёт моста обрушился. Плитой придавило левую ногу Виталию. Поднять сами не смогли — пригнали технику. Плиту сняли, ногу осмотрели — вроде кости целы. Снова отказался идти в медсанбат, как и многие раненые солдаты, все рвались в бой, такой высокий боевой дух преобладал в последние дни войны, что даже и с более серьёзными ранениями солдаты не покидали поля боя. Всем хотелось поскорее закончить войну. 2 мая после взятия Берлина их часть бросили на Прагу, выручать восставших жителей. 9 мая вошли в Прагу, Виталий был уже на «САУ-100». На этой самоходке и закончил войну Виталий. На празднование Победы Виталия взял с собой командир на приём к маршалу Рыбалко (тогда ещё генералу бронетанковых войск). Рыбалко опирался на костыли, но когда заиграл Виталий, отложил их в сторону и пустился в пляс. После пляски, сильно прихрамывая, подошёл к Виталию и поблагодарил за хорошую игру. Виталий вскочил, и оказалось, что он почти на голову выше прославленного военачальника.

Нога, придавленная плитой с рухнувшего моста в Берлине, стала сильно беспокоить, и в октябре 1945 года Виталия переводят в музыканты. Этот взвод привезли в Осиновичи, в Белоруссию, и Виталий стал осваивать музыкальную грамоту, чтобы играть на духовых инструментах.

Ступени жизни

«В тоску тяжкую не стонуть...»

Ф.Пришма Патрахина на фронт призвали в апреле 1944 года. Их привезли в Берлск, и через полтора месяца учёбы присвоили звание «младший сержант». При вручении погон спрашивали:

— В каких войсках желаете служить?

Ф.Пришм ответил, что хотел быть артиллеристом. Артиллеристов, «богов войны», оставили ещё на учёбу. Через полтора месяца наводчик-артиллерист Ф.Пришм Патрахин был отправлен на фронт. Проехали через всю Россию. В Эстонии он был зачислен в 533-й стрелковый полк артиллеристом 76-мм орудия. Из Эстонии переброшили в Польшу, и вот первый бой, первая бомбёжка.

Пройдя с боями через всю Польшу, они вышли к границе Германии. Здесь, на границе, Ф.Пришм получил осколочное ранение в руку. Рука правая, и наводить орудие на цель Ф.Пришм не смог. Командир батареи при перевязке осмотрел руку Ф.Пришма и сказал:

— Оставайся на батарее, будешь подавать снаряды.

— А как же одной рукой я буду снаряды на подвески грузить?

— Ничего, ты только будешь возить, а то молодёжь городская, не умеет лошадь запрячь.

Ответственный сёмщик на земле

Украина. В Черниговской области в местечке Тихановичи 60 лет назад в семье Шиликих родился сын Александр. Это всего в 150 километрах от печально известного Чернобыля. Черниговская область самая северная на Украине и граничит с белорусской Гомельской, и Брянской областью России. Все эти три области были обвязены побратимами и много лет сотрудничали, помогали друг другу — развиваться технически и культурно, людскими резервами, особенно в дни уборки урожая.

В Черниговской области была развита лесная промышленность, и поэтому после окончания средней школы Александр уже твёрдо знал, что он посвятит свою жизнь этой отрасли. Поехал к соседям в Беларусь, и поступил в Гомельский политехнический техникум, по окончании которого был направлен на работу в Гомельскую область на реку Припять, приток Днепра. Молодой специалист по водному транспорту леса год отработал на Припяти, хотя хотелось работать в родной Черниговской области, богатой водными артериями. Река Десна проходит через всю область и впадает в Днепр чуть пониже Киевского водохранилища. И Днепр, который разделяет границу Белоруссии с Киевской областью. И многочисленные притоки Десны, среди которых крупные, как Сейм, Остер, и другие.

Работать по специальности было где и на родине, но друг уехал в Сибирь и звал его туда. И Александра потянуло посмотреть просторы великой России! Вскоре пришёл вызов из Томска, и Александр в Томске. Там познакомился с директором лесопромхоза из Кыргыса Ф. Г. Анисимовым, который и забрал его с собой.

Так в 62 году двадцатилетний парень с Украины оказался на Кыргысской земле. Он тогда не думал, что полюбит этот суровый край.

В июне 1946 года Виталия демобилизовали. Поспешил к матери — три года не виделись. По приезде домой узнал, что старший брат жив. Прислал письмо, что лицо сильно изуродовано, осколком отрубило челюсть, нет уха, и потому домой не вернётся, а жене наказал, что если кого встретит, пусть выходит замуж. Обратного адреса нет, только на штемпеле — Калининград.

Виталий съездил в Подгорное и устроился музыкантом в клуб Гришкино. Немного погодя его приняли музыкантом в ГДК г. Колпашево. Женился, а родители жены жили в Каргаске. Однажды в гостях тесть послал зятя на вышку за балычком. Виталий взобрался на чердак и ошалел от увиденного — всё было увешано рыбой всякого вида — от язей до осетрины. От такого добра добра не ищут, и в 1950 году Виталий оказался в Каргаске. Его приветливо встретили в РДК. Его баян слышали многие жители Васюганья, Чижапки, Оби. Агитбригада под руководством Д. Г. Погорелова была заброшена в самое верховье Чижапки. Остановились в стойбище, где виднелось три чума и несколько шалашей, в которых жили тунгусы, эвены. Они выгрузили из паузка свою вёсельную лодку и, облюбовав площадку посреди стойбища, начали петь, играть. Никаких шевелений, хотя паузок разгружали, взрослых было немало; только из пологов чумов и шалашей выглядывали озорные любопытные глазёнки детей. Так и не дождавшись зрителей, несколько обескураженные, погрузились в лодку и поехали вниз по речке. На Чижапке располагалось 8 колхозов, которые им предстояло обслужить, и несколько охотничьих заимок местных жителей. Еды, конечно, никакой. Погорелов взял ружьё, и всю дорогу стреляли дичь, благо в то время леса и берега были ею полны, а речка изобиловала рыбой. Пока ехали до Каргаска, девушки заготовили себе по мешку пуха от дичи.

Затем ездили по Чумжельке, веселили лесозаготовителей, и по Оби до Вертикоса. После поработал два года в клубе рыбозавода, и в 1954 году переехал с семьёй в поселок Староюгино, где «незаметно» пролетело 46 лет. Вначале работал музыкаль-

В 86 году Швидкий согласился стать начальником участка. Восемь лет проработал. Как раз началась, так сказать, перестройка-растащиловка.

С каждым годом всё труднее приходилось реализовывать лес. Если нужен лес, то только пиломатериал. К 94-му стало совсем невпродых. Нет реализации, нет и денег на зарплату. Начались разброд и шатания. Горько было смотреть, как гибнет хорошо отлаженный механизм. Лесная отрасль, бывшая бюджетообразующей организацией для района, сама стала заваливаться на бок. Стыдно стало смотреть людям в глаза, и Александр Кириллович решается уехать на родину, посмотреть, как там дело идёт.

Но на Украине, на его взгляд, дела шли ещё хуже, и он вернулся в Каргасок. Пошёл работать в отдел снабжения ЛПК, но и здесь началась всеобщая растащиловка предприятия. В 97-м, как только исполнилось 55 лет, сразу ушёл на пенсию. Его деятельная натура не позволяла отсиживаться, и они с женой Манефой Акимовной купили дом, и на усадьбе построили целый животноводческий комплекс. Человек может хорошо жить, развивая индивидуальное хозяйство, считает Александр Кириллович. Двор полон животных: коровы, лошади, овцы, куры и козы. Тяжело, конечно. Встают в 4 часа утра — и за работу. Обеспечивают животноводческими продуктами не только себя, но и многих жителей райцентра: молоком, маслом, творогом, мясом. Есть у Швидких и трактор, и другие сельскохозяйственные орудия. У него всегда сбивается дружная бригада на заготовку кормов. Он поощряет ребят из бригады продавать излишки сена каргасокцам, кому самому трудно заготавливать корма, а значит, способствует тому, чтобы как можно больше людей занимались животноводством.

Александр Кириллович был решительно против политики уничтожения общественного скота. Ведь было более 15 тысяч голов КРС в районе, надо было найти какие-то другие формы организации работ крестьянства, но не лишать район продовольственной безопасности.

— Такова моя доля, — говорит Александр Кириллович, — пробыл эти края навсегда, и вот уже сорок лет прожито здесь.

Его направили в Усть-Тым и предложили должность технорука участка сплава. Отказался Александр, сославшись на молодость и неопытность.

— Хорошо, — решил начальник участка М. В. Пришаев — поработаешь с год мастером реки, а там посмотрим.

На всю жизнь остался благодарен Александр Кириллович М. В. Пришаеву и Петру Михайловичу Красноусову. Он говорит:

— Прямые мои руководители были люди. Не очень образованными, но с таким большим опытом работы, такой душевной добротой, готовностью помочь в любом вопросе, что забыть такое невозможно.

Как говорится: «Их труд и дело в народную память войдут».

Через год такой практической работы и мудрых наставлений своих старших товарищей он стал работать техноруком. В 65-м по семейным обстоятельствам пришлось выехать в Нарымскую сплавную контору. Начальник Сальников приказал принимать Орловский сплавной участок. Александр взмолился:

— Мне всего 23 года — начальником рано.

— Ничего, — ответил Сальников, — мне было 24 года, а был уже секретарём райкома. Справишься.

Два года отработал начальником, но всегда тянуло в Усть-Тым. Помог Ф. Г. Анисимов, и Александр вернулся в Усть-Тым техноруком. Уже считал этот посёлок родным. Ему не показалось странным, когда впервые, пять лет назад, увидел кудрявых женщин на улице, что не принято ни на Украине, ни в Белоруссии. Помнит, как в первый раз зашёл в контору и увидел пьяного. Тогда в посёлке не принято ни на Украине, ни в Белоруссии. Помнит, как в первый раз зашёл в контору и увидел пьяного, что поверглю его в шок. На родине такой инцидент казался немыслимым уголовщиной. Здесь всё по-другому — людей не хватало, и начальство зачастую на это смотрело сквозь пальцы, — лишь бы человек работал. И за спиной выпивохи не стоило три-четыре человека, готовых заменить его на работе.

ным руководителем в клубе, в 1968 году уйдёт шкипером реки. В этой должности проработал 18 лет.

Выросли дети, внуки, правнуки, и опять «незаметно» сделал переход в левобрый лесоток. Бодрость духа, жизнерадостность, человеколюбие, сострадательность — всё это заложено в характере Виталия Сергеевича. Я видел, как пальцы его рук легко порхают на клавишами гармоники, послушал, как поёт гармонь в его руках, и от души желал ему быть таким же и в 100 лет.

20.03.2000 г.

«Если сердце болит,
Если совесть не спит,
Значит, с неправдой
Ты можешь сражаться».

А сердце болит потому, считает Анатолий Александрович, что сломана жизнь целого поколения, в том числе и его собственного сына.

Уезжать из Тогура он не собирается — дорог ему этот край, и он солидарен с поэтом, написавшим:

«Из края в край
Пройду весь мир,
И не найду другой земли,
Как ты, моя Сибирь».

2004 г.

Но разве утерпит сержант, глядя, как мальчишка корячится с ящиком снарядов. Он подхватывал здоровой левой рукой ящик, и его устанавливали на телегу. Через пару недель вернулся к орудию. И в первый же день в сильном бою батарея потеряла три орудия. Полуоглохшие, слегка контуженные, артиллеристы остались без орудий. Их отправили в пехоту. Набралось 12 человек. Командир батареи приказал:

— Сержант Патрахин, ты старший группы, веди людей к соседям, будете штурмовать эту треклятую деревню.

Командир пехотной роты назначил Филиппа командиром отделения, и на отделение выдал пулемёт. Деревня была сильно укреплена противником. На подступах к ней стоял закопанный танк, и кругом — пулемётные гнёзда.

Ночью, несмотря на то, что немцы беспрерывно пускали осветительные ракеты, Филипп со товарищи подкрались к пулемётам противника и забросали их гранатами. Затем лихой рывок — и деревня взята. Все они были награждены медалями «За отвагу».

Оставшихся в живых артиллеристов вернули на батарею. Их часть 8 мая подступила к городу Бреслау. Командир части объявил об окончании войны. Ликовали!

Война окончена, но в Чехословакии шли бои, и часть срочно отправили туда. Никогда не забудутся такие горячие встречи советских солдат с местными жителями. Дали отдохнуть три дня, и снова в Германию.

Произвели демобилизацию в войсках по 1905 год рождения включительно.

Полк пополнили и отправили в Венгрию. Шли по июньской жаре пешком до реки Дунай. Вот уж действительно, за 32 дня похода «гимнастёрки на плечах повыгорали». Заедали вши. Подошли к Дунаю — и сразу в реку. В местечке Сеперверк не были захоронены ни наши убитые, ни немцы. Трупы разлагались — вонь невообразимая. Хоронили всех в одну могилу — невозможно было разделить немецких и советских солдат. Всех сволакивали в одну яму. После похорон объявили карантин на

ветрянка была, и рыбачили много. Выслали в Поноково по речке Чуянку в 5 километрах от Плаино. Нас не на баржах везли, а на своих лошадях зимой 1929 года. Большой обоз был. В Поноково стояли один дом, а приезжие сразу заложили 70 домов. Построили шоссу, дворы. Лес рубили прямо на месте. Корчевали лес под пашню. Хорошие урожаи собирали. Хорошо запомнился 37-й урожайный год. Отец мой занимался рыбалкой. Однажды спасал другого рыбака, сам оказался в холодной воде, простыл, заболел и в 43 году умер. После смерти отца, как старший в семье, пошёл работать. В Плаино белгли в школу два года вместе с Бенъеровым Н. Г. Он-то закончил 7 классов, а я в леспромхоз маркировщиком устроился. В 43 году пошёл в охотники, и до призыва в армию охотничал. Поповезл, послужил, и вот с тобой встретился.

В 53 году образовалась новая семья.

После присоединения МРС к рыбозаводу Филипп перешёл в 58-м году в Зверопромхоз, который вскоре был объединён с «Сельхозтехникой». Филипп Михайлович 41 год проработал слесарем в этой организации. Он пользовался большим авторитетом в сельхозтехнике у всех руководителей хозяйств района. Все старались, чтобы техника их попала в руки этого мастера. А это гарантия качества ремонта, надёжности в работе.

В 89 году получили квартиру в Томске, прожили 7 лет и вернулись в Кыргызок. Дети Юрий и Александр работают в Кыргызке, их дети тоже. Зачем им город?

Филипп Михайлович и Таисия Дмитриевна любили там, откуда их выселили, и считают, что лучше Кыргызской для них нет другой земли.

Кыргызок хорошеет с каждым годом, и так хочется, чтобы безработица ушла с этой прекрасной земли. И чтобы внуки и правнуки запомнили это слово. Будет работа, будет любовь, будет крепкая семья. Филиппу 29-го июля исполнилось 82 года. От всей души хочется пожелать ветерану дожить до столетнего юбилея.

2008 г.

свои озёра, заливы. Они поженились, и Николай Шохин с головой окунулся в рыбалкуго жизнь, забыв о баррикадах и схватках с правительством.

Шло время. Выросли дети, а в 34 году появился на свет и внук, наречённый Анатолием. С малых лет он стал любым помощником деду во всех хозяйственных делах: ухаживал вместе с ним за жеребыми кобылицами, за что в случае благополучного рожденя жеребёнка ему начисляюся один трудодень.

В семье Шохиных все были трудоголиками. А работы в колхозе — край непочатый. С мая до октября дети были заняты на пропоолке, сенокосе, на уборке льна, картофеля, капусты, трупнеса. Остальное время года учились. Анатолий с отличием окончил деревенскую семилетку, и, чтобы дать ему возможность продолжать учёбу, родители переехали в Тогур, где была средняя школа. Но он пролучился в ней лишь год, а потом решил идти работать, поскольку семья большая, а работник только один — отец.

И вот в 1951 году Анатолий первый раз пересуплил порог подхоаной Кетского лесозавода. Работа была несложной, квалификаиии не требовала — отбирай торбыли, называемые «шахтовками», ошкуривай да укладывай в штабеля.

12 дней. Одежду прожарили в камерах, отмылись, сами прожарились. Стало полегче: теперь спали на чистых постелях и о вшах забыли.

Получили новые 76-мм орудия на механической тяге. Вместо ездовых — водители тягачей.

В июле повезли на восток. В Ворошилово-Уссурийске их разместили в Чернятинском городке. Их полк объявили десантным, и стали учить прыгать с парашютами с аэростата, который поднимали на 500 метров.

Война закончилась капитуляцией Японии, но их продолжали учить и десантировать с самолётов.

В неблагоустроенных казармах было очень холодно от пронизывающих ветров. Дров не было, собирали бурьян и им топились. Филипп проучился на курсах и стал мастером-оружейником.

В 49 году Филиппа поощрили отпуском на родину. Кое-как добрался до Пудино на «газоходе». Помогал команде грузить чурочки, заготовленные для «газоходов».

В армии Филипп увлёкся фотографированием. Скопил денег на «Фотокор». В 50 году — демобилизация. Сразу решил ехать в Каргасок.

Мирная жизнь

В Каргаске Филипп, чтобы заработать на жизнь, занялся фотографированием. Время такое было, когда люди и фотографа в глаза не видели, а фотографировались почти все охотно. Неплохо заработал на съёмках фото в Усть-Парабели, а затем в Канаскино.

Но Филипп посчитал это занятие не серьёзным, хотя и денежным. Он решился пойти слесарем в МРС. МРС — это моторно-рыболовецкая станция, которая просуществовала до 1958 года, а затем была передана в рыбозавод.

Филиппу исполнилось 27 лет, пришла пора и о семье задуматься. По сердцу пришлась ему девчина Тася, работавшая на

Через два года он возглавил профком завода, а потом стал и заместителем директора КЛЗ.

Когда Кетский лесозавод объединился с Колпашевским леспромхозом и сплавной конторой, Анатолий занял должность помощника директора по ГО. Снова была учёба, учился сам, учил других, создавал санитарные дружины, и прочее, прочее. В 1989 году Анатолий Александрович ушёл на заслуженный отдых.

А сердцу нет покоя

Перестройку он не понял и не принял, как не принимает сердцем до сих пор. Душа его разрывалась от боли за завод, за людей, оставшихся без работы, за заводские цеха, так хорошо «заселённые» механизмами по переработке леса и не работающие на полную мощность.

Вот уже юбилей подошёл — 25 марта нынешнего года ему исполнилось 70 лет. А на сердце неспокойно. Как в песне из кинофильма «Лекарство против страха»:

Сустга год Анатолия уже перевели в деревообрабатывающий цех, где готовили тару, а потом — в столярный, где изготовлялись шифоньеры, комоды, кресла, диваны. Зарабатки заметно выросли, появилась возможность приобретать, что немаловажно для молодого человека, который и в самодеятельности участвует, и танцы по выходным в местном ДК не пропускает.

И тут подошло время призыва в армию. Проводил он службу в Белоруссии, в танковых войсках. Был механиком-водителем. Через три года демобилизовался.

От рабочего до руководителя

Вернувшись в родные края, Анатолий вновь пришёл на лесозавод, только уже в лесопильный цех. Одновременно учился в вечерней школе. И, как бы ни было трудно, со стремлением получить среднее, а потом и высшее образование не расставался.

А потом сменили его в пожарную часть, прельстив тем, что времени свободного будет больше. И снова была учёба. В пожарной технической школе. Через год Анатолия назначили заместителем командира пожарной части по профилактической работе.

Главный инженер А. Ф. Какулин и начальник цеха А. В. Мančенко были довольны работой молодого специалиста. Это было время реконструкции Кетского лесозавода — устаивались новые станки, заменившие ручной труд, полным ходом шла механизация всех технологических процессов обработки древесины. Вместе с этими новшествами возникла необходимость улучшения работы по технике безопасности. И директор завода А. М. Куприянец решает поставить старшим инженером отдела техники безопасности Анатолия Шохина.

Вот где ему пригодились знания, полученные и в армии, и в пожарной части, и в лесотехникуме, а также в юридическом институте, хотя он пропустил там немногим более двух лет, — всё нашло применение при работе в этом отделе. Получалось по поговорке: «Семь мудрецов лешевье одного опытного человека».

рыбозаводе. Весёлая девка, певунья. Узнал, что это молодая вдова — муж погиб на фронте, а она осталась с сыном Юрием.

— А откуда такая весёлая взялась?

— Родители были, что в кашуте нашли.

— А где такая кашута растёт? Может быть, я съезжу туда?

— Не надо ехать, всё равно лучше меня не найдёшь. А место это в Омской области, в селе Важеново, откуда нас в 31 году 15 мая выселили. Земли там плодородные, хозяйствуй, не ленись. И хлеб сеяли, в хозяйстве было 10 лошадей, 10 дойных коров, и всякой другой божьей твари по паре. Заводовали, вот и погрузили нас за это на баржи. Ехали-ехали, наконец в Тимельре по Васюгану выскадили. Там промаялись два года, и вдруг вербовка для работы в Каргаске. Нас 6 семей завербовали, и приехали для работы в рыбозаводе. Отец, правда, ушёл в лесхоз. Купили две землянки-карамо на Саловой и в них жили. Отец купил избу в Большарке, а потом в Каргаске. 8 января 36 года пошли работать в колхоз «Авангард». Вот где сейчас улица Болешихина, пример-но у улицы Трактовой был пихтовый завод. Кругом могучие ели, и пристань-то называли Пихтовкой. С нами работали вместе Френовские, Ивановы, Паша, что с Тимельри переехали.

В 38 году снова нас хорошо пошерстили — опять выселили из Каргаска. Правда, ничего не отобрали и домишко свой мы продали Насоновы. Мужиков в тюрьму, нас в Большарку. Мужики умерли в тюрьме, а на нас напала эпидемия. Сколько народу померло! В Большарке закончила 4 класс, и в 5 класс в Новоселки-но походила, а в 38 году выскочила замуж за Берпеева Андрея. В 41 году родился сын Юрий, и вот уже 12 лет ему. Видишь, какое вихрастое приданое у меня. Может, переду́маешь, на девке женишься?

— Нет, ты моему сердцу любо, никого больше не надо, а с Юркой, думаю, подружимся.

— Я-то переселенка, а ты что за голубь залётный, откуда?

— Да тоже из ссыльных, только нас выселили из села Новопесчаное, что на берегу озера Чаны. У нас тоже пашня, мельница

Часть вторая

Илья Хенкин

* * *

Смотрю на фотографии тех лет:
Красавицы все были молодые!
Таких, как вы, и не было, и нет —
Вы — труженицы тыла дорогие.

Работали в три смены с огоньком
И песню о Катюше распевали.
Вы согревали нас своим теплом
И, как могли, Победу приближали.

Прошли десятилетья с той поры.
Страна наша, и мы — стали другие.
Вы вынесли всю тяжесть той войны —
Вы, труженицы тыла дорогие!

И не найду другой такой земли, как ты, моя Сибирь

Нарымский край ещё царским правительством был определён как место ссылки политических противников власти, а затем и уголовников. В. П. Зиновьев, доктор исторических наук, писал: «Бедность, суровость и малолюдность края были по достоинству оценены верховными властями. Его, так же как и Туруханский край, и Верхоленский округ, посчитали наиболее подходящим местом для ссылки участников революции 1905—1907 годов». За участие в этих самых революционных событиях и был выслан в Нарымский край из Пензы дед Анатолия Шохина.

Была бы шея…

Их было 25 пензенцев, попавших в суровый сибирский край и разосланных по пятёрке в селения Тогурского и Парабельского уездов. Шохину определили местом жительства деревню Инкино.

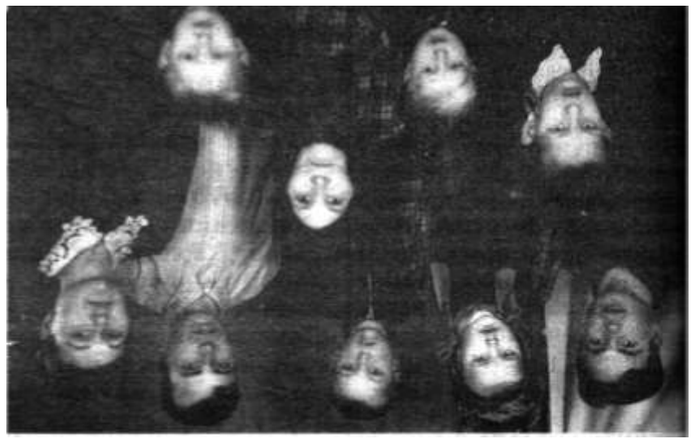
Как говорит пословица, была бы шея, а хомут найдётся. Вот и для молодого ссыльного он нашёлся сразу в виде каждодневного труда. Он не ленился, брался за всё, что оказывалось под рукой. И вскоре приглянулся работящий паренёк первой деревенской красавице из семьи Пшеничниковых, у которой были

полотном, который сумела-таки провезти бабушка. Раньше его использовали при молотьбе хлебов.

Тяжёлой оказалась первая зима, много людей полумирало. Волковы потеряли отца, бабушку, трёхлетнюю дочку и сестру матери. Умирали от голода, болезней и тяжёлой работы. Кое-кто пытался бежать на Большую землю, но далеко не всем удавалось добраться до этой обетованной земли — гибли в болотах и в ядемучей тайге, становились жертвами убийц.

Саша, пережив смерть родных и соседей, сказала себе: я не умру, я выживу обязательно. Несмотря на возраст, она была не по-детски крепка духом.

Наступила весна. Вместо шалашей были построены бараки. В одном из бараков жили Волковы. Здесь они спали, готовили, а мылись в пещере, вырытой в яре. Непростым было это дело. Мать сначала разводила костёр, потом сгребала раскалённые угли в заглетку и завешивала вход полотном. Пол пещеры устилали пихтовыми ветками, а воду нагревали раскалёнными кирпичами.



Здесь тропинки в тайге пробивали

В прадлюбовании 850-летия Мокшкавы участие многие колхозы принимали страны СНГ, и среди них заслуженный «Сабуры» из Белоруссии. Сабуры — значит соседи. Руководитель этого заслуженного Ермолаенко написал и исполнил на празднике Москвы песню:

«Переживём, переживём
Печали, горести, разлуку,
Переживём, переживём,
И всё как надо будет и у нас!».

Песня пропитана надеждой, что придёт время и снова мы с белорусами будем жить как одна семья. На это надеемся и мы, и проживающие на нашей земле Карасукской белоруссы. Многое они сделали для экономики нашего района. Например, в п. Неготка белоруссов проживает значительная часть населения. И начальником участка до недавнего времени был белорус В. А. Лагун, техноруком Шмарук, и многие механизаторы, тоже белоруссы, заметные были в районе людя.

Я хорошо знаком со многими из них, и все они прекрасные люди, хорошо работали на производстве, и хорошие семьянины. Об одном из них мой рассказ. Леонид Титович Рабков приехал в Карасук по оргнабору в 1957 году и был направлен в Походкино, что под Бертюсом, вальщиком леса. Вскоре лесоучастоК Походкино закрыли, а людей отправили в Лагалыку, и Леонид начал работать электромехаником. Пристрастился к охоте

Вспоминая прожитые годы…

Простая русская женщина. А как красиво звучит! Именно эти простые русские женщины вынесли на своих хрупких плечах все тяготы войны. И как бы меня ни укоряли, что пишу о самых обыкновенных колхозницах, я считаю их необыкновенными: женщинами-труженицами, женщинами-воинами. Их так жизнь мяла, трепала, валтузила, а они выстояли и обеспечили жизнь и процветание страны. И совсем не их вина, что позднее пошла такая кутерьма. Вот и сейчас мой рассказ — о простой женщине-труженице, прошедшей «все круги ада».

Святая быль, ты в памяти не стёрта

Жила семья Волковых в деревне Ново-Николаевке на Алтае. Жили небогато, но и не бедствовали. Было у них 10 десятин земли, был набор сельскохозяйственных орудий, были коровы, лошадь, словом, всё, что необходимо рачительному, трудолюбивому крестьянину.

Семья, насчитывающая восемь человек, со всеми работами справлялась самостоятельно, исправно платила налоги, и того, что случилось в 31-м, даже предположить не могла. А было дело так.

Огорчает и беспокоит Леонида Титовича развал на родном предприятии, затухающая жизнь в лесных посёлках — унижение, произвол в оплате труда, безработица. Это в лесных-то посёлках?! Лесная отрасль считалась и была главной кормилицей района. Лесные посёлки, считает Леонид Титович, могут возродиться вновь, но не надо отбрасывать наработанные трудовые традиции, которые оказывали сильное эмоциональное воздействие на человека, особенно на подрастающее поколение. Это и получение специальности, приём в ряды трудового коллектива, закрепление за молодым человеком первого в его жизни станка, машины, рабочего места, и его первая получка.

А разве плохая была организация праздника по заготовке и вывозке леса — 100 тысяч, 500 тысяч, 1 миллион кубометров?! Это создавало добрый трудовой настрой, оказывало большое воспитательное воздействие на молодых людей. Как хочется, говорил Леонид Титович, чтобы каждый желающий имел работу, чтобы все люди жили в радости, и «всё как надо будет и у нас!».

14.09.97 г.

и рыбалке, и эта любовь задержала его и после окончания лесотехнического училища вернуться в отчий край.

Женился, завели хозяйство, кобор, и в 1959 году, когда закрылся лесоучасток, не хотелось уезжать. Перевели в Бертюкос, где подработал и капитаном катера, и на кране. Хорошо зарекомендовал себя, а в 1963 году перевели на кран в Усть-Тым — в один из крупнейших сплавучастков Красноярского ЛПХ.

Через год назначенный начальником участка П. Неготка А. В. Зайков уговорил его перехать туда, на Обера Тыма. Как писал местный поэт М. Панов, «Тым красотой своей влечёт…». И завлёк его Тым, как оказалось, на всю оставшуюся жизнь.

Трудолюбие Леонида Титовича, исполнительность, тостепримность были замечены не только коллегами по работе, а и вышестоящими людьми. От любой работы не отказывался. Работал и шофёром, и на трелёвочном тракторе, а в 1972 году получил трактор «К-700», на котором проработал до 1990 года, т.е. до выхода на пенсию. А работал на нём каждый сезон на вахтах. И трактор слал в хорошем техническом состоянии, на ходу! Все бы так работали на технике по 18 лет — давно бы уже жили в изобилии.

Любят в семье песню из кинофильма «Лебвата». Даже думал, что это их собственная песня:

«…Здесь тропинки в лесу пробивали мы
В сумасшедший сибирский мороз…».

Конечно, дом в Белоруссии всегда манит — часто ездил туда в отпуск, и к нему приезжали отгула сёстры, и даже побывала мать, хотя уже в солидном возрасте. Вообще-то Леонид Титович думал доработать до пенсии и вернуться в родные пенаты. Купил там автомобиль, мать отписала ему дом с большим яблоневым садом. Но вдруг грянул гром — взрыв в Чернобыле, который совсем рядом с их селом. И переустройка и смена общественного строя сделали невозможной поездку на родину — от денег остался шиш.

Вывал Павел Волков старшую дочь за парня, который к работе относился с прохладцей, а вот выпить любил. Тесть подругивал зятя, но всё же помогал — там один за другим появлялись внуки. Так вот однажды пьяного зятя выбрали из дома, и тот сразу побежал в комитет бедноты, где как раз составлялись списки людей, подлежащих выселке.

— У меня есть кандидатура на выселку — мой тесть, — недолго думая, заявил он.

И началось… Шестилетняя дочь Павла Саша ничего не могла понять: пришли чужие дяди и всех выгнали из дома. Отца и деда, которые решительно протестовали против такого произвола, арестовали и увезли в Славгород. А дальше… Дальше запрягли лошадь, посадили детей, бабушку, и повезли в Кулунду на железнодорожную станцию. 90 километров, отделявшие Ново-Николаевку от Кулунды, преодолели за два дня. А там их начали рассаживать по «телячьим» вагонам. Тут появились и отец с дедом. А людей в вагонах оказалось столько, что пришлось ехать стоя.

В конце концов прибыли к пристани на Иртыше. Там всех пересадили на баржи, и — вниз по Иртышу. Потом — вверх по Оби до реки Васюгана. И снова — вверх, до речки Нюролки. Пройдя от её устья километров 10, баржи остановились, и люди стали выгружаться на берег, по которому сплошной стеной стоял лес. Здесь был основан посёлок Ново-Волчиха. На всю жизнь запомнился Саше этот день. Шёл дождь, а на людей сразу же набросились мириады комаров. Спасались кострами. Начали строить шалаши. Семья Волковых свой шалаш накрыла

С туристическими группами он проехал не одну страну. Особенно понравилась ему Индия, о поездке в которую напоминают сделанные им фотографии.

В 1979 году парторг А. А. Щедрин с директором ЛПК Б. А. Беспалько уговорили Анатолия Васильевича взять на себя заведование ремонтно-механическими мастерскими. Согласился, принял РММ, но ограничить свою работу только контролем за ходом дел не смог — вместе с механиком очень часто выезжал в лес, чтобы оказать необходимую помощь непосредственно на месте работы.

С надеждой на светлое завтра

12 лет назад Анатолий Васильевич ушёл на пенсию, и с болью в сердце наблюдал развал лесопромышленного комбината.

Чтобы как-то успокоить себя, с головой окунулся в хозяйственные домашние дела. Двор у Нагиных полон всякой живности, что помогает в наше непростое время выжить. А когда выдаётся свободное время, он посвящает его своей давней страсти — рыбалке. Так что семья всегда с рыбой. Про таких говорят, что у них дом — полная чаша. Говорят без зависти, с уважением, зная, сколько труда вкладывают супруги Нагины, чтобы жить достойно...

Но... «пепел Клааса стучит в сердце», когда взгляд упирается во что-то важное, а сейчас ненужное. На ум приходят слова А. С. Пушкина, который был настоящим провидцем, почти два столетия назад написав:

«Здесь каждый день в душе рождает
Воспоминанья прошлых лет.
Воззрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
Исчезло всё, страны великой нет.
Пришло губительное время,
Когда невежества несёт Россия бремя...».

Но ветеран надеется, что всё же Россия встанет с колен и пойдёт в жизни светлая полоса.

2003 г.

Для мытья головы готовили щёлок: в бадейку с водой насыпали золы из костра, давали отстояться, и всё — щелочная вода готова. Надо сказать, что волосы промывались ею не хуже, а то и лучше, чем сейчас самым дорогостоящим шампунем.

Саша навсегда запомнила и приятно щекочущий ноздри пихтовый аромат, и жар импровизированной бани, и то, как мама с помощью этой баньки изгоняла простуду.

Соседи частенько пользовались этой целительной банькой. Правда, иногда потолок обваливался, но мама рыла новую пещеру, и всё повторялось.

Потом в посёлке построили школу, магазин, в котором продавались керосин, соль, ситец и прочие наиболее ходовые товары. Говорят, что, когда сибирские мужики подняли восстание против Советов, с ними удалось справиться только после того, как в сельские магазины завезли эти товары в нужном количестве.

Судьба надламывает слабых

В 38-м Саша закончила начальную школу в Волчихе. Чтобы учиться дальше, нужно было ехать в Усть-Чижапку, за 70 километров от дома. И сразу же возникла проблема: в чём ехать? У неё не было ни приличной одежды, ни обуви. Так что о продолжении учёбы пришлось забыть. Она вынуждена была идти работать в колхоз, который всё ещё занимался раскорчёвкой леса под поля — предстояло отвоёвывать у тайги ещё как минимум 500 гектаров.

Подростки выкапывали корни вывороченных пней. Затем поле перепахивали, и осенью сеяли рожь. Урожаи зерновых, льна и конопли на новых землях были отменными. Лён в основном сеяли для изготовления одежды, мешков и верёвок, а коноплю — для изготовления сетей, рогожи и также верёвок.

Саша начала работать на пихтовом заводе. Для каждого работающего устанавливалась дневная норма — 200 килограммов пихтолапки. Работали попарно: один залазил на дерево и топориком или ножом спускал ветки от вершины к комлю, второй

Дней не прожитых мал запас

Меня всегда привлекают люди пожилого возраста с активной жизненной позицией. Им до всего есть дело, и не мыслят они общественную жизнь без их участия. И хотя, как сказал поэт, «дней не прожитых мал запас», стараются, чтобы эти дни были заполнены полезным для людей делом.

К таким активистам, несмотря на 78 лет и на6ор 6олячек, относится Григорий Фекстистович Бахарев. Он член президиума районного совета ветеранов, председатель первичной ветеранской организации заполярта. И не имеет никакого значения, где и кем работал ветеран до ухода на пенсию.

Что же особенного в таких, как он, людях, что отличает их от множества других? А то, что, говоря словами Осипа Мандельштама, «они готовы умереть и вскочить на коня своего».

Время проделело стремительной птицей

Родился Григорий в январе 1930 года прошлого века в деревне Пинково Курганской области. Спустя шесть лет заброcили его родители сельское хозяйство и перебрались на станцию Кобовск, где устроились на работу в лесную отрасль. Туда же

а уничтожили полностью за одну ночь. Кто знает, что произошло на самом деле? Скорее всего, ночью их угнали на Тым и погрузили на баржу.

Население составляло от 500 до 800 человек, так что немногочисленной охране и нелоброй памяти коменданту Четвертакову за одну ночь просто невозможно было всех перебить и захоронить, даже если могилы копали бы сами осужденные. А слухи появились потому, что оставшиеся люди в деревне проснулись, а дверей нет — одни пустые полуразрушенные землянки.

Нынешнее поселковое кладбище расположено как раз на месте Сибирата, и при захоронении никто ни разу не обнаружил в земле костей, человеческих останков. Однако зелена живёт и передаётся из поколения в поколение. И в неё верят — слишком страшное было то время.

Учились всегда приходится

Учился Анатолий поехал в деревню Кулеево, что в тридцати километрах от Нелтки по Тыму — там была начальная школа и интернат народов Севера. Семилетку закончил в Напасе, а затем «явинул» в Томское ФЗО учиться на машиниста-судоводителя. В Томске же начался его рабочая биография — устроился машинистом на катер.

Тут подошло время армейской службы. Он попал на Сахалин, в пограничную школу. Перед год малдший сержант-радист Нагин был отправлен на Курилы. Когда в 1956 году Н. С. Хрущёв сократил армию на 1 млн. 200 тысяч военнослужащих, Анатолий попал под это сокращение и вернулся в родные края, к прежней работе.

Приехав к родителям в Нелтку, познакомился с кинемехаником Константином Романовым и с его лёгкой руки устроился мотористом киноперелвижки. Знание радиодела очень пригодилось ему здесь, да и Романов охотно делился с ним всем, что узнал сам в Новосибирской школе кинемехаников — кузнице кадров киносети Западной и Восточной Сибири, Забайкалья и Приморья, Чукотки и Камчатки, Сахалина.

подбирал их, обрубал, чтобы длина оказывалась не более 30 сантиметров. К чану лапку таскали на себе.

С началом войны 18-летняя Саша стала дояркой. Девушка была просто загляденье — высокая, статная, красивая, хохотушка и плясунья. Не один парень терял покой, добиваясь её внимания. Но она ждала свою судьбу, которая «не бывает ошибкою».

И дождалась. Увидела Василия Дударева, и сердце затрепетало: «Это он». И Василий сразу выделил среди девчат эту черноглазую бойкую дивчину. В 47-м сыграли свадьбу, и в октябре этого же года выехали в Вертикос на работу в леспромхоз. До рождения ребёнка Саша работала вальщиком леса. А потом на лесоучасток Новосёлово срочно понадобился пекарь, и молодая семья решила переехать туда.

Незаметно прошли три года. Александра научилась выпекать такой хлеб, за который её благодарил весь посёлок. Начальник ОРСа, зная о высоком качестве хлеба, выпекаемого Дударевой, перевёл её на крупный лесоучасток Усть-Старица. А ещё через три года ей предложили принять магазин.

Шло время. В семье Дударевых подрастали пятеро детей. Родителям очень хотелось, чтобы они получили хорошее образование. Для этого в первую очередь нужна была хорошая школа. И они решились на новый переезд. Теперь уже в райцентр. Вот так в 1962 году Дударевы оказались в Каргаске. Александра устроилась продавцом в Рыбкооперацию, а Василий — в ЛПК.

И тут они поняли, что жизнь начинает налаживаться: появились деньги, которых хватало и на обновки ребятишкам, и на

этим делом, может решить, что оно лёгкое. А вот мне кажется, что вальщикам леса приходилось полегче, потому что сучкоруб не только очищает сваленное дерево от сучьев, но собирает потом их в кучи и сжигает. В те времена это было непреложным правилом. Потом уже разрешили оставлять сучки в кучах гнить. Ничего хорошего из этого, естественно, не получилось. Когда в ход пошли машины ЛП, началось нечто невообразимое: лес выбран, подрост весь переломан и пиками торчит в разные стороны. Тут недалеко и до травм.

Работать — так на совесть

Анатолий снова сел за книги и конспекты: осваивал новую профессию — тракториста. Вскоре получил новый челюстной погрузчик, оператором которого проработал 12 лет. Трудился, как и привык, на совесть, успевал больше всех за смену отгрузить леса: при годовом плане 42 тысячи кубометров отгружал до 55 тысяч. Именно он стал инициатором бригадного метода отгрузки.

По итогам работы за 9-ю пятилетку Анатолий Васильевич был награждён орденом Ленина.

Но ограничиваться одной физической работой было не в характере Анатолия Васильевича. Человек очень общительный, активный, он был постоянным членом цехового комитета профсоюза, политинформатором, депутатом сельского совета, а два созыва — депутатом облсовета. Полученные от избирателей наказы, как правило, выполнял. Взять хотя бы наказ о постройке аэропорта в Неготке, который действует и сейчас: дважды в неделю самолёты доставляют и увозят пассажиров, почту, грузы.

Отдалённость от базы, чувство ответственности приучили его самого и его сменщика, обслуживающие их экипажи лесовозов бережно относиться к вверенной технике. Потому и добивалась бригада самого высокого коэффициента использования техники по лесопромышленному комбинату.

Любил Анатолий Васильевич хорошо поработать, но также любил и хорошо, интересно отдохнуть, восстановить силы.

Потом Анатолию довелось поработать с Александром Пришвеевым, где он тоже почерпнул немало ценных знаний и практического опыта. И тут киномеханик Иван Фокин пригласил его к себе на кинопередвижку, маршрут которой охватывал сёла Томаурово, Кулеево и Неготку. Это было как раз то, что надо: Анатолий получал прекрасную возможность часто бывать дома и помогать родителям по хозяйству.

Встреча с судьбой

В родном селе он встретил и свою судьбу — замечательную девушку Валю Минину. Анатолий знал и помнил её отца, который славился в деревне как швец и жнец, и на дуде игрец. Официально считался пекарем, но был и кузнецом, и печи клал, и... фокусы показывал. Только умер рано.

В 59-м Анатолий и Валентина сыграли свадьбу, и молодая жена потребовала, чтобы муж бросил работу на передвижке, связанную с постоянными отлучками и разлукой. Конечно, он уступил, и устроился в Томаурово сучкорубом. Кто не знаком с

радиоприёмник, потому что дети очень просили музыку, и на бытовые приборы...

Дети выростали. Закончив школу, поступали в институты, потом обзаводились собственными семьями. Да и на работе всё налаживалось. Дружно отмечали праздники, выезжали всем коллективом на природу. А там — музыка, спортивные игры, купание...

Александра Павловна стала отличником потребительской кооперации, получила звание «Лучший заведующий магазином». А уж о грамотах и премиях и говорить не стоит — их у неё было более чем достаточно. Особо ценит она медали «За победу над Германией», в честь 50-летия и 60-летия Победы, «Ветеран труда».

На пенсию она ушла в 1983 году. Но в четырёх стенах не сидит: активно сотрудничает с советом ветеранов, посещает почти все районные мероприятия, бывала на губернаторском приёме в Томске. И хотя ей идёт 83-й год, душою она молода, а о прошлом говорит так, что её слова ассоциируются со строками поэта:

«Светло я вижу через годы,
И грусть, и годы затая...».

2007 г.

Отвечал за безопасность полётов, приём в его ведении был не только аэропорт Кара-ска, но и все аэродромы в посёлках района. Он первым летел на отрывающуюся аэродромную площадку и после тщательного осмотра принимал решение: открыть площадку после устранения всех его замечаний или нет.

Вот когда он полностью осознал высказывание, что если бы мы были бессмертными, мы бы не поняли цену жизни. И массажиры, и чьёны экипажей самолётов должны быть благодарны ему за его принципиальность при приёме аэропортплощадок. Вот что рассказывал начальник площадки в Усть-Чижапке:

— Когда один из ретивых местных начальников начал давать советы и указания во время приёма площадки Бахарева, тот отвечал: «Вы не говорите, что мне нужно делать, и я не буду говорить, куда вам идти».

...Пришло время перестройки. Произошёл переворот, и страна стала совсем другой. Как снег на голову, обрушился капитализм, названный почему-то «капитализмом с человеческим лицом». Интересно, чье лицо имел в виду автор сего афоризма.

Николая зачислили в авиационную часть. На аэродроме они обслуживали стратегические бомбардировщики. Карибский кризис заставил сжиматься сердца — думали, война неизбежна. Лётчиков не отпускали домой, и они спали прямо в самолётах. Всем досаждали плачущие жёны пилотов, требующие свидания с мужьями, чтобы попрощаться. Но всё закончилось благополучно, и Николай уже без больших переживаний заканчивал службу. Захотелось посмотреть страну, и поэтому решил послать документы в Краснокрский пединститут. Проехал Урал, Западную Сибирь. Из окна поезда многого не увидишь, но потрясло воображение время и пространство.

К своему удивлению, экзамены сдал хорошо, и был зачислен в институт. Решил полностью себя обеспечивать сам, и поэтому сразу же поступил кочегаром — отапливал общежитие, в котором жил. Знание сантехники очень пригодилось. После окончания первого курса на всё лето ушёл с геологами. Хорошо заработал, приоделся, и на зарплата стал ходить в приличной одежде.

Учитель — сеятель добра

Последние два года пирабатывал электрикам в ПУМе, и вот институт окончен.

«Как быстротечно наше время,
Где в мир, открытый всем ветрам,
Вливают молодое племя
Учитель — сеятель добра!»

Его направили в Бирюлёвский район. Год проработал учителем, и был назначен директором школы. А через два года он — уже завёдующий РОНО этого района. Через три года, в 73-м, в Краснокрске состоялось большое совещание, на котором было много завёдующих РОНО всех областей Сибири. Познакомился с завРОНО Томской области Верхнекетского района, который рассказал о льготах для северян. Николай Жовлевич с по-

Жизнь, достойная подражания

Орден Ленина был учреждён 6 апреля 1930 года. А к 70-летию этой даты я выступил в нашей «районке» с предложением создать в музее галерею кавалеров этой высшей награды Родины и перечислил тех, кто был награждён орденом Ленина в нашем районе. Это были лесники, нефтегазоразведчики, труженики других отраслей народного хозяйства. Но оказалось, что создать такую галерею весьма сложно — уж слишком велик по размерам наш район — 87 тысяч квадратных километров. Орденоносцы живут во многих посёлках района, и не каждого можно представить лично. Мне удалось встретиться с одним из них, жителем Неготки, человеком, жизнь которого прошла на Тымской земле.

Жестокая реальность

Он родился в Кривошеинском районе, в посёлке Новокузнечном, но спустя год семья переехала в Напас.

Шёл 35 год, и «новых» людей как по Тыму, так и по Васюгану прибывало великое множество. Семья Нагиных несколько раз переезжала с места на место по Тыму, пока наконец не обосновалась в посёлке Неготка. Там был рыболовецкий колхоз и небольшая животноводческая ферма.

Располагавшийся здесь ранее Сиблаг был к тому времени уже ликвидирован. Ходили страшные слухи, что людей не вывезли,

после окончания четырёх классов пошёл работать и Григорий, хотя ему только-только исполнилось десять лет. По сути, ребёнок, но спрос был как со взрослого.

Вместе с другими такими же ребятами или чуть постарше пилил тёс, доски, грузил их в вагоны. Мальчишкой он был рослым, выносливым, и через некоторое время его определили в возчики. Сначала тягловой силой был у него бык, потом дали лошадку.

Так прошли четыре года, а в 44-м он начал работать на деревообрабатывающем заводе — пилил тарные дощечки для изготовления ящиков под снаряды. То есть выполнял военный заказ, причём серьёзный — изготовляемые ящики предназначались для снарядов реактивной артиллерии, иначе «катюш».

После окончания войны Григорий перешёл на шпалопропиточный завод. Сначала был слесарем, потом сцепщиком вагонов. Жизнь в стране постепенно налаживалась, входила в мирную колею, у рабочих появилось время для отдыха. Григорий постарался использовать его, чтобы получить специальность — начал учиться на курсах трактористов.

Вернувшегося с фронта отца вновь властно потянула к себе земля, и семья переехала в деревню Токаревку. Туда же в марте 1947 года приехал и Григорий.

Дали ему колёсный трактор «ХТЗ» (детище Харьковского тракторного завода), которым Григорий очень гордился, — это на таких тракторах строили социализм в деревнях, и, как показала жизнь, лучшего агитатора за коллективизацию не было.

Девушки парней-трактористов выделяли из всей деревенской молодёжи. Изменив «Петрушу» на «Гришаню», они распевали: «Прокати нас, Гришаня, на тракторе, за околицу нас прокати».

Ну а сам Григорий как-то сразу выделил среди девчат весёлую, озорную Наташу Галкину. Высокая сероглазая шатенка буквально на глазах из «гадкого утёнка» превращалась в «прекрасную лебёдушку». Этот чудный образ далёкой юности Григорий пронёс через всю жизнь.

В 50-м они поженились, через год появился первенец — доченька Люсенька. Потом родились ещё дети. Трёх дочерей и троих сыновей вырастили Бахаревы. Давно уже обзавелись своими семьями не только дети, но и дети детей. Сейчас у Бахаревых 14 внуков и 10 правнуков.

Однако вернёмся в прошлое, в те дни, когда Григорий чувствовал себя чуть ли не на седьмом небе: он счастливый отец и один из лучших трактористов в колхозе. Так бы и продолжалось, если бы не изменил его судьбу военкомат, направив в ФЗО учиться на плотника. Окончив училище, Григорий стал работать в Белозерском леспромхозе. Только не плотником, а опять-таки трактористом, получив «С-80» — газогенераторный агрегат, работающий на чурочках.

За 20 лет пришлось ему освоить немало тракторов всевозможных типов и марок. Но главное, что и учёбу не забывал: окончил вечернюю среднюю школу, а позднее и школу мастеров-строителей.

Может, так и прошла бы вся его жизнь на земле малой родины, если бы не новый зигзаг судьбы. Дело в том, что тётя, сестра матери, живущая в Каргаске, почти в каждом письме приглашала в гости, расхваливая тамошние места. И вот в 1973 Григорий наконец выкроил время и отправился в Каргасок, где «Обь-река широка и глубока».

Ехал, как думал, погостить, а оказалось, что навсегда. Уж так понравилась ему Каргасокская земля, а особенно величавая, мощная Обь: вышел он на её берег — и понял в восторге от уви-

сжёг стихи потому, что болячки замучили и годы уже не те, не для стихов. Прямо как у Регистана:

«Не моя вина, что годы
Завели какой-то счёт...
Я — материя природы,
Вечен в ней круговорот».

Но он же сказал:

«Я не смерти боюсь,
Я боюсь — не успею
Настоящую песню сложить!».

Так хочется, чтобы Николай Яковлевич восстановил хотя бы часть тех стихов, которые дымом ушли в Кетскую тайгу.

2004 г.

лучением вязова сразу же поехал в Бельий Яр. Его направили директором средней школы посёлка Ягодное. Конечно, зарплата удовлетворять, но всё же было недостаточно, чтобы жить прилично, как хотелось. Его новые друзья работали в ЛПК. Специалисты на технике получали в 2—3 раза больше, чем директор.

Не моя вина, что годы завели какой-то счёт

И вот через 4 года директорства Николай Яковлевич заканчивает курсы крановщиков и уходит в ЛПК. Сразу пошли заработки до 1000 и более рублей в отдельные месяцы. Лёнет хватало теперь на всё, и стал помогать родным. Одно плохо — при работе любовое и заднее окна кабины открывал, и получались сквозняки, которых так боялся оправнам Николая Яковлевича и никак не мог к ним привыкнуть. Тогда он решает ехать на летнесезонные курсы машинистов тепловозов, которые были в городе Шарье Костромской области. Во время учёбы познакомился с девушкой-крановщицей, в которую сразу же влюбился, а вскоре сделал предложение и получил согласие выйти за него замуж. В Ягодное вернулись вдвоём. Жену приняли крановщицей, а он стал машинистом механизированного нижнего склада.

Жена родила сына и дочь. Николай Яковлевич, помня, в каких условиях он рос, постарался, чтобы дети ни в чём не нуждались, но строго выполняли отцовскую волю. Они получили образование и работают, дочь в Томске, а сын с ними. В 95-м Николай Яковлевич ушёл на заслуженный отдых, он уверен, что всё в мире творится не нашим умом, а Божьим судом. Он приводит такую пословицу: «Божеское не от человека, а человек от Бога».

Николай Яковлевич пишет прекрасные стихи. Но однажды все тетради бросил в печь, а зря! Когда мы с ним прогуливались по ботаническому саду около Степановки, он вдруг начал их читать. Я забыл про мороз и сгробистые дорожки. Такие стихи нужны людям. Он так воспел наш суровый северный край! А

ленного, как рождаются стихи у поэтов. В голове сами собой всплыли прочитанные когда-то строки:

«Пусть эта глубь безлонная,
Пусть эта даль туманная
Сегодня нитью тонкою
Связала нас сама».

Вот так поселились Бахаревы на нашей северной земле.

Человек затянувшейся молодости

Работать Григорий устроился в СУ-4. Получил квартиру и переёз семью. В строительном производстве двенадцать лет, а затем три года — в «Спецавтотрое».

Надо сказать, что Григорий Фекстистович давно мечтал поработать в авиации, поносить красивую форму, в какой щеголяли работники аэропорта. И вот в 1985 году такой случай представился — он был принят мастером аэродромной службы.

ребятишек, сидящих на глиняном полу около ямки, куда стекала вода, сказал: «Анштеген!» (жечь) — и ушёл. Затем второй солдат — и тоже ушёл. Видимо, стало жалко ребятишек оставлять без крыши над головой. Вся деревня уже горела. Наконец заскочил офицер и всех выгнал, а затем сунул факел под соломенную стреху. Дом сгорел за полчаса, остались в деревне одни печи с торчащими трубами.

В деревню вошли советские части. Ребятишки крутились возле походных кухонь. Солдат крикнул: «Тащите, ребятня, посуду, дадим каши солдатской!». С тех пор Коля помнит, как впервые наелся до отвала. И ещё радостное событие — один солдат, видя, как Коля не спускает глаз с сапёрной лопатки, подарил ему её, ласково погладив мальчишку по вихрам. Как она пригодилась в огородных работах и при строительстве! Родители, да и все жители, складывали дома из камня и оштукатуривали с обеих сторон, ведь впереди зима.

Школа и жизнь

В 47-м Коля пошёл в школу. Начальную школу закончил дома, а в семилетнюю ходил за 5 километров в соседнее село. Родители, и сам Николай, захотели получить среднее образование, а до средней школы было уже 10 километров, и домой приходилось прибегать не каждый день. Родители внушали, что знания приобретёшь — не пропадёшь. И что если не выучит школа — выучит нужда. А уж это Николай знал не понаслышке, и поэтому учился очень хорошо.

По окончании средней школы поехал в Мценск и поступил в ФЗО, чтобы побыстрее получить специальность и помогать семье вылезти из нужды.

Вся страна — огромная строительная площадка! Николая, молодого слесаря-сантехника, направили отрабатывать в Кострому. Строили хлебозавод. Через два года, в 60 году, Николая призвали в армию, уже опытного человека. Недаром пословица гласит: «Один добытый опыт важнее семи мудрых поучений».

Может, своё собственное? Ничего, кроме разрухи и бед, новый строй не принёс.

Аэропорт как предприятие рухнул. Случающиеся самолёты лишь развозят пассажиров по тем точкам, куда, как поётся в песне, «только самолётом можно долететь». При этом цены на билеты большинству населения не по карману. Все аэродромные служащие превратились в безработных, равно как и лётчики.

Чтобы как-то поддержать, хотя бы морально, людей, была создана ветеранская организация, в которую на первых порах входили 102 человека. Председателем избрали Бахарева.

Это была одна из крупнейших в районе первичек ветеранского движения, и Григория Феоктистовича, как её председателя, избрали в президиум областного совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов.

Как я уже говорил в начале, Григорий Феоктистович — человек очень активной жизненной позиции, не мыслящий себя вне дел, на обочине жизни. Он с удовольствием общается со школьниками, с молодёжными организациями, участвует в различных общественных мероприятиях, проводимых как советом ветеранов, так и руководителями районной администрации.

А закончить своё повествование об этом замечательном человеке я хочу словами из поздравления Президента РФ В. В. Путина, адресованного Г. Ф. Бахареву: «Ваша вера и сила духа навсегда останутся высшим мерилом патриотизма, нравственности, верности долгу».

2008 г.

и двинулась по направлению к банку. Лоли обезумели, каждый хотел заполучить заветный билетик.

В то время фильмы в особой рекламе не нуждались, и ленег на рекламу всегда планировался миздрный проект от выручки, что в дальнейшем весьма отрицательно сказывалось на работе кино. А затраты на рекламу, скажем, в США от 20 и более процентов от выручки за кинофильм вызывали насмешки у нашего руководства. Когда появилось телевидение, а затем видео, дошло до всех, какая совершена ошибка. Уже с первых дней работы кинотеатра «Факсель», начиная с 1970 года, пришлось нарушать расходы на рекламу, прикидывая и внедряя новые методы работы. Тяжело пришлось и Тамаре Фёдоровне, ведь теперь зритель не побежит сам выпрашивать проходной билетик, при-

Алексея, ввиду его ответственности за порученное дело, за его старательность, обязательность, назначили постоянным бригадиром.

Иван Афанасьевич Грачёва до сих пор Алексей считает крёстным отцом. Вот его бригада на Кимжаре готовит зашитный навес — устанавливают столбы по берегу с просверленными дырами, чтобы весной поставить шпи, предупреждающие сплавленному лесу расшибаться по лише во время сплава. Поставленные на совесть много лет назад, они до сих пор стоят на берегах Кимжара.

Раньше за простой баржи платили солидные штрафы. Этого с его бригадой не случалось. Вот тянут лес бригада в Киндале. За этим лесом должен зайти буксир. Вечером все лесли спать, а Алексей побежал к краду, забрался на стрелу и высматривал кадаван, чтобы вовремя поднять бригаду на работу и не допустить ни минуты простоя. Бригада работала так, что баржу в 1700 тонн тянули за смену, а если лес хороший, то и быстрее.

Всегда белом. Белом от дерева к дереву при валке леса, белом на работу. Женился по любви. Увидел немецкую девушку и обалдел.

«В вальце заскользил роман по душам».

Пришёл сватать, и поправился немецкой семье. Зажили хорошо. Жена, Эмма Августовна, родила ему 13 детей! Теперь и с работы белом домой, чтобы успеть много что сделать. Семьи большая. Приходилось держать большое приусадебное хозяйство. Только лошадиных кодов было постоянно три.

Работа кипела, выросли 6 парней и 7 девушек. Случилось несчастье — сын Юрий погиб в Афганистане. На стеле в парке Победы выбито его имя. Вечная память ему и его сверстникам, погибшим в этой не нужной народу войне. Как писала поэтесса Галина Сиповалова, у которой сын был в Афгане,

«И вот тогда горечь потерь
Вливает в сердце твоё горький...».

Прежде молоды были мы

Тамара Фёдоровна Баранова после окончания восьми классов средней школы пошла работать в «Заготживсырьё» приёмщиком кожи и шерсти, а в 1953 пошла кассиром в РДК. На молодую, смышлёную девушку «навешали» много обязанностей: приём денег от киномехаников района, выдачу кинобилетов на все киноустановки и продажу билетов в РДК на киносеансы, а также сдачу выручки от кино в банк, отчётность. Крутилась как белка в колесе, а платили за всё про всё 180 рублей в месяц. Конечно, в те годы многие товары, и особенно продукты были гораздо дешевле. И для скромной жизни вполне хватало. Хотя, как сказал поэт И.Фоняков,

«Прежде рыба крупней была,
Прежде речка резвей текла,
Прежде песня была звончей,
Прежде парни были ловчей...
...Прежде ружья были точней,
Прежде дружба была прочней,
Прежде были теплее пимы,
Прежде молоды были мы!».

Всё же главное — молодость, а значит, меньше было боязни. А потом было с чем сравнить — у всех на памяти пережитые годы войны и тяготы.

Тамару Фёдоровну я увидел в первый раз, когда объединили районы и мы впервые приехали из Нового Василовичи на совещание в райцентр. Меня поразили её прекрасные глаза, которые так похожи были на глаза одной из самых популярных актрис немого кино Веры Васильевны Холодной, которая играла главным образом в сатирических драмах и мелодрамах, создавая обаятельные лирические образы красивой, печальной женщины, обманутой или покинутой. Жаль, что она прожила всего 25 лет. Я спросил у киномеханика, что это за девушка. Ответил, что у этой девушки уже двое детей, и с мужем хорошо живут. Конечно, с возрастом эта сохожесть со звездой экрана исчезла, но Тамара Фёдоровна осталась обаятельной женщиной и в 65 лет.

Зрители хорошо помнят, как штурмовали кассу, чтобы пройти в зал и хотя бы стоя просмотреть новую картину. Условия работы в РДК были ужасные. Отвели место под лестницей, не повернуться, а денег натопывала много. Зачастую закрывала балетку с деньгами при помощи колена. Были и эксцессы. Однажды, натоптовав денег полный чемоданчик, едва закрыв его, поесела деньги в сейф, который стоял в бухгалтерии, которая располагалась во дворе РДК около банка. Подвергалась нападению. Какой-то верзила потащил за ними (Тамара Фёдорова была с помощницей Верой Чайкиной). Чайкина побежала в киноаппаратную за помощью, а Тамара Фёдорова уже приготовилась к смерти. В роговое было только одно: маленький Саша останется без матери. Но тут подоспела помощь — прибежали киномеханики, и со стороны милиции подошёл Павел Шкарин... Был и такой курьёз: лето, под лестницей жарко, и на тёплое время сделали будочку на крытые. Но, поскольку в зале РДК было мест недостаточно, то осталось без билетов более ста человек. Когда решили продать входные билеты, лестка два-три, все рванулись к будочке, которая приподнималась

По праву памяти живой

Зрение сердца

Мне не верилось, что человек может помнить почти всё с трёх лет. Хорошо помню себя и своих друзей, что начали осознавать, вернее, многое помнить, когда исполнилось 5 лет. Но вот общаясь с некоторыми пожилыми людьми, убедился, что они рассказывают события, которые происходили с ними, когда им было по 2-3 года. Неужели всякие испытания и беды так откладываются в памяти? Тогда как права Юлия Друнина, высказав в своём стихотворении:

«Стало зрение сердца острее,
Если сердце прошло через ад...».

Много испытаний и бед произошло с семьёй Панкратовых, которые жили в деревне Дубровке Орловской области. Немцы к ним пришли в августе 41-го года. Коле было два с половиной года, а в памяти отложился приход немцев. Они выгнали всю семью из хатёнки, крытой соломой, и с земляным полом. Хорошо, в огороде стояла скирда сена, и дети вместе с родителями нарыли в ней норы, и так жили. На шесть ртов трудно было заготовить продуктов, и Коле на всю жизнь запомнилось ощущение голода. В отдельные дни наедался так, что «пузо трещало», а есть всё равно хотелось. В их хате немцы установили передвижную электростанцию, и отцу пришлось приспособить на зиму под жильё погреб. В этом тёмном, тесном погребе семья в шесть душ прожила два года. В 43-м после сильного сражения немцы ушли, и семья перешла в хату. Но, оказалось, ненадолго. Последние отступающие немцы стали поджигать дома. Пришёл в их хатёнку немецкий солдат, посмотрел на кучу грязных

Этот «гвоздь» до сих пор, и, видно, навсегда, беспокоит сердце и душу родителей.

Труд Александрина многократно поощрялся. Имелся пять правительственных наград, в том числе орден Ленина и «Знак Почёта».

Жить сейчас непросто. Но ветеран леса верит, что наступят времена, и молодые парни вновь потребуются славному участку, снова начнут делать хлыстовые сплотки, бить «бочки», и только поощряются добрые советы и наставления ветеранов, которые помогут побыстрее освоить забытые дела.

И сейчас Алексей Александрович ещё болеет, а не ходит. Пойдёт за хлебом, задумается, и... прибрежет! Недаром говорят, что привычка — вторая натура. Не может усидеть без дела ветеран. Побежит на лесопилку — хотя бы торбылков отобрать с лесоток на дрова. Жена ворчит: «Зачем тебе это? И так дров хватит на три года, поспи, ведь операцию сделали на глазе, поберечься бы надо!».

Но куда там. Больше дела — меньше слов. В этом весь Алексей Александрович.

Пора бы лыже не вернуть, поётся, но лето в осени он ищет. Завершить своё повествование хочется словами Галины Сиповой:

«Какой закалки было поколение...».

2002 г.

Какой закалки было поколение

Алексей Андрианович Перемитин, много лет проработавший в лесной промышленности и награждённый высшей наградой Родины, совсем не лесной богатырь. Среднего роста, сухощав, моложав, в волосах нет седины. Про него не скажешь: «Гуляет осень жёлтым листопадом...». Т. е. внешность Алексея Андриановича отвечает его внутреннему содержанию, молодости его души.

Родился он в большой семье в посёлке Большое Нестерово Парабельского района. Уже в 9 лет Алёшу отец постоянно брал с собой на работу. Он подсвечивал отцу керосиновым фонарём при раздаче кормов на колхозной ферме.

В школе учился всего два года. В 13 лет — он уже равноправный колхозник. Исполнилось 19 лет, и был призван в армию. Отслужив три года, Алексей не вернулся в колхоз, который хотя и назывался «Свободный путь», но свободы там не просматривалось. Алексей уехал в Староюгино, где его приветливо встретил мастер участка ЛПХ Грачёв Иван Афанасьевич. Ему сразу понравился парень в армейской робе, и он сходу назначил его бригадиром молодёжной бригады из 12 человек.

Бригаду отправили на лесоучасток Кулетка. Год они готовили лес, а затем перевели их на сплотку. Зимой сплачивали лес, а летом его сплавляли от Волчьего бугра до Усть-Васюгана. Сплавляли и по Киндалу.

шлось идти агитировать его на просмотр картины, приглашать и заинтересовывать. Тамара Фёдоровна ходила по предприятиям с распространением билетов, в больших организациях действовали общественные кассиры, организовывался актив. Стали более широко применять в рекламе фильмов кинопанорамы, кинолектории, обзоры в газете, проведение кинопремьер, на которые по возможности приглашали киноартистов и кинорежиссёров. Только в нашем районе побывали Валентин Зубков, Михаил Кузнецов, Георгий Юматов, Алла Ларионова, Николай Рыбников, Михаил Кононов, Дмитрий Золотухин, Маргарита Володина, Станислав Чекан, Раиса Рязанова, Вадим Андреев и много других заслуженных работников культуры и искусства. Благодаря такой работе Каргасокская киносеть вплоть до её расформирования в 1991 году была одной из лучших в области, да и в стране в целом. Коллектив киносети сложился, и с такими людьми, как киномеханики В. С. Вековцов, П. В. Мягких, А. Д. Бурдовицын, А. Ф. Иващенко, Ю. А. Кочкин, С. А. Стариков, Т. К. Бадичева, П. Ю. Бобров, супруги К. В. и А. Ф. Романовы, и многие другие, и, конечно же, кассиры киноустановок Т. Ф. Баранова, Е. В. Вековцова, Л. Е. Козулина, Е. А. Парфенович — с такими работниками, как говорится, можно было горы свернуть. Советами и делом помогали ветераны кино: супруги Романовы, Г. В. Терещенко, А. У. Скоропупов, Е. И. Пилипенко и другие.

Тамара Фёдоровна всегда интересовалась состоянием дел в кинематографии, и очень жалела, что кинотеатр закрыли и сделали из него спортивный комплекс. Всегда у неё была надежда на возрождение кино. Но нелепая смерть вырвала её из жизни — гнойный аппендицит, и несвоевременная операция не помогла. Но в памяти каргасокцев, особенно людей старшего поколения, слово «кино» ассоциируется с именем Тамары Фёдоровны.

1998 г.

участвовать во всех спектаклях, которые ставились на каргасокской сцене. Ездили с художественной самодеятельностью по деревням, у Ивана хороший тенор, и жители любили романсы в его исполнении. Много читал, памятуя пословицу: «Кто много читает, тот много знает». Конечно, знания на лично не давят, и Иван Трифонович решает поступить в педагогический институт. В 1960 году его перевели преподавать литературу и русский язык. Тяжелого в возрасте учиться, недаром народ говорит, что учение в детстве — как резьба на камне, а взрослый человек то же самое преодолевает с трудом. 3 курса института закончил Иван Трифонович, и вдруг болезнь — остеохондроз. Боль, да такая острая, уложила в постель, а затем и в больницу. До сих пор недоумевает, зачем положили в больницу, если диагноз никто к нему кроме сестры не подходил. Боли не давали уснуть. Наконец пришёл врач, сказал, что сейчас поставит уколы в позвоночник, боли прекратятся. И правда, после уколов боли прекратились, и сразу уснул. Проспал больше суток. Просыпался, хотел встать, но левая нога отнялась. Сколько ни бились врачи, никоторко оценение не прошло, и до сих пор Иван Трифонович ходит хотя без палки, но до колена нога «чужая». Но не сдался снайпер. Преодолел себя, и снова вышел в школу, как говорится: учить — учить. Перешёл в вечернюю школу.

Контингент учащихся был посложнее, но в классе был порядок. Некоторым приходилось буквально вдалбливать в голову знания, как говорится, если зайцу ломто по голове стучать, он научится спички зажигать. В 1984 Иван Трифонович уходит на пенсию по возрасту. Он уже взрослый, сам стал работать, а вот дочери ещё нужно помогать, а с одной пенсии туговато и учить, и одевать. Пошёл работать художником в кинотеатр. Обзавёлся альбомом шрифтов, используя эпиласкон, освоил и эту профессию. Много, любого, знай не лениться, а чего не знаешь — учись. Не считал Иван Трифонович для себя зазорным учиться, и всё получилось.

Обманне детства

На пробной пушалке детского сада №34 играла группа воспитанников Л. М. Никешкиной. Дети приближались от холодного ветра к Лидии Михайловне прямо как цыплята к своей маме.

Лидия Михайловна говорит:

— Давайте, дети, поговорим. Какое сейчас время года?

Дружно ответили:

— Осень!

— А как определить?

Ребята назвали приметы осени: холодный ветер, мутное небо, пожелтевшие листва на деревьях, а на многих уже опали, о появлении льда в бочках, пруды утегели, о пролёте снега, и другое.

Оделается теплее:

— А теперь потреемся. В какую игру поиграем?

— Карусель! — и, взявшись за руки, пошли по кругу, напевая, приговаривая, что медленно-медленно карусель раскручивается, а затем всё быстрее. Круг разлетался, образовывалась куча мала. Возня, визг, смех. Разогревшись, стали играть в гусилебеди.

Стоим, разговариваем, но дети ни на минуту не остаются без присмотра. Лидия Михайловна между делом успевает одному завязать шнурки, другому застегнуть пуговицы, поправить шарфик, шапочку. Как сказывается опыт многих лет общения с детьми. Все как-то получается само собой. Вот подсказала слова в игре, вот пожурила мальчика, что стоит и не участвует в игре.

Я вдруг понял, почему так любила её моя внучка, Рита, теперь первоклассница. Лидия Михайловна сама их, этих цыплят,

Добро сеять — добро пожинать

Впервые Ивана Волкова я увидел на сцене РДК в 60-е годы. Шёл спектакль про С. Лазо, роль которого играл Волков. Шла сцена допроса Лазо генералом (Погорелов), мне понравился актёр, его перевоплощение в Лазо. Я расспросил ребят — кто его знает, что за человек. Узнал, что это учитель из школы № 1, раньше служил в армии, офицер. А затем судьба свела совсем близко, когда Иван Трифонович оформился на пенсию, ушёл из школы и пришёл в кинотеатр работать художником. Хотя и работал он в школе учителем рисования, реклама — это несколько другое. Но навыки рисования позволили Волкову быстро овладеть профессией художника-шрифтовика. Познакомились поближе.

Детство

Ваня родился в посёлке Шедолга 6 октября 1929 года. Родители его переехали из Колпашево, ещё во время гражданской войны. Вначале отец приезжал один, подзаработать на плотницких и столярных работах. Посмотрел, и понравилось ему такое приволье. Такая богатая рыбалка и охота, такие луга. Да и местным жителям очень по сердцу пришёлся этот мастеровой прилежный мужик. Переехали, купили лошадь, корову, построили дом. Быстро росло семейство. И он был уже седьмым ребёнком в семье. Помогала матери старшая дочь Рена, родившаяся ещё в 1916 году. Отец был в беспрерывных разъездах, и мать одна, а с детьми возилась и с хозяйством управлялась Рена. Мама одна, без отца, ставила сено лошади и корове — 8 стогов.

В посёлке Шедолга построили школу, и Ваня пошёл в первый класс — на 10 году жизни. Учился только на «отлично». На Новый год дарили подарки, и ученики давали слово учиться хорошо. Ваня тоже произнёс «речь»: Я учился на «отлично», а теперь буду учиться ещё лучше. В деревне появился патефон. Всей деревней сбегались и слушали пластинки. До сих пор в ушах звучит песня: «Загудели, запрыгали пороша, мы такого не видали никогда». Семья переехала в Казалыево. Началась война. Старшие брата ушли на фронт. Ваня, закончив 4 класса, пошёл в рыбаки. Проработал год, и его забрала к себе сестра Рена, что работала в стародарасской семилетней школе уборщицей, а осенью отвела его в 1-ю школу. Он сразу познакомился в классе с Борисом Крафтом. Дружба эта прошла через всю жизнь.

В 9 классе Иван написал стихотворение, посвящённое Отеру Кошевому. Прочитал в классе, всем понравилось. Пришёл завклубом РОНО Кузнецов, прослушал, похвалил, а затем вызвал Ивану премию — 35 рублей. Активно стал участвовать в художественной самодеятельности. Оценивали к нему подошёл Л. Г. Пороцеев, похвалили за перевоплощение на сцене, и позвал в народный театр. С радостью согласился. В 1949 Иван закончивает среднюю школу, и его вызывают в военкомат. И сказали: «Поедешь в военно-нехотное училище города Томска», туда же звал его и друг Б. Крафт. Хотя планы были другие, Иван поехал в Томск.

Взрослая жизнь

Получивши 3 года в училище, Ивану присваивают звание лейтенанта и отправляют в Германию. 3 года в Вейнаре, и приходит весть о сокращении вооружённых сил на 1 миллион 200 тысяч. Иван попал под сокращение, в Новосибирске предлагали место сторожа, но решил — домой! Соскучился по родным местам, охоте, рыбалке.

В Каратске встретили его доброжелательно, а в РОНО направили его военруком в школу №1, там же он стал преподавать рисование. Вот где оказалась верна поговорка «Учи пока зом, а не расскажом». В школе нравилось работать. С головой окунулся в общественную жизнь, снова с удовольствием стал

что наши детские, а затем и взрослые переживания откладываются в памяти, в подсознании и влияют на всю последующую жизнь.

Вот почему Лидия Михайловна так ровна с детьми, так доброжелательна, готова каждую минуту прийти на помощь этим человечкам.

любит, а детские глаза всё подмечают, и равнодушные глаза дети сразу уследят и больше не станут «приставать» со своими болячками.

Лидия Михайловна пришла в сад им. Кирова и проработала там свыше 30 лет. Родители всех возрастов, к которым я обращался, — и те, которые приводили своих детей, и те, которые уже выросли, и появились свои дети и сами стали приводить своих детей, всегда хотели, чтобы их чада попадали к Лидии Михайловне. Её высокий профессионализм, её доброжелательность всегда располагали к себе родителей и приводили детей.

Никогда Лидия Михайловна не оставляет без внимания любого ребёнка. Пусть это будет тихоня или задирка, не имеет значения, из какой семьи, ко всем детям ровна в обращении, ко всем внимательна.

Творческая натура, Лидия Михайловна проводит свои занятия, игры, развлечения всегда с выдумкой, развивает фантазию, заставляет детей нестандартно мыслить.

Сколько раз удивляла выдумка нас после проведённых занятий в садике. Сидет рисовать или лепить из пластилина и говорит: «Не трудно сделать, трудно выдумать», или «Не подумавши, ничего не начинай», и что-то ещё в этом роде. Спросишь, кто так говорит, — «Лидия Михайловна».

Очень много получают дети на уроках труда, рисования, при подготовке к праздникам. Лидия Михайловна сама активно участвовала в художественной самодеятельности, пела в народном хоре и непременно с детьми готовила концерты.

Время пролетело быстро — вот уже и оформление на пенсию.

Но не мешают Лидии Михайловне эти года, а наоборот, за её отдачу, за хороший контакт с родителями, когда узнали, что она хочет уйти на отдых, многие заволновались. Родители и дети обожают её за хорошее воспитание. Она уверена в том, что ничто не проходит бесследно. Об этом говорят и психологи,

Мечта послужить в армии осуществилась. Мама сходила к военкому и договорилась:

— Пусть послужит в армии, а если уж совсем станет невмоготу, то отзовите.

Так и получилось. После демобилизации Михаила направили в Новоюгинскую школу преподавателем физики. На его уроках в полной мере используются технические средства обучения: диапроекторы, кинопроекторы, видео и пр. Поэтому так результативно поступают из их школы дети в вузы.

Директора школы Гришаева Николая Дмитриевича перевели директором школы №2 в Каргасок, и здесь директором Новоюгинской школы становится Михаил Никитович. Им он проработал уже около сорока лет.

Дела посёлка всегда очень волновали директора школы, а сейчас особенно: лесники потеряли работу — большая часть мужчин безработные. Возникли трудности и с обеспечением дровами для ком. услуг учителей и пенсионеров. Он всегда занят, если не школьными делами, то ведёт прием своих избирателей как депутат районной думы. В семье двое детей, получивших высшее образование. У сына Михаила Михайловича родился сын, названный в честь деда — Мишей. Уже возникает традиция — во всех поколениях будут Михаилы Михайловичи.

2001 г.

Увлёкся рисованием пейзажей. Кстати, когда открылся музей в Каргаске, то первая художественная выставка была из его картин. Кто бывал в окрестностях Казальцево, тот узнаёт красивые места на пейзажах Ивана Трифоновича, выполненные им с такой любовью к родному краю. Посмотрев эти картины, можно сказать: у этого человека душа беззлобная и сердце чистое и доброе.

1999 г.

В Боцаарке остановились. Занимались корчёвкой пол поля, пилили дрова, заготовляли кёшку. Жилось голодно, люди умирали, идя на работу или возвращаясь с неё. В 1933 году умер отец.

А жизнь берёт своё

Даша полюбилась молодому парню — Петру Жеглтонжко. Его семья жила достаточно зажиточно. Подруги завидовали: «За богатенького выходишь!». Брак зарегистрировали в 1934 году.

Организовалась артель «Маяк». Работали от организации «Промлесосоюз». Стали держать и лошадей, и коров. Всякую работу доверялось выполнять Даре — кормевать, заготовлять дрова, доить коров, поить телят. Но как бы трудно ни было, а вечерами собирались на беседу — попеть, поплясать.

— Как бы трудно ни доводилось, а народ был весёлый, — вспоминала Дарья Даниловна. — Голодные, холодные, разутые, но где бы

Встретились и решили быть вместе. Так Анна Михайловна стала матерью еще двух детей 8 и 12 лет. А там и свои появились — трое дочерей и сынок Миша. Родился он в Чарымове, что неподалёку от Красноярки. А вскоре отца перевели в Вишнёвку, где находилось подсобное хозяйство Лесхимсоюза. Надо было переезжать. Соорудили плот, погрузились и поплыли вниз по Василягу. Уж такой длинной показалась дорога! Наконец плот прицепили, и двухлетний мальчуган сошёл на берег. А ноги не хотят стоять, кажется, что земля из-под них уплывает...

Обосновались на новом месте. Ел мальчишке, хоть и мал был, хватало: помогал матери ухаживать за кроликами, частенько бывал с отцом на конюшне. Детство, пусть и не безоблачное, но было. Иван, старший из своих братьев, почти с первых же дней ушёл на фронт и погиб. Подросшие сестрёнки уехали работать в Каналкино. Но как бы там ни было, а военное лихолетье

Судьбою протащена волоком

Дарья Даниловна Желтоножко прожила 85 лет. Когда я слушал её неторопливый рассказ, прерываемый иногда слезами там, где воспоминания касались наиболее тяжёлых минут её жизни, на память пришла поговорка, что одних судьба волоком тащит, а других под ручки ведёт. Так вот Дарью Даниловну судьба протащила волоком, нанося раны, царапины, синяки на душу и тело.

Под молотом репрессий

Семья Турковых жила крепко, зажиточно, и состояла из пяти человек — родителей, двух дочерей и сына. Дашутка была первой помощницей отцу. Боронили сразу на пяти лошадях: она впереди верхом, а сзади шёл отец и поправлял бороны, если они опрокидывались на поворотах или по какой другой причине.

Отец был плотно обложен налогом: только отвезёт хлеб в «Заготзерно», как снова возникают какие-то поборы. Основной удар принимал на себя тот, кто работал, что-то производил. Такое же смутное время было, как и сейчас.

Наконец приказали собираться. Отец запряг своих лошадей, и поехали обозом до Камня-на-Оби — лошадей разрешили взять только до него. Немного вещей с собой да мешок с мукой — вот и вся поклажа.

Доехали, и начали грузиться на баржи. До того тесно набивали людей, что громоздкие вещи отбирали; и у них забрали мешок с мукой. Из еды осталась только узел с сухарями, который ловерили сыну. При посадке на баржу у парня, стеснённого жителя, никогда не видевшего реку, закружилась голова, и он выронил драгоценный узел в Обь. Река подхватила сухари и уголь, а семья осталась без всяких припасов. Таким запомнила тринадцатилетняя Даша своё первое путешествие.

Дорогой давали по 200 граммов хлеба на едока, и туговато пришлось тому, кто, как и Турковы, остался без всего. Многие умирали с голоду. Вечерами баржа приставала к берегу, наскоро закапывали трупы людей и белели в близлежащие сёла, чтобы что-то выменять на еду.

Тем не менее молодость брала своё: у кого-то была гармошка, балалайка, и вечерами, порой до рассвета, пели песни, плясали под озорные частушки.

Упорно держался слух, что выскыгают на 25 лет — срок, который можно пережить, и вернуться в родные края. Это придавало надежду и веру в то, что ещё подинмутся на ноги, всё образуется.

Приведзи в Жёлтый Яр, выселили, а уже через год предложили — уезжайте, куда хотите, но не дальше Усть-Васюгана. Разобрали построенный ими же баракс, сплотили его, поналедили шалашей и поплыли по Васюгану.

на эту семью. Выкопали картофель, засыпали в погреб. Корова зашла на погреб, и тот обвалился. Корова «от пуза» наелась картофеля и сдохла. А затем подохла и другая живность: овцы, поросята. Тяжело пришлось Мише — мать больна, кормилицы-коровы лишились, на мясо тоже рассчитывать не пришлось, а пенсию получали чуть более ста рублей. Они уходили на молоко, которое знахарка применяла для лечения мамы. В довершение несчастий стал разрушаться домишко. Миша сумел наплавить лес, собрали помощь, и в Бондарке срубили домик. Всё остальное 12-летний парнишка доделывал сам. Учиться всё же продолжил, в Староюгинской семилетней школе. После окончания её поступил в Каргасокскую школу № 1. Михаил был очень активен: член ученического комитета, член комсомольского комитета. Из маленького по росту пацана превратился в достаточно рослого красивого парня.

Была у Михаила мечта — послужить в армии. Но у него практически на иждивении была больная мать и две маленьких сестрёнки. Военкомат прекрасно был осведомлён о состоянии семьи, и делал ему отсрочку. После окончания средней школы Михаила направили в Павлово преподавателем физкультуры и труда. Одновременно он поступил заочно в Томский пединститут.

пережили. Думали, легче будет, а беда уже у ворот стояла — тяжело заболел отец и в 1947 году умер.

Тяжкая ноша на плечи легла

После смерти отца осталася Миша в доме старшим, и вся тяжесть забот легла на его детские плечи. Мать часто болела, так что именно ему приходилось постоянно думать о том, чтобы накормить её и сестрёнок.

Вырубал лес. Всё, что росло поблизости, становилось пищей. Хлеб покупали на ленты, полученные за собранное и сданное сырье. Добывать его приходилось мальчугану «под нагрузкой»: малашую сестрёнку не с кем было оставлять дома, и Миша сдал её себе на плечи, да так и нёс. Найда подхватыю кошку с бруснихой, усаживал малышку, и та тоже принималась собирать вторы. Да разве на одном месте соберёшь кузовок? Приходилось бродить по окрестностям, неприрывно окликая сестрёнку. Сколько раз бывало, что, не услышав в ответ её голоска, сломя голову мчался он к кочке, где находил левоньку сладко спящей на подложенном под щёку кулачке.

Потом пошёл работать в колхоз. Брался за всё, что было под силу.

...Ночь. Мише ужасно хочется спать. Хотя ему исполнилось уже 12 лет, досточком он «не вышел». Но дядя Лёня Клюев всё же доверял ему работу на сенокосилке. Пора не доставала до педали, и дядя Лёня привязал к ноге бакулочку, закрепив её другим концом педали. И дело пошло. Только вот спать хочется. А до утра надо скосить немалый участок. Утром приёдет дядя Лёня, будут переезжать на другой покос. От этой мысли Миша взбодрился — дядю Лёню он очень уважал и готов был, как говорится, расшибиться, но выполнить поручение дяди Лёни. Сердце радовало и то, что опять селяна хорошо заработает.

Мать настаивала, чтобы Миша школы не бросал. Тяжело жилось, но суругбляли эту жизнь и несчастья, посыпавшиеся

шок с мукой. Из еды осталася только узел с сухарями, который ловерили сыну. При посадке на баржу у парня, стеснённого жителя, никогда не видевшего реку, закружилась голова, и он выронил драгоценный узел в Обь. Река подхватила сухари и уголь, а семья осталась без всяких припасов. Таким запомнила тринадцатилетняя Даша своё первое путешествие.

Дорогой давали по 200 граммов хлеба на едока, и туговато пришлось тому, кто, как и Турковы, остался без всего. Многие умирали с голоду. Вечерами баржа приставала к берегу, наскоро закапывали трупы людей и белели в близлежащие сёла, чтобы что-то выменять на еду.

Тем не менее молодость брала своё: у кого-то была гармошка, балалайка, и вечерами, порой до рассвета, пели песни, плясали под озорные частушки.

Упорно держался слух, что выскыгают на 25 лет — срок, который можно пережить, и вернуться в родные края. Это придавало надежду и веру в то, что ещё подинмутся на ноги, всё образуется.

Приведзи в Жёлтый Яр, выселили, а уже через год предложили — уезжайте, куда хотите, но не дальше Усть-Васюгана. Разобрали построенный ими же баракс, сплотили его, поналедили шалашей и поплыли по Васюгану.

Прошло немало лет

Живёт в Каргасокском районе удивительный человек, Михаил Никитич Лаврушенко. Педагог, воспитатель, добрый друг большинства сельчан от мала до велика, один из самых сильных директоров средних школ области. Немало досталось ему в его долгой жизни, но он выстоял под ударами судьбы, доказав, что нет предела человеческим возможностям.

Свела судьба двух горемык

В детстве Миша частенько приставал к матери с расспросами о том, как они с отцом нашли друг друга. Вроде из разных мест: отец с Алтая, мать — из Омской области. Та поначалу отмахивалась от расспросов, но однажды сдалась. И рассказала сыну печальную историю о двух горемыках, которых горькая судьба забросила в забытый богом таёжный уголок — Красноярку на реке Нюрольке. У Анны Михайловны мужа арестовали как врага народа, а её саму сослали сюда. Отец тоже оказался в северных краях не по своей воле. Да не один он, а с тремя детьми, похоронив жену.

ни работали — отовсюду слышны песни. Праздники проходили очень хорошо. В артели варили бражку, приезжало начальство, выдавали грамоты и премии.

Особенно запомнился октябрьский праздник 1946 года, когда приехали начальники вручать медали «В ознаменование Победы над Германией».

Получила медаль за ударный труд во время войны и Дарья. Уж что-что, а работать она умела, и сил своих не жалела. «Детей рожала в промежутках между работой», — шутила она. А их у неё шестеро.

Тогда ведь не давали долго сидеть: бывало, родят прямо в поле, положат ребёночка в борозду, и опять за работу. Дарья ещё и подрабатывала — зимой делала спуски к Васюгану за водой — 95 ступенек. В месяц за это платили 3 рубля!

Время неумолимо. Вот и дети выросли, все получили специальности. Тяжело заболел и умер муж Пётр, а в 1978 году и сама заболела — пожелтела, из горла пошла кровь.

Родные повезли в Томск и не верили, что увидят живой. Но она, перенеся тяжёлую операцию, домой вернулась практически здоровой, и с тех пор каждый год отмечала свой второй день рождения, сохранив, несмотря на возраст, прекрасную память, живую речь, чувство юмора и привычку к труду. А на просьбы поделиться секретом долголетия отвечала: «Надо просто жить и радоваться каждому прожитому дню, отпущенному судьбой».

2007 г.

Опять в разгаре полевой сезон

Окончил Николай курсы и принял полеводческую бригаду. Восемьдесят трудоспособных работников, плюс старики и подростки — сила немалая, и бригада Крицкого всегда ходила в передовиках.

Потом сменился председатель, во главе хозяйства встал Михаил Покровский. Был он годами моложе Николая, но имел средне образование. Правда, на этом посту долго не задержался — перевели его в район, а председателем народ дружно избрал Николая, хотя он и сопротивлялся, говоря, что молод ещё, да и грамоты маловато. Но старики заверили, что это не беда, они всегда готовы помочь. И Николай впоследствии частенько обращался к ним за советом.

Колхоз уверенно лидировал по всем показателям. К тому же Николай был очень дружен со специпереселенцами — председателями других колхозных хозяйств. Вообще-то их привезли на лесозавод, но они организовали два колхоза — «Первое мая» и «Труд-овик», и начали заниматься земледелием и животноводством, говоря, что они все крестьяне, хлеб выращивать умеют.

Николай внимательно приглядывался к ним, к их работе, перенимая всё самое лучшее и ценное.

А ещё он завязал знакомство с председателем колхоза таких же спецпереселенцев «Прогресс». Его люди, выжженные с бараки в глухую тайгу, уже через два года получали такие урожаи, что колхозники получали по 12 килограммов зерна на трудодень. В общем, было чему поучиться молодому председателю у опытных хлеборобов. И всё применялось в своём хозяйстве.

...Началась война. Николай, так же, как и другие мужчины, получил повестку о призыве на фронт. Но доехал только до Новосибирска, и сёл. Сказались перегруженное питание и перенапряжки — растрит, потом язва желудка, пробоение которой произошло в Новосибирске. В госпитале сделали операцию и комиссовали.

Вернулся домой и вновь приступил к исполнению своих председательских обязанностей.

время в РДК большое участие принимали выставные сола лаптыш — мужики и парни, оказывающие большое влияние на культурную жизнь Каргаска. А подруга Лиа Кошкина взахлёб рассказывала о музыкальном руководителе Карле Кардовиче, о его игре на пианино, аккордеоне. Так хотелось попасть на концерт или музыкальные постановки лаптышей, но родители на поездие коцерти не брали, и музыку оркестра прихоплялось слушать только на репетициях. Это во многом и определило жизненный путь Татьяны.

Когда в 1958 году открылась в Каргаске музыкальная школа, подруги Таня с Лией поспешили поступить туда учиться. На открытие школы приезжали преподаватели из Томского музыкального училища. Они казались девочкам богами. В 1966 году вместе с Лией закончили музыкальную школу в Каргаске, и поехали поступать в Томское музыкальное училище. Таня закончила дирижёрско-хоровое отделение, и в 1970 году поступила в Каргасокскую музыкальную школу преподавателем теоретических дисциплин и сольфеджио. И вот уже произведено почти 40 выпусков в музыкальной школе с непосредственным её участием. Далеко не все стали работать музыкантами, но музыкальная грамота пригодится в жизни каждому. Татьяна Дмитриевна убеждена, что занятие музыкой обострает умственные способности у ребёт.

Вечерский комполитор Золтан Кодаи доказал, что школьники в классах, где уроки музыки проводятся ежедневно, и по другим предметам успевают намного лучше, с чем Татьяна Дмитриевна полностью согласна. Тем более, что были положительные примеры и у нас в России до Октябрьской революции, когда музыкальное и общее образование часто шли рука об руку. Музыка была неотъемлемой частью дворянского воспитания.

Татьяна Дмитриевна говорит: «Принципы обучения таковы: мы воспитываем мыслящих гуманитариев, интересующихся историей и литературой, разбирающихся в проблемах изобразительного искусства, театра, кино и других видов искусства».

Возвращение в страну, которой нет

Душою Николай Антонович Крицкий всё ещё живёт в той стране, которая уже стала достоянием истории — в СССР.

Он родился в 1911 году, но вся его сознательная жизнь прошла при советской власти, и потому он не может смириться с тем, что советская власть расстреляна, а самое мощное государство, которое обеспечивало мир и стабильность во всём мире, уничтожено. Он не может смириться с тем, что у народа всё отобрано и приватизировано.

97-й год идёт Николаю Антоновичу, а какая память у него! Он помнит даже тех людей, с которыми жизнь сводила его в 20-е и 30-е годы. Очень начитан, хорошо владеет речью — сказывается многолетняя работа руководителем хозяйств. Очень уважительно говорит он о своих бывших работниках — доярках, поярках, полеводах и других тружениках.

«Грамоту есть-пить не будешь»

Родом он из посёлка Мадога Молчановского района. Потом вместе с родителями переехал в Майково, где было тогда 150 дворов. Была у них десятина земли, лошадь, корова, овцы, кролики, куры.

Такую задачу и ставит себе Татьяна Дмитриевна, и выполняет. Только в школу искусств ходят до 150 человек, с которыми работают 9 преподавателей. Есть в школе и инструментально-оркестровое отделение, которым руководит Иванов С. М. Все знают, что инструментальный оркестр — это украшение любого концерта.

Душа Музыки

В доме искусств живёт Душа Музыки. По аналогии, как в «Синей Птице» Метерлинка есть Душа Хлеба, Душа Воды, а здесь — Душа Музыки. Этот дом пополняется новыми кадрами, которые раньше закончили, как и подруги Татьяна Дмитриевна и Галина Николаевна Ермакова, эту музыкальную школу. Уже работает Елена Николаевна Ли, Пётр Власенко и его супруга Татьяна, и другие. Значительно укрепилась материально-техническая база школы, отремонтировано здание, построен тёплый туалет.

В 2008 году музыкальной школе исполняется 50 лет. И радостно на душе, что дети хотят учиться музыке, и ходят, и успешно овладевают музыкальными инструментами. Примечательно то, что в школе работает много опытных преподавателей, пришедших вместе с Татьяной Дмитриевной. Работа преподавателей всегда на виду, дети за ними внимательно наблюдают, поэтому не приходится расслабляться, нужно держать себя в форме. Вот уже и юбилеи у многих из них прошли, но глядя на этих стройных моложавых женщин, хочешь, чтобы ресурсов сил и здоровья им хватило на многие годы. Чтобы они могли ещё больше сделать в деле развития музыкальной культуры в Каргаске.

1999—2008 гг.

На это была нацелена и телевизионная программа «Камертон», где вела Татьяна Дмитриевна рассказывала о классической музыке, а издостраторы — дети, учащиеся в нашей музыкальной школе.

Эта передача важна не только для детей, но и для взрослых. Высококультурный интеллигентный человек и чувствует, и мыслит по-другому, а значит, исключаются и пьянство, и наркомания, и токсикомания, и другие вывертыи молодого человека. А самое главное — повысится уровень массовой музыкальной культуры. Все знают, что у нас в литературе выдвигается А. С. Пушкин. А кто в музыке? «Камертон» наш рассказывает о композиторах М. И. Глинке, П. И. Чайковском и других.

Слушатели останутся мелодиями на всю жизнь и заполнят кошелёчные залы, как рассказывает Татьяна Дмитриевна, заполняются они в Англии. Там люди с удовольствием отдают свой досуг хоровому пению и игре в оркестрах, достигнута слышная «нотная грамотность». Страна пришла к этим необыкновенным успехам простейшим путём, объединив общее и музыкальное образование, т.е. все школы там, даже государственные, по сути — школы музыкальные. Пение и игра на инструментах, изучение начал теории музыки включены в школьную программу. У нас пока об этом только можно мечтать, но многое для этого делается, как в стране, так и в нашем районе. Только музыкальные работники кроме музыкальной школы выступают в общеобразовательных школах, в клубах, на предприятиях.

Путь труда

С самого начала своей трудовой деятельности Татьяна Дмитриевна непременная участница художественной самодеятельности. Работала с медицинским Народным хором и с другими вокальными группами. Вместе с мужем Александром Лузановым составили прекрасный дуэт — это тоже воспитание зрителя: научить его слушать музыку. Л. Л. Шостаковичи сказал: «Прежде чем научится музыке, надо научиться её слушать».

Постепенно семья разрастались, восемь детей — это и по тем временам немало. И когда отец умер, мать вместе с ними управлялась со всем хозяйством. Каждому находилась работа, восьмилетний Коля, например, следил за стадиками: уборал навоз, давал корм скотине.

Отец ещё до болезни купил женщину-самосбросу, но, когда он ушёл из жизни, та так и стояла без дела, а хлеба, занимавшие целый гектар, мать с лоперьми сжинала серпами. Старший брат увозил снопы домой, а потом их обмолачивали цепами. В общем, нелегко приходилось всей семье, каждый кусок был полит потом.

Коля очень хотел учиться, и его отдали в школу. За полгода он прошёл учебный курс первого класса, а за второе полгода — второго. На этом школа для мальчишки закончилась, несмотря на все просьбы учительницы, мать в третий класс не отпустила, сказав: «Вашу грамоту пить-есть не будешь, пусть хлеб сеет».

Трудно жили. Когда грамела по Сибири Гражданская война, старшего брата мобилизовали в колчаковскую армию, и сгинул он неизвестно где. Осталася Коля за хозяина — единственный мужчина в доме. Он и принял решение вступить в колхоз, обосновав его перед матерью тем, что так будет легче работать и жить. Мать отчаянно сопротивлялась, но потом всё же сдалась. На дворе стоял 1930 год.

Николай оставил на своём дворе лишь одну коровёнку, всё остальное сдал в колхоз. Правда, птица и кролики тоже остались при доме — такую живность в коллективное хозяйство не брали. Назывался колхоз «Кутлугурный животновод».

Спустя два года председатель Кирилл Майков, присмотревшись к старательному парню, сказал:

— Будешь, Николай, бригадиром. Всё у тебя получается хорошо, и в работе, и в обшении с людьми. В Тугурсове вот образовали трёхсменные курсы бригадиров, так ты поезжай туда, поучись, а потом и бригаду примешь.

Рабочих рук не хватало, особенно мужских. И когда привезли немцев с Поволжья, Николай даже обрадовался, постарался всех обеспечить жильём. Каждая из 20 семей получила от колхоза корову. Великие труженики, немцы стали надёжными помощниками председателя, его опорой. С ними он вывел колхоз в грозные военные годы в передовые.

К земле у Николая Антоновича отношение особенное. Он считает, что земля не может утомлять человека. Утомляют человека только злость, отчаяние и неверие.

Хорошие мысли претворяются в добрые поступки

Много времени отдавал Николай Антонович самообразованию, и результаты налицо. Трудно поверить, что просидел он за школьной партой всего один год. Много читал, да и с детьми, которых у него девять, не раз прошёл полный курс средней школы. На себе испытав, что такое отсутствие образования, он настойчиво заставлял детей сначала получить среднее образование, а потом высшее или среднее специальное. Уступил только Александру, который после окончания семилетки поехал в Асино на курсы механизаторов.

Всячески поощрял Николай Антонович художественную самодеятельность. Да и сам хорошо пел, любил музыку и песни, а особенно романсы...

Не всё шло гладко в жизни. Он рано овдовел, а заводить новую семью не стал. В работе по хозяйству помогали дети, которых он очень любил, но воспитывал в строгости. Говорит, что относился к сыновьям, как советовали китайские мудрецы. До 5 лет обращайся как с царём, с 5 до 15 — как со слугой, а после 15 — как с другом.

Дела на производстве шли хорошо, колхоз креп год от года. Николай Антонович уверен, что это во многом благодаря И. В. Сталину, его труду и настойчивости удалось быстро ликвидировать послевоенную разруху. Именно в СССР раньше, чем в других странах, была отменена карточная система. И жило бы

Женщина с «говорящими руками»

У музыкантов есть термин — «говорящие руки», способные «нарисовать» весь силуэт и абрис музыки. Кто бывает на концертах, когда участвуют работники музыкальной школы, и видел, как дирижирует Татьяна Дмитриевна Лузанова, сразу ощущаешь, как «говорят» эти руки, как воздействуют они на хористов. Татьяна Дмитриевна на сцене всегда элегантна, артистична, и её волшебные руки абсолютно тождественны тону музыки. А какой она интересный собеседник, как свободна и связна её речь. Нет, недаром она почти 40 лет преподавала в музыкальной школе теоретические дисциплины — обязательная музыкальная литература и сольфеджио — это развитие музыкальной способности, развитие интеллекта у детей.

И хотелось, и моглось

Родилась Таня в Каргаске, в семье интеллигентной. Отец — Погорелов Дмитрий Григорьевич — художественный руководитель РДК, мама — воспитатель детского садика и непременная участница художественной самодеятельности. С самого раннего детства Таня стала поневоле активной участницей культурной жизни райцентра. Люди постарше хорошо помнят дуэт девочек Тани Погореловой и Гали Кошкиной под аккомпанемент баяниста Клименко В. В. Когда ещё была совсем маленькой, в то

Родина моя — Сибирь

Почему пожилые люди часто вспоминают ушедшее прошлое?

— Да потому, что жизнь была стабильной, с безработицей, обеспеченной старостью, — говорит Николай Петрович Ситченко, невысокий, плотного телосложения мужчина. Его голубые глаза пытливо смотрят из-под широких чёрных бровей на собеседника. Лицо молодое, и по внешнему виду никак не скажешь, что ему уже 80 лет. Это по документам, а фактически идёт 83-й год. Это мама когда-то убавила ему возраст — уж слишком мал он был ростом.

Сколько пролито слёз, сколько выпало пота...

Родился Коля в деревне Украинке Исилькульского района Омской области. Стояла эта деревня на берегу большого озера, и улицы повторяли каждый его изгиб.

Украинка была основана в конце XIX века в плодородной Ишимской степи переселенцами из Украины. Петр Ситченко, отец Николая, был родом из Полтавской губернии, мать — из Харьковской. Жили большой семьёй — пятеро детей, да ещё родители отца.

Петр Ситченко очень любил лошадей. А недалеко от Украинки был конезавод Цепляева. Там он и купил себе первого

Вскоре в посёлке появилась молодая семья Калауровых. В 1967 переехали в Каргаск. Надо было устраиваться на работу, и она направилась в районо.

Заместитель заведующего Афанасий Иванович Сосинин сразу сказал, что работа есть только в периферийных школах, в самом же Каргаске вакантных мест нет. Ехать в деревню она отказалась, и ей предложили тогда детский сад имени Кирова. Воспитателем. Кстати, тоже педагогическое поприще.

Раиса согласилась. Проработала год до рождения сына, потом взяла отпуск, а по окончании принала детский сад рыбозавода. А потом состоялась отчётно-выборная конференция, её избрали председателем профсоюзного комитета завода.

Почти половина рабочих жили в посёлках по Оби. И хотя коллективный состав членов профсоюза превышал 500 человек, освобождённым председателем Раиса Григорьевна не была, она по-прежнему заведовала детским садом.

Между тем профсоюзная работа требовала немалого времени: и рыбаки, и другие работники завода постоянно шли к ней «за правдой», ибо знали, что она всегда поможет даже в самых острых вопросах разрешить спор с администрацией. Очень хорошо в то время решались вопросы строительства жилья и объектов культбыта. А День рыбака становился праздником не только для рыбаков, но и для всех жителей района. В этом несомненная заслуга профкома, возглавляемого Р. Г. Калауровой.

Годы умножают мудрость

Всё в семье Калауровых складывалось хорошо. Подрастали сыновья, был построен дом с крепким подворьем. Муж Валерий работал в аэропорту бульдозеристом и считался одним из лучших специалистов Каргаска.

Они умели работать. Умели и отдыхать. Валерий — заядлый рыбак, и Раиса, съезди с ним несколько раз на рыбалку, сама стала азартной рыбачкой. Научилась отлично выделять пещёй в зимнее время, и никакая толщина льда её не смущала.

колхозное крестьянство припеваючи, если бы не задумали укрупнение хозяйств, ликвидируя малые посёлки. Сразу захирели посёлки, расплодили пьяниц и лодырей.

Мнения своего он и не думал скрывать. Потому сразу после хрущёвской критики культа личности ему приклеили ярлык «пособник сталинизма». Думали унизить, а вышло наоборот — до сих пор он гордится этим званием, вспоминая Сталина с неизменным уважением.

Николай Антонович утверждает, что человек о человеке должен думать хорошо до тех пор, пока он сам не докажет обратное. Его мысли перекликаются с высказыванием Льва Николаевича Толстого: «Думай хорошо, и мысли созреют в добрые поступки».

Колхозом Крицкий руководил вплоть до его преобразования в совхоз. Директорствовать в совхозе категорически отказался. Согласился работать управляющим отделением Молчановского совхоза. И здесь он неуклонно придерживался своих принципов, один из которых — упрекай друг друга наедине, а хвали публично. Это срабатывало безотказно. Авторитет его всегда был непререкаем.

Осень собой завершает начертанный круг

Расстался Николай Антонович с работой на 78-м году жизни, отработав в сельском хозяйстве более 60 лет. А уйдя на покой, стал усиленно заниматься сельским хозяйством дома. Сам накашивал сено для шести голов крупного рогатого скота. Убирать сено помогал сын Александр.

Раиса Григорьевна не препятствовала сближению этих одиночеств в семейные пары — пусть порадуются в последние годы жизни.

Радуйтесь зимам, радуйтесь вёснам…

Почти десять лет своей жизни отдала Раиса Кандаурова Дому милосердия. За это время почти наполовину обновился состав жильцов: возраст, болезни, пережитое — всё сказывалось. Мне говорила Мария Абрамовна Ящук, живущая в интернате:

— Девятый десяток вот идёт. Смерти не боюсь, но ещё бы пожила в такой беззаботной жизни, о которой даже не мечтала. Одно знаю: умру — похоронят меня по-людски, проводят, помянут, да и за могилкой присматривать будут, как это делаем мы. Дай, Бог, здоровья и долголетия таким людям, как Раиса Григорьевна — наша мама.

Сейчас Раиса Григорьевна на пенсии, но не перестаёт интересоваться жизнью интернатских жителей. И очень сожалеет, что из первых тридцати привезённых стариков осталось лишь несколько человек.

Не может она отойти от активной общественной жизни. Она — член президиума совета ветеранов рыбозавода, руководит секцией «Активная жизнь» клуба «Досуг», много лет поёт в народном хоре «Ветеран». Это человек, радующийся жизни и заражающий этой радостью всех, с кем общается. К ней как нельзя лучше подходят поэтические строки Сергея Поликарпова:

«Радуйтесь зимам, радуйтесь вёснам,
Незамутимым радугам росным.
Радуйтесь лету, солнцу живому,
Радуйтесь свету, вечну и нову».

Пусть эта радость жизни не покидает её ещё много лет.

Но вот сыновья выросли, выучились, семьями обзавелись. И тут, как обвал, — пересстройка, а по меткому определению рыбаков — «катастройка». Вначале был закрыт детский сад, потом раз-валился и сам рыбозавод. Следом — аэропорт, ЛПК, колхозы, совхозы, предприятия. Осталась без работы Раиса Григорьевна — человек очень активной жизненной позиции.

Трудно сказать, как бы она пережила такой «отдых», но тут в районе открылся Дом милосердия для одиноких и старичков. Под него отвели двухэтажную контору райпотребсоюза. Чтобы следить его порядком для интерната, требовался энергичный, хозяйственный человек. Тут и вспомнили Раису Кандаурову. Когда председатель поссовета В. Г. Шапин предложил ей возглавить интернат, она согласилась не раздумывая.

Начала с ремонта и перепланировки здания, оборудования кабинетов под жилые комнаты. Затем последовало приобретение оборудования для столовой и кухни, мебели, кроватей, постельных принадлежностей, и многое другое. Построили во дворе баню, сараи для свиней, разработали участок земли под огород. Оборудовали медпункт, для нехожачих — специальную комнату с душем. Закупили материал, и сами сшили простыни, наволочки, пододеяльники. Большую помощь Раисе Григорьевне оказал её сын Александр — мастер на все руки.

И вот настал день заселения. Со всего района собрали немощных стариков. Отмыли, одели. Четырёхразовое питание, вкусная, здоровая пища — и уже через месяц многих стало не узнать. Это была большая дружная семья. Старики и старушки повеселели, запели и даже задружили, выбирая себе пару для дальнейшей жизни.

Переживы им и тяжёлые утраты. Один из сыновей умер в 27 лет, второй, подводник, живший в Северодвинске, погиб в 50 лет. В 2000 году скончался от инфаркта третий сын, Александр. Ему было всего 55.

90-летний Николай Антонович согласился переехать в Кардасок к дочери Галине. Здесь же живёт и сын Юрий. Посёлок очень нравится ему.

— Хожу, смотрю и радуюсь, — говорит он. — До него же хорошо здесь глава районной администрации Рожков! Сколько внимания уделено благоустройству райцентра. А какой парк Победы! Любо-дорого посмотреть. Таких хозяйственных мужиков беречь надо.

Николай Антонович, несмотря на свои 97 лет, свободно поднимается на пятый этаж дома, в котором живёт вместе с дочерью. Суда по его самочувствию, он легко перешагнёт столетний рубеж. Дай, Бог, ему сил и здоровья.

2008 г.

Николай грёб изо всех сил. Обласок не плыл, а летел, рассекая водную гладь. Расстояние до Рабочего сокращалось, но и схватки становились всё чаще. Николай буквально умолял женщину потерпеть (видно, забыл, а то и вовсе не знал, что «родить нельзя потерпеть»), а сам грёб, грёб... Слава богу, успели. Малыш появился на свет, едва они успели переступить порог больницы. Этот кошмарный запрыв надолго остался в памяти у обоих...

Семья Китченко переехала в Канаскино — довольно большой посёлок, где находился шпалозавод. Родители перебрались в Карласок, где купили дом, и сунула год Николай с семьёй переехал к ним. Здесь он принял базу производственных товаров ОРСа ЛПХ.

Прошло два года. Николай закончил курсы судоводителей и пять лет плавал на судах ОРСа, а потом решил вновь сменить профессию, и отправился в Томск на курсы шоферов, работавшие при лесотехническом техникуме. По возвращении получил в ЛПК лесовоз. Два года проработал на вывозке леса, а потом его поставили диспетчером, а ещё через два года он уже — техноруК участка.

Всё хорошо сложилось у Николая Петровича на производстве, всё благополучно сложилось и в личной жизни. Вырослив четверо детей и все получили высшее образование: Николай Петрович, не получивший в детстве того, о чём мечтал, постоянно внушал детям: «Кто не учится в детстве, у того потерпяна жизнь».

Сам же, имея за плечами лишь начальное образование, не упускал ни одной возможности расширить круг знаний, будь то семинар или курсы.

В 1976 году Китченко назначили старшим инженером отдела сбыта и технического образования, чему предшествовала поездка в Ленинград на трёхмесячные курсы. Огромный опыт, знание техники, в том числе и самой новейшей,ставили Николая Петровича на голову выше других. Работавшим рядом

жеребёнка, который вырос и превратился в отличного племенного жеребца. И все селяне постепенно стали разводить лошадей цепляевской породы. Были они высокие, крепкие, рысистые.

В 31-м отца мобилизовали на строительство Кузбасского металлургического — знаменитый Кузнецкстрой, воспетый Владимиром Маяковским. А весной этого же года мать с пятерыми детьми и дедами повезли к Иртышу, посадили на баржу, и отправились они в суровый Нарымский край.

Их высадили на берегу Васюгана близ посёлка Усть-Чижапка. Затем на неводниках повезли дальше по речке Чижапке и высадили на 70-м километре.

Как бы ни было горько на душе у несчастных ссыльных, однако они не могли не заметить красоты местности. Она так напоминала родную Украинку. Бараки строились прямо на берегу, у изгиба реки.

Зиму пережили тяжело. Умерли дедушка с бабушкой и двое детей. Мать очень завидовала тем, у кого в семьях были мужчины, тем же соседям Кирсановым, у которых были взрослые сыновья: они и дом себе срубили добротный, и охотничали, рыбачили, так что семья не знала, что такое голод.

Посмотрел комендант Сопов на такие семьи, как Китченко, да и забрал младших детей в Усть-Чижапский детский дом — пусть там не всегда сытно кормят, зато регулярно.

Четыре года прожили Коля и его брат Миша в детдоме, а потом всех ребят, у кого были живы родители, стали возвращать к ним. Миша учился в школе хорошо, и Сопов дал ему возможность закончить семилетку, после чего он поступил в железнодорожный техникум. Николай остался с мамой один.

В 41-м матери удалось завербоваться в Нюрольский леспромхоз. Колю же из колхоза не отпустили, так что остался он один на один со всем домашним хозяйством. Впрочем, оно было не велико — две курицы да телушка. А в колхозе пас скот. Зимой готовил клёпку.

Были и другие развлечения. Что ни говори, а в посёлке целых два клуба. молодёжь и подростки успевали и кино посмотреть, и потанцевать вдоволь. Впрочем, танцы устраивали и в школах. На них приходили и учащиеся ФЗУ судоверфи.

Один из них, Валерий Кандауров, приехавший на учёбу из Каргаска, всегда приглашал на танец Раю — нравилась ему эта рослая девочка с роскошными чёрными косами, лукавым взглядом карих глаз, опушённых длинными ресницами. И ей по сердцу пришёлся этот симпатичный паренёк, так неуклюже старающийся за ней ухаживать. И когда Валерия призвали в армию, договорились они, что будут переписываться.

Надолго остались в памяти и коллективные выходы школьников на очистку и уборку новых построенных на верфи барж. Но особенно запомнились поездки в колхоз на уборку льна. Располагалось хозяйство в 80 километрах от Батурина, и они жили там безвыездно по 20—30 дней, то есть до тех пор, пока весь лён не выдергают. А иногда ещё и турнепс убирали, складывая в бурты. Денег они не зарабатывали, но кормили хорошо, а по вечерам были танцы до упаду.

В 1959 году Рая окончила школу и поступила в Томское педучилище.

После окончания учёбы взяла «свободный» диплом и вернулась в Батурино. Сюда же, отслужив, приехал Валерий.

Завсегдашний районо Геннадий Антонович Моисеев неожиданно спросил:

— Считать умеешь?

— Конечно.

— Вот и подработай в торговле.

И направил её в ОРС геологии. Принялся экспедитором, а через месяца предложили принять склад. Шесть складов, в подотчёте более миллиона рублей. Ничего, справлялась, только очень скучала по школе.

Через три года не выдержала, снова пришла в районо, после чего оказалась в бондарской начальной школе. К этому времени у неё уже была большая семья. Четверо детей.

А потом сбылось то, о чём давно мечтала — она стала работать в карасокской школе. Вот где в полной мере реализовалось её умение работать с детьми. Вместе с ребятами в первых классах она пробывала почти во всех городах Западной Сибири. А ещё в Москве, Одессе, Севастополе и в других уголках страны.

А время шло. Дети выросли, получили образование, обзавелись семьями. В 1989 году Нина Васильевна ушла на пенсию и занялась воспитанием внуков. А потом не выдержала и вновь пришла в школу на целых пять лет.

«Так было всегда, и так ещё долго будет»

Это слова Нины Васильевны о своей активной жизненной позиции. Это про таких, как она, сказано: «Покой нам только снится».

Сына провожали на службу в армию, и Нина Васильевна вошла в состав комитета матерей. Какими же долгими и тревожными были эти два года его службы! Достаточно сказать одно слово — Чечня. К тому же пять месяцев парень занимался разминированием Грозного, а это значит — ходил как по острию ножа. К великому счастью матери и сестёр, вернулся живым и невредимым.

Наступила весна, и паренёк решил уехать к маме. Не зря-де говорят в народе, что нет милее дружка, чем родная матушка.

Добравшись до Усть-Чижапки, узнал, что в посёлок Центральный, где работала мать, как раз едет на обласке человек, привозивший какой-то груз. Оказалось, что знает он и мать Коли, и её нового мужа, Чуркина, а от устья Нюрольки до Центрального ни много ни мало, а 177 километров, так что поработать вёслами придётся хорошенько.

Проплывая мимо посёлков, Николай старался запомнить не только названия, но и то, чем занимаются там люди. И ведь пригодилось позднее — в каждом из них довелось ему поработать. А работы он не боялся, любое дело делал с огоньком, азартно, что не могло укрыться от глаз ни жителей посёлка, ни начальства.

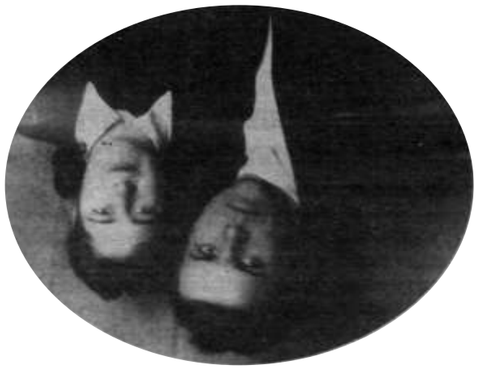
В Центральном его сразу же отправили пилить дрова, а затем на вывозку леса в Тевриз. В летнее время работал в Славгороде — пахал, сеял, молотил хлеб. В зиму поехал в Озёрное. Там вдоль по речке Тухсигат пилили берёзовые чурбаки в два с половиной метра длиной, а затем раскалывали и обтёсывали по шаблону, получая болванки. А подходило лето — и начинались вновь полевые работы.

Летом 1945 Николай с бригадой выехал на строительство нового лесоучастка Мыльджино на 60-м километре по Нюрольке. В общем, за годы войны он как колобок прокатился по всему Среднему Васюганью, везде оставляя добрую память своим трудом, хотя и нелегко приходилось — полураздетому, полуразутому и полуголодному.

Пути неисповедимы…

И вдруг всё изменилось. М. Г. Бейдеров, заведующий базой в Центральном, давно присматривался к Николаю. Работящий, дисциплинированный, неконфликтный парень по всем статьям подходил в продавцы. Вот и предложил Михаил Григорьевич ему принять магазин в посёлке Весёлый Чвор (Чвором назвали

коренные жители страное русло реки Васюган), и Николай с радостью согласился. Вот так 17 ноября 1945 года жизнь его пошла по другому руслу.



Через год Бейдерова перевели в другое место, а Николай стал заведовать «кустом». За пять лет работы в этой должности многое пришлось пережить — жизнь на месте не стояла. Была отменена карточная система, потом прошла денежная реформа. Да и в личной жизни немало изменилось. Николай познакомился с милой девушкой из Соснокви — Раей Петровой. Знакомство переросло в дружбу, дружба — в любовь. В 1951 году они поженились.

Николай к этому времени возмужал. Хорошее питание и не такой тяжёлый, как раньше, труд, а работа, пришедшаяся по душе, сделали своё дело. Сейчас в нём трудно было узнать того измождённого парнька, что «трубил» в лесу в стрессовых ситуациях. Хотя стрессы случались и ныне. Но совсем по другому поводу.

Как-то сосед и друг Николай Афанасьевич Лактионов попросил отвезти на обласке его жену в посёлок Рабочий, в больницу — женщина ждала ребёнка.

До Рабочего 111 километров, вроде такое расстояние не перекроешь, приплёлся ночевать в Мыльджино, что находилось на середине пути. И надо сказать, что допрыгли они туда благополучно. А вот на второй день… прямо в обласке у женщины начались схватки.

Сейчас Нина Васильевна активно работает в совете ветеранов педагогического труда. В помещении районного ветеранского совета им выделен кабинет, и с понедельника по пятницу в нём дежурят члены совета, всегда готовые принять учителей-ветеранов, помочь в разрешении их проблем.

А проблем хватает. Тут и вопросы социального жилья, решения квартир, просьбы о выделении путёвок на санаторное лечение, и многое другое. Не забывают в ветеранском совете и о юбилярах — обязательно поздравят каждого. С финансировании всегда помогает районный совет ветеранов.

Большое внимание уделяется патриотическому воспитанию молодёжи. И тут им приходит на помощь огромный педагогический опыт.

Телефон дежурного звонит почти беспрерывно. А это значит, что люди ждут своему совету, и не зря он был создан.

Нина Васильевна показала мне тетрадь, в которую заносятся просьбы ветеранов, поступившие по телефону. В день их бывает по 10-15. К сожалению, не все просьбы удаётся выполнить. Случаются и неоправданные надежды на дежурных. Конечно, они рассчитывают Нину Васильевну, но у неё терпеливый характер и доброе сердце — она понимает людей и старается не обижаться. Одно из её главных достоинств в том, что она умеет видеть в каждом человеке что-то хорошее…

«Красоту увидеть в некрасивом,
Разглядеть в грубых разлиных рек,
Кто умеет в будних быть счастливым,
Тот и впрямь счастливый человек».

2007 г.

Судьба не бывает ошибкою

В семье Коровянских было четверо детей — три сына и дочь Раиса, родившаяся в 1940 году. Отец работал в Лайском ЛПХ, базировавшемся в рабочем посёлке Батурино Асиновского района. Был посёлок довольно большим, около 10 тысяч жителей, и многонациональным. А кроме ЛПХ здесь находилась ещё и судоверфь, где строились дебаркадеры — вначале деревянные, потом из металла. Даже школ было две — семилетняя и средняя. Стояло Батурино на высоком берегу реки Чулым.

О молодость! Ты хороша!

Детство и юность, проведённые в Батурине, Раиса Григорьевна вспоминает с ностальгической грустью. Разве можно забыть купание в Чулыме, или то, как резвились, бегая по плотам и плывущим брёвнам при сплаве! Брёвна крутились под ногами, и они, порой не успев перепрыгнуть на другое бревно, с размаху бултыхались в воду. Визг, хохот.

Взрослые ругали за такие развлечения, и дома, бывало, доставалось. Но разве могло это удержать от искушения порисковать? Побежали девчонки. А мальчишки — за ними, чтобы доказать, что ничуть не уступают в ловкости.

с ним рядовым инженерам даже в голову не могло прийти, что у их шефа нет не только высшего, но и среднего специального образования.

В 1982-м Николай Петрович оформился на пенсию, но отдых не пришёлся ему по вкусу — выдержал недолго, и в 1984-м уже вновь пришёл на работу. В течение семи лет был представителем карандашной фабрики Томска в Каргасокском ЛПК. Зная, где и когда лесоучастки занимаются вырубкой кедров, он сумел наладить бесперебойное снабжение фабрики этим ценным сырьём.

Домашнее хозяйство у него с Раисой Ивановной немалое, а чтобы легче было обеспечивать живность кормом, купили лошадь, сенокосилку, конные грабли. Породистая корова до недавнего времени полностью обеспечивала семью молочными продуктами, давая в сутки до 25 литров молока. К сожалению, пришлось расстаться с кормилицей. Что ни говори, а годы берут своё, силы уже не те.

Труженик тыла, награждённый медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», Николай Петрович имеет ещё несколько юбилейных медалей и медаль «Ветеран труда», десятки почётных грамот.

Ветеран уверен, что жизнь наладится, и в посёлках вновь закипит работа, а страна встанет с колен и расправит плечи.

2008 г.

пионервожатой, сразу нагрузил её сверх меры. Как и в любом другом селе, художественная самодеятельность здесь держалась главным образом на школе: учителя во главе с директором готовили спектакли и концерты. С появлением в школе Нины Васильевны ответственность за всё была возложена на неё.

Всё устраивало её, даже оклад в 57 рублей 50 копеек вполне удовлетворял. Вот только с дочкой на первых порах пришлось туго: мест в детсаду не было, и Нине приходилось брать ребёнка с собой на работу. На одной из полок книжного шкафа освобождалось место, и туда укладывали девочку. К слову, ребёнок был очень спокойным, ни единого писка не раздавалось с полки за время урока.

Потом, когда поближе познакомилась и подружилась со школьными уборщицами, стала оставлять дочку в гардеробной на их попечении. Нередко случалось, что, задержавшись после уроков в классе, она не находила дочку на обычном месте — уборщицы уносили её домой. И Нина Васильевна бегала по посёлку, разыскивая дочку.

Об этом узнал начальник участка Александр Александрович Филиппи, и место в детсаду сразу же нашлось. Был Сан Саныч большим любителем художественной самодеятельности, сам участвовал в спектаклях и помогал Нине Васильевне в приобретении реквизита. Вот и тут помог.

Плата за садик была почти мизерная — 2 рубля 20 копеек в месяц, продукты тоже стоили дёшево, так что зарплаты Нине хватало. К тому же она умела хорошо шить; купит на 20 рублей ткани и нашьёт себе и дочери наряды.

Семь лет проработала в этой школе. А потом было решено перенести посёлок на другое место, поближе к лесным делянам. Нина Васильевна переехала в Ильино, привольно раскинувшееся вдоль протоки Пего. А через пять лет школу в посёлке закрыли. Не напрасно говорят, что и радости не вечны, и печали не бесконечны. Снова надо было искать место работы.

Людей, знавших Кузнецова как человека нелицемерного, это приводило в шок. А я вспомнил вычитанные когда-то у писателя П. Павленко слова: «Жизнь — не те дни, что прошли, а те, что запомнились», и подумал: неужели эта страшная трагедия — жизнь? А может быть, исключение?

В семнадцать мальчишеских лет

Всех казнённых фашистами похоронили на центральной площади городка. А Анатолия вскоре разыскала сестра матери, жившая в городе Боровичи Новгородской области, забрала к себе и пристроила в сапожную мастерскую. Он освоил эту профессию на удивление быстро и стал работать на уровне мастера.

В 1946 году вернулся отец — изранненный, нуждающийся в помощи. И Анатолий сразу выехал в Поставы.

17-летнего парнишку приняли на стеклозавод, выпускавший бутылки и графины. Поставили к печи на проступку пескА. Сменная норма — 8 тонн. Опасная была эта работа, случалось, что при открытии заслонки песок красной, раскалённой струёй вырывался наружу. Тут чуть зазеваешься — вмиг окажешься под завалом, что однажды и произошло с его напарником.

Четыре года такой каторжной работы выжатали парнишку, и он был безмерно рад, когда освободилось место мастера-обувщика в сапожной мастерской, где он проработал шесть лет. А потом вдруг заскучал и решил поехать с молодёжным отрядом на оную из строек. Так оказался в Сталинграде, в «Пудпострое».

Было лето. Стояла страшная жара. Сразу вспомнился стеклянный завод, где парился у раскалённой печи. Не выдержал долго и вернулся в Поставы. Но прежнее место оказалось занятым, и устроиться в мастерскую не представлялось возможным, хотя он был отличным мастером и, идя по улице, сразу узнавали свою работу, особенно хромовые сапожки «в гармошку».

Устроился фотографом, потом баянистом (завсегдашним базой, снабжающей близкие магазины). Однажды встретил девушку, покорившую его сердце. Поженились, появились дети.

Пока есть память, нам не умереть

Родители Нины Кузнецовой познакомились во время посадки на баржу в г. Камень-на-Оби. Его звали Василием, её — Натальей. Он ехал один — родителей увезли раньше. Она же была с родителями и братом.

Повезли баржу вниз по полноводной Оби в сторону Нарымского края. Народу было столько, что не только лечь, а сесть негде. Измученные люди болели, умирали. Наталья потеряла за дорогу всех — и родителей, и брата. Неизвестно, смогла бы она перенести это обрушившееся на неё горе, если бы не Василий — он всегда был рядом.

Молодые люди подружились, полюбили друг друга. А когда баржа прибыла в Каргасок, на берег сходила уже новая семья. Впрочем, «сходили» — не совсем точно: люди карабкались на крутой, высокий берег реки Пангалки, где находилось село Старый Каргасок. Земляки копали прямо в ре...

Следы добрых дел

Василий устроился в школу завхозом, а Наталья — туда же уборщицей. Нина была в семье перевешем, сестра три с половиной года у неё появился братик. А потом началась война. Отец ушёл на фронт, мама заболела и вскоре умерла. Дети осиротели.

Только эхо войны отзывается в наших сердцах

В каждой деревне, в каждом посёлке нашей страны есть такой человек, который просто необходим всем людям. Он, за что бы ни взялся, всё может сделать, изготовить: дом ли срубить, печь ли сложить, корзину сплести, домовину спроворить, топорище за 10—15 минут вытесать из полена, и так далее, и так далее.

Как, откуда всё это берётся? У многих это просто природный дар, потому как и в родне нет подобных мастеров. Заслуживают эти умельцы уважения и поклонения. В деревнях к ним привыкают, как к тому же ведёрку, без которого ни одна семья не может обойтись. И все оказываются в шоке, если с такими людьми что-нибудь случается, хотя понимают, что все мы смертны.

В посёлке Неготка таким человеком, умеющим сделать всё, за что бы ни взялся, является Анатолий Михайлович Кузнецов. Я долго наблюдал за ним, и всегда удивлялся. Приезжая сюда на отдых каждую осень в течение 20 лет, видел его то строящим дома, гаражи, котельные, то кладущим печи. Представал он передо мной и пилоправом, и механизатором.

Такие люди не получали орденов, не осыпались другими милостями. Но они всегда востребованы, всегда нужны.

Стонала земля под ногами братов

Анатолий Михайлович родился и вырос на Смоленщине. Его детство и отрочество пришлись на суровые годы войны — годы оккупации. Отец воевал на фронте, а мать стала связной у партизан.

Городок Рославль невелик, и в нём все знают друг друга. С одной стороны, это хорошо, с другой — плохо.

Анатолий, окончивший четыре класса, с приходом немцев начал искать работу. Естественно, побывал всюду, много слышал, а потом рассказывал матери. Та, в свою очередь, собранные сыном сведения передавала партизанам.

В 42-м поймали заподозрили мать в связях с партизанами и арестовали. Жиной Анатолий её больше не видел, так как свидания не разрешали, но передачи принимали. И он, с неимоверным усилием собрав кое-что съестное, тут же тронулся передать это маме.

Обстановка в городке была тревожная, немцы и полиция устраивали постоянные обыски. Но Толе всюду удалось пробраться от них.

В 43-м, обозлённые неудачами на фронте, немцы начали свирепствовать особенно сильно. К тому же им не давали покоя партизаны. Проведя очередную облаву, фашисты загнали всех задержанных в большой сарай, стоявший на тоpемном дворе, и там держали. А однажды туда же загнали и всех находящихся в тоpемных камерах (по рассказам очевидцев, в этот раз там было собрано около 800 человек), обложили сарай сеном, облили бензином и подожгли. Кто пытался выскочить из этой огненной геенны, сразу попадал под автоматные очереди. Случилось это за три дня до освобождения Рославля нашими войсками.

Анатолий целые дни проводил на тоpемном дворе, страдая по кусочкам обгоревшей одежды опознать мать. Но тщетно.

Эта страшная картина до сих пор стоит перед глазами Анатолия Михайловича. Иногда это видение начинает так сильно донимать, что единственным средством избавиться от боли, терзающей душу и сердце, остается крепко, по-русски выпить.

Как завижу Каргасок —
Болит моё сердечко».

С этого места Каргасок виден как на ладони. А в большую воду видны теплоходы, пристающие к причалу на Оби...

Направили Нину в школу посёлка Усть-Васюган. Когда-то большой посёлок умирал, а через год его вовсе ликвидировали. Пришлось снова менять место работы и жительства. Направили её в Староберёзовку.

Здесь она встретила свою первую любовь. Появилась семья, родилась дочка. Но жизнь семейная не сладилась — очень уж любил муженёк «злодейку с наклейкой». Промучившись два года, Нина попросила перевести её в другую школу. Предложили Толпаровскую семилетку. Чем плохо? Место красивое, речка, аэропорт рядом. Вокруг боры, полные ягод и дичи.

Директор школы Николай Гаврилович Ландышев очень обрадовался приезду молодой учительницы, а узнав, что она работала

Родители Василия, освобождённые из ссылки, уехали на родину. Туда им и сообщили о смерти сохи и об отправке сирот в детский дом, в котором жили заключённые из Ленинграда дети. Бабушка приехала за внуками и осталась в квартире сына, который к этому времени погиб на фронте: не смогла покинуть место, где всё напоминало ей о сыне — каждая вещь, любовно сделанная его собственными руками. Дерев, конечно, забрала к себе.

Нина была рослой девочкой. «Вся в мать, — говорила бабушка, — та была на полголовы выше Василия. — А так очень похожа на отца».

Время шло, Нина окончила семилетку, ставшую позднее средней школой. Она мечтала стать учительницей, а потому поступила в Колпашевское педучилище. Там же был и пединститут, но в 1955-м его закрыли. Впрочем, педучилище тоже закрыли, через год. Так что последний курс Нина заканчивала в Томске. Работать направили в Пышкино-Троицкий район, в деревню Малый, а через год перевели в Альмяковскую среднюю школу.

Комсомолка, спортсменка, просто красавица — такой предстала Нина перед директором школы. Он уговорил её стать пионервожатой и возглавить школьную комсомольскую организацию.

Что ж, директор не ошибся в выборе молодёжного вожака — районные слёты пионерии стали проводиться именно в этой школе.

Прошло два года. Нина решила вернуться на свою малую родину, в Каргасок. Приехала, пришла на любимое место на высоком берегу Ланиталки, откуда видна Обь и идущие по ней суда, на противоположном берегу заливной луг, в весенюю пору — настоящее море, а летом мирно пасётся скот, а чуть дальше — бесчисленные стога сена. Вспомнились частушки, которые распевала она с подружками:

«Каргасок, Каргасок,
Ланиталка-речка.

отдыхающий получил помощь во всём, в чём нуждается, за то, что принятые процедуры так благотворно действуют на человека. Потому и стремятся люди ещё и ещё приехать в этот пансионат и пролечиться.

Мария Михайловна говорит, что желательно бы не менее трёх раз попринимать у них процедуры, чтобы почувствовать себя здоровым человеком.

Кто побывал на лечении в пансионате «Источник», довольны лечением, питанием, условиями проживания, но не помешало бы иметь в штате массовика-затейника, чтобы и эта часть была бы более организованной.

Наверное, в каждом санатории есть такие свои Марьи Михайловны, которые так же любят своих пациентов и готовы, как говорил А. Т. Твардовский,

«И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,
Готов трудиться ты и денно
И нощно — душу сжечь готов».

27. 07. 07 г.

Сманил загадочный Север

Казалось бы, жизнь наладилась, вошла в колею. Но нет покоя в душе, не успокаивается сердце, тянет куда-то в неизведанное. И в 70-м Анатолий решился — завербовался на Север. Так оказался он вместе с семьёй на каргасокской земле. В отделе кадров спросили:

— Печники есть?

— Есть, — ответили несколько голосов, в том числе и его голос. Направили в Неготку. Там показали сруб...

— В этом доме будет ваша квартира.

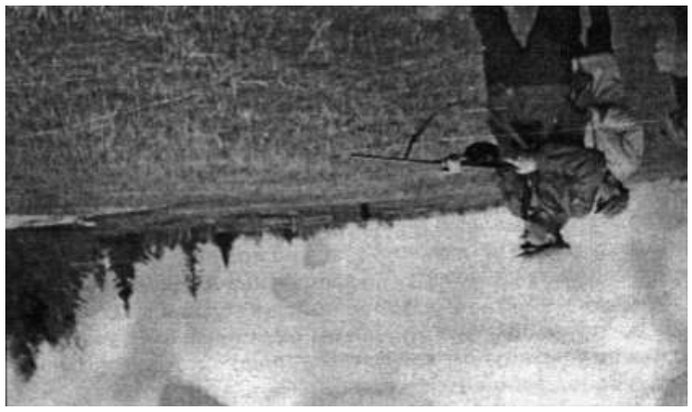
Два года проработал печником. Потом понадобились пилоточии. Пожалуйста. А затем возникла надобность в плотнике, машинисте котельной и... «незаметно пролетел на планете небольшой человеческий век».

миноме́тную науку — хоть сейчас на фронт. Но их время так и не подошло. Да и пол землю стали спускаться реже — в забоях их заменили пленные немцы. А так как Василий неплохо знал немецкий язык, его привлекали в качестве переводчика.

Своими знаниями он был обязан репрессированным, среди которых были и видные учёные, профессора. Иностранный язык в школе, например, преподавала немка, окончившая в своё время Смольный — институт благородных девиц, а описание — немец из Эстонии, который для особо одарённых детей вёл специальный кружок. Василий многому научился у него и на всю жизнь остался благодарен за науку.

В 1946 году он попытался поступить в Свердловский архитектурный институт, но не был принят — сын репрессированного. Выбора больше не было, оставался сельскохозяйственный институт в Троице, куда принимали почти всех. Вот и поступил туда, на ветеринарное отделение.

И опять ему повезло: преподавали здесь прекрасные профессора и доценты, ранее работавшие в московских и ленинградских вузах.



Отзывчивая на людскую беду

Мария Михайловна Иноземцева родилась на Чанской земле. Её родители Барышевы были высланы из Латгальского края в 1931 году. Выселили их в деревне Макарьевке на реке Чае. «Стонущие» берёзы плыли не только по многострадальному Васюгану, и по речке Чае их пришло немало.

Земля чанская спецпереселенцам понравилась, недаром первые русские поселения появились здесь ещё в начале XIX века. Земля давала хорошие урожаи зерновых, реки и озёра богаты рыбой, а тайга зверем, ягодами и грибами, кедровыми орехами.

Пашка, конечно, доставалась им потом и кровью. Раскорчёвку вели при помощи топора и верёвки. Начинали корчевать с какой-нибудь елани, и потом так и называли поля по имени этой поляны. Поселяне тосковали по алтайской земле, но первые же урожаи порадовали их, успокоили. Работали коллективно, ведь без какой-либо тягловой силы расковеевать землю под поле не каждой мне под силу. Многие мужики поняли, что зря они упорствовали, когда им предлагали вступать в колхозы, а значит, обрекли себя, а главное, детей на такие муки. Всё равно от колхоза не ушли.

Маша родилась в 1948 году. Начала учиться в родной деревенке. Семья переехала в село Малиновку, а затем в Молгольный Мыс, где была семилетняя школа.

Маша с детства мечтала стать врачом, и, как только представилась возможность, она в 1966 г. поступила учиться в Колпашевское медицинское училище.

Несла тепло своей души

В 1970 году фельдшер Барышева Маша приехала в Чажемтовскую участковую больницу, в которой было 25 коек. В штате 4 медицинских сестры и врач. Молодого специалиста в коллек-

Был взлёт ЛПК, и было его падение. Это пережито им вместе со всеми жителями Неготки.

Жил-жил и вдруг спохватился, что ему уже 64 года и пора на пенсию. Да и время такое наступило, когда и молодым-то негде заработать на кусок хлеба.

Не удержался я как-то, спросил у Анатолия Михайловича, как у него всё получается.

— Глаза есть — смотри, уши есть — слушай, а руки всё сумеют, — ответил он.

Сейчас Анатолий Михайлович большую часть времени проводит в тайге, на природе. У него в трёх местах срублены избушки: у озера — рыбачить, в тайге — для сбора ягод и грибов. Говоря словами поэта, «отдаться дикой тишине всегда отрадно мне».

Эта «дикая» тишина оборачивается хорошим приварком к заработанной пенсии, семья Кузнецовых практически не испытывает нужды ни в чём. Но есть у Анатолия Михайловича одна обида: всю жизнь, начиная с 10 лет, работал не покладая рук, а звания «Ветеран труда», выходит, не заработал. А в остальном нормально, жить можно. Но, как в песне, «...только эхо войны отзывается в наших сердцах». Разве может забыть он сгоревшую мать и умершего от ран отца? Это на всю жизнь опалило сердце и память.

2003 г.

щим нравится, как их принимают сёстры в физиотерапевтическом отделении и водолечебнице.

В пансионате применяют такие виды лечения, как:

— общие минеральные сероводородные ванны;

— грязевые аппликации, СМТ-форез сапропеля, электрофорез сапропеля;

— питьевая минеральная вода; лечебный массаж; физиотерапевтические процедуры.

Мария Михайловна руководствуется принципом «не навреди».

Поэтому осуществляется строгий контроль за состоянием больного во время принятия процедур.

За 5 лет работы здесь она убедилась, что в основном все отдыхающие уезжают домой с чувством глубокой благодарности к обслуживающему персоналу — за их стремление к тому, чтобы

тиве принялись хорошо. Теория — это одно, а практика нечто другое. Здесь, как и в механике, теорию знать хорошо, но в практике вот так. Заспорил с механиком — значит, не получится из тебя хорошего специалиста. И это во всех отраслях производства, не исключение и фельдшерская работа. Теоретически знает, как поставить внутривенный укол, а на практике испытывает страх. И хорошо, если у первого пациента окажутся хорошие вены.

Но — совсем опытных медсестёр, своя практика — и уже через год первые страхи покажутся смешными.

Мария через год уже считалась хорошим специалистом. Она ощутила, что нужна людям. Как сказал поэт,

«Жизнь хороша, когда ты людям нужен
И этой нужностью своей
Выдаешь до последних дней».

Прошелели годы... Выросли дети, определились в жизни. За 32 года работы в Чажемто много было казуслых случаев и происшествий. Её любовь к людям, к своей работе помогала с честью выходить из различных жизненных коллизий. После закрытия участковой больницы Мария Михайловна стала заведовать фельдшерско-акушерским пунктом. Она и хирург, и акушер, и скорая помощь. Она принимает на руки начинающего жить на земле человека, она и закрывает глаза ушедшему из жизни человеку... Авторитет непререкаемый.

Оформившись на пенсию, Мария Михайловна думала посвятить дальнейшую свою жизнь внукам, ведь своим детям некогда было уделить должного внимания.

В пансионат «Источник» поладобилась медицинская сестра. Мария Михайловна с удовольствием пошла работать в пансионат, и вот она уже 5 лет старшая медсестра этого учреждения. Под её руководством работает дружный коллектив медсестёр и санитарок, называемых так ласково — «нянечки». Отдыхающим нравится, как их принимают сёстры в физиотерапевтическом отделении и водолечебнице.

Одна, но пламенная страсть

Мы привыкли видеть Василия Христофорича Лотова с поленьей сумкой на боку, спешащего в дом, где требовалась срочная ветеринарная помощь. И даже когда он уйдёт на заслуженный отдых и стало пошаливать здоровье, то один, то другой односельчанин бежит, коль случается ЧП в личном подворье, именно к нему: хоть и работают на ветучастке прекрасные специалисты, а «свой» как-то лучше, надёжнее.

Василий Христофович и не думал, что станет ветеринарным врачом. Его «голубая» мечта — быть архитектором. И все предпосылки для этого были: он от рождения наделён даром рисования, которое стало в его жизни одной, но пламенной страстью.

Его детство и юность прошли на Южном Урале в посёлке Речелга. Кругом были заводы, шахты, рудники. Из этих мест на фронт не брали — все рабочие руки трудились на обороту. Лесистиссиком Василий с бригадой спускался в шахту и рубал, как говорят шахтёры, уголёк.

Было безумно трудно, но ученики отрабатывали 8-часовую смену и при плане 100 тонн выдавали на-гора 120 и более.

В 1942 после окончания школы он пошёл работать столяром. Рабочий день длился 8 часов, выходных не было. Правда, по воскресеньям они занимались боевой подготовкой. В распоряжение бригады выделили миномёт, и ребята неплохо освоили

быстро умял с молоком всю булку, и это стало для него той вехой в жизни, которой он руководствуется до сих пор. Задумает перейти на другую работу — зигзаг времени преподносит ему запах той булки, — значит, будет удача.

Почти насильно отправили Егора в горнопромышленную школу, а затем на шахты Прокопьевска. Запаха хлеба он не ощутил. Не будет удачи. И точно — через 7 месяцев случился на шахте обвал. Среди пострадавших оказался и Егор.

Вернулся в родные Чирики. А вскоре призвали в армию. Интересная была служба и интересные предложения в конце её. Но нет — запах хлеба вновь увлёк его в родные края.

С верой в будущее

До слёз жалко было видеть, как рушили деревню, объединяя колхозы. Надо было куда-то уехать, чтоб избавиться от этой боли. Жена согласилась на переезд на север. Закрыл глаза Егор и ткнул пальцем в точку, наиболее удалённую от Алтайского края. Под пальцем прочёл: Тымск.

Добрались до Каргаска. Далее надо было добираться теплоходом до Тымска. А он возьми да сломайся. Значит, не судьба. Устроился Егор завхозом в школу № 2. Потом работал на почте, в РСУ. И везде его ценили, уважали. Теперь он на пенсии, в прошлом году отметил своё 70-летие.

Полюбил он суровый северный край не меньше, чем свои алтайские Чирики, и надеется, что Каргасокский район с честью выйдет из застоя, засосавшего в свои топи лесное хозяйство, животноводство, и всё, что с ним связано. Оправятся от шока люди, и жизнь пойдёт своим чередом. Ведь не зря он и его однолетки в поте лица трудились ради победы и мира на родной земле.

Василий Хрисанфович даже показал мне альбом с карандашными рисунками, запечатлевшими этих замечательных людей. А кроме них на альбомных листах сохранились портреты сокурсников, родных, знакомых. За долгую жизнь у этого самобытного художника накопились сотни рисунков, великолепных пейзажей, выполненных акварелью.

В Каргасок он приехал по распределению уже женатым человеком. Сам Василий Хрисанфович получил назначение главным врачом районного земельного отдела, а Людмила Николаевна приступила к работе в ветлаборатории.

Началось знакомство с районом, с участками, которых в то время было 26, и среди них такие крупные, как Чижапский и Новоюгинский, с большим количеством колхозов и артелей, расположенных по Васюгану и его притокам. Работы было не занимать. Однако любимое дело не забывал: куда бы ни выезжал, в сумке с медицинскими инструментами всегда лежал альбом для рисования, карандаши, кисти, акварель.

Сколько было рисунков, рассказывающих об истории района и людях, проживающих в нём! Он устраивал выставки, чтобы все земляки могли познакомиться ещё лучше с родным краем.

неправильное использование сельхозтехники». Про планы по раскулачиванию хозяйств они ещё не слышали. Итак, отца — в тюрьму, а семью без вещей и продуктов погрузили на баржу и... Даже 112-летнего деда, которого, кстати, не было в описи, не пощадили.

Баржу «разгрузили» в Малом Яру под Наунаком на Васюгане. Что было делать? Начали готовить жильё, вкапывать столбы, соорудить дом-пригон с земляным полом и небольшой печуркой из самодельных кирпичей. Первым заболел и умер дед. За ним младший братишка. Катя изо всех сил помогала матери домовничать.

Через год выпустили отца. Приехал он к ним, зашёл в конуру и заплакал...

Его приняли на работу в каргасокский райобзавод. Поругав всю всю семью на лодку, он уёз её в Каргасок. Построили домишко на улице Трактовой, сбили русскую печь, постепенно начали обживаться. Но осенью следующего года власти снова всё отобрали и всю семью вывезли в Вондарку; теперь уже под присмотр комендатуры. Отец со старшим сыном опять строят дом в Вондарке. Уже который... Катя поэтому пошла в начальную школу, и закончила её только в 41 год, когда началась война.

Старшего брата забрали на фронт. Отец совсем расхворался, и, как бы ни хотел, чтобы Катя продолжила учёбу в Каргаске, решил, что нужно помогать матери: одной ей не прокормить семью. Катя вместо учёбы пошла работать — пилить дрова для спиртопромыслового завода. Дрова пилили на грыже посёлка Недоступный. Едили на обласке. В любую непогоду. Всякое бывало, но остались живы. Зато похоронили отца.

Забрали на войну второго брата и сестру — на военный завод в Новосибирске. Жить стало ещё труднее — голод, валеть нечего. Да и, собственно говоря, куда было ходить — на работе уставали так, что, придя домой, мало-малыски поев, замертво валились на топчан.

Запах хлеба в эпизоде времени

Война. Почти каждый из детей той поры пережил голод, нимету, тяжёлый, непосильный труд. И позднее каждый поел «от пуза» настоящего хлеба, и запах, и вкус которого запомнились на всю жизнь.

Егор впервые наелся досыта в 1949 году — купил буханку белого хлеба и всю её съел в один присест. С тех пор прошло много лет, но и сейчас, закрыв глаза, Егор Иванович улавливает запах этого хлеба и ощущает его вкус.

Работать пришлось с шести лет. Проворный, сообразительный пацанёнка поправился звеньевой, глухонемой Степанидо, и она взяла его возить коньи на сенокосе. Если не нравилось, как Егорка заехал к коньe, била его граблями, злобно шипя, заставляли требуя подъехать заново.

Несколько часов мы рассматривали работы Василия Хрисанфовича. Вот его умелая рука запечатлела деревни, которых уже нет в помине: Маломуровка, Игол. А вот — любовно нарисованные деревья: могучий кедр, как бы пронзающий своим мощным суком соседнее дерево; кап — словно медвежья морда, выглядывающая из дупла. Десятки акварелей и карандашных рисунков, оставшихся как память об отдыхе в Железноводске.

В семье Лотовых рисованием увлечены все: дочь Татьяна преподаёт в художественной школе, Людмила Николаевна увлекается акватипией. Это нечто из разряда новомодного: наносится кистью несколько мазков цветной акварелью на стекле, прикладывается лист бумаги, разглаживается — рисунок готов! Что хочешь, то и увидишь, как у В. Бокова:

«Птицы и петли, круженья, разводы,
Листья и стебли, колосья и злаки,
Редкие, мудрые формы природы,
Сердца влюблённого тайные знаки!».

Не надо и иконы «Умягчение злых сердец» — посмотрите эти рисунки, и разольётся по сердцу благодать.

Немало в коллекции Василия Хрисанфовича портретных рисунков руководителей района, коллег по работе. Одни из них уехали, других уж нет в живых. Посмотрел — и вспомнил Новикова, Аристархова, Воронова и многих других.

Если отбросить детскую и юношескую мечту об архитектуре, Василий Хрисанфович о своей жизни может сказать словами героя одного из фильмов: «Главное, что я задумал, что во мне живёт — я выполнил!»

2005 г.

Зашёл как-то в дом бригадир:

— Хватит лоботрясничать. Завтра же запрягай корову, будешь воду на ферму возить.

Матери удалось где-то раздобыть чуни (резиновые калоши). Из рукавов старой фуфайки сшила чулки, и началась трудовая деятельность Егора Деменчукова.

Два года проработал в колхозе на разных работах. А в 14 лет его назначили почтальоном. Почта была за Обью, в 10 километрах от их посёлка. Как всегда, в его лодку садилось до 10 попутчиков, и он перевозил их на другую сторону Оби. Не всегда переправа оказывалась благополучной. Однажды решился он в бурю преодолеть реку. Даже пассажирский пароход, проходивший мимо, причалил к берегу — не отважился капитан рисковать людьми. А Егор поплыл. Волны захлёстывали лодку, почтовые мешки плавали в воде. Однако судьба сжалилась над парнишкой — спасла от гибели. Но не спасла от прибежавшего бакенщика. Тот за такую «героическую борьбу» со стихией несколько раз огрел Егора гребью.

Как колхозник в свободное от почтовых перевозок время Егор работал на сенокосе. Взрослым, выкосившим норму в 40 соток, давали по килограмму хлеба, и Егор работал до остервенения.

С отменой карточек хлеб стали продавать свободно, и первая покупка большой пышной булки белого хлеба ознаменовала конец голода. Всем дали понять: кто работает — тот ест. Егор

Нелёгкая была это работа. Сдали малышню на лошадь, и целый день, часов 12-14, они ездили по кругу. Ночёвка падала от усталости и тут же засыпали прямо под ногами у лошади. А поздно вечером, перед тем, как отправиться домой, они обязаны были отвести лошадей в ночное за несколько километров от деревни. Домой приходили далеко за полночь. В 7 утра — подъём, и опять такая же круговерть.

Ни хлеба, ни кроваи

Жизнь у Егора началась не очень удачно. В семье было двое детей. Отца арестовали, и он сгинул где-то. Своего угла не было.

Однажды Егорка свалился с полатей и угодил между двух печей, одна из которых была очень горячей. Обжёг живот. Болел долго и тяжело, до трёх лет не ходил и не говорил. Сестрёнка, которая была старше брата на шесть лет, уже сама зарабатывала на кусок хлеба нянькой в чужих домах.

...Мать была в отчаянии — уже несколько дней не могла она достать ела для Егорки. И вот, идя в соседнюю деревню и слышa, как Егорка подвывает, прося есть, посадила его на обочину (авось кто подберёт) и пошла дальше, не оглядываясь. Но на повороте не выдержала, обернулась. Егорка, широко разинув рот в безмолвном крике, протягивая ручонки, быстро полз за ней по грязной дороге. Сквозь рубцы бежали по его вымазанному лицу. Какое материнское сердце выдержит такое? В несколько прыжков добежала она до сына, схватила на руки, прижала к себе, прося прощения за свой безрассудный поступок...

Егор как-то быстро встал на ноги, заговорил, и стал таким сорванцом, что прозвище, данное матерью, — «шкода» — прочно закрепилось за ним. Ну а в шесть лет начал работать.

Кто работает — тот ест

Закончилась война, но жизнь не стала легче: одежда поизносилась, обувь нет. Всю зиму Егорка бегал в шкоду босиком. Прибежит домой — и на печь, отогревать ноги.

У каждого своё понятие о счастье

Катя Балушкиной, молоденькой девчушке, возившей дрова на быке, на всю жизнь запомнился урок, преподанный ей матерью. К весне в артели закончились корма, и скот кормили соломой, тревёв её с крыш арестованных приторов. Коровёнки съедали эту солому каждую весну. Катя возила дрова под навес, а старики и дети сидели с них кору, чтобы потом чистую древесину свести на спиртопорошковый завод. Бык мататься от истощения, часто ложился, и Катя, отгавшись подлить его, стоила и плакала от бессилия. Однажды бык завалился прямо около дома, и мама, услышав Катины крики, вышла и пожурила дочь: бык, мол, вместе с нами горе мыкает, лаской с ним надо, а то Бог накажет. И бык словно понял — встал и потянул воз под разгрузку...

За что выслали с Алтая, семьи никак не могла понять. Жили, работали, наломи платили закурятно. Десять человек, шесть работников. А уж работали... Даже дедушка, которому перевалило за сотню лет, управлялся по дому, когда семьи была занята на уборке хлебов или на сенокосе. Конечно, имели несколько коров, лошадей, сельхозмашин.

В начале тридцатых годов вдруг арестовали отца. Только построили просторный дом, в котором свободно размещалась вся семья. Про обвинение узнали уже в 90-х годах — «за

Однажды в Степановке при раскрытии убийства женщины Виктор Алексеевич предугадал убийцу, которой оказалась соседка убитой, очень интересовавшейся, нашли ли убийцу. Он отправил запрос в УВД Читинской области, откуда женщина приехала. Оказалось, что она находится в розыске как убийца-рецидивистка, на совести которой подобные степановскому преступления в Чите.

В 1983 году Виктора Алексеевича назначили прокурором Каргасокского района, и проработал он в этой должности почти 10 лет, до 92-го. Ушёл на отдых, а через год уговорили вернуться в прокуратуру, и он отработал в должности заместителя прокурора района ещё 8 лет. В 2001 году вышел в отставку по выслуге лет.

Но, уйдя из юриспруденции, он оставил прекрасную замену: его дочь Евгения окончила юридический вуз, работает помощником судьи в Томске.

2003 г.

Особенно Катя уставала на заготовке дров. Согласно норме, надо было распилить и наколоть пять кубометров дров, расчистить снег, положить слеги, сложить дрова, сжечь сучья, и ещё спилить пеньки, если они выше пяти сантиметров от земли — лесники строго следили за этим. Постоянно в снегу, который таял от костра, одежда мокрая до пояса. А когда шла домой, еле ноги передвигала в скованной морозом юбке.

Зимой посылали и на другие работы. На пару запрягали шесть лошадей в сани, и ехали за сеном. А ещё на известковый завод — в Бондарке выжигали известь и везли на спиртопорошковый.

Каторжная работа продолжалась до 54 года. Отработав в Бондарке четырнадцать лет, Катя решается уехать в Каргасок. Устроилась на почту — вначале уборщицей, затем стала разносить телеграммы. Попросила девчат поучить её. Взяли, и в результате она проработала телефонисткой двадцать лет. Её позывной «первая», наверное, помнят все каргасокцы средних лет. В 63 году к ним устроился старшим телеграфистом пришедший из армии Михаил Монголин. Ему тоже, как и Кате, было уже за тридцать. Вот и нашла свою судьбу. Родились дочери.

Как-то незаметно подошёл пенсионный возраст. В 75 году, оформившись на пенсию, Екатерина ушла с «телефонки» и снова стала работать уборщицей. Так прошло ещё 26 лет. Екатерина Васильевна до сих пор работает и даже не мыслит себе жизни без дела.

В помещениях узла связи чистота и порядок, и верится с трудом, что такую чистоту поддерживает женщина, которая через пару лет будет отмечать восьмидесятилетний юбилей. Коллектив РТУ для неё — как родная семья. И в этом Е. В. Монголина видит своё истинное счастье.

Однако возраст уже нешуточный, сказываются прожитые в непосильном труде годы. Словом, предел уже не за горами. Екатерина Васильевна очень хотела бы уехать к дочери в Томск. Но у той такая маленькая квартира, что бабушка создаст семье определённые трудности. Узнав о постановлении губернато-

цузском, правда, не так свободно. Учительница французского, заметив склонность его к языкам, проводила с ним дополнительные занятия. А вот русского языка не знал совсем.

В 1940 году пришла в их край советская власть, начали создаваться колхозы. Отец вступать в коллективное хозяйство отказался наотрез, хотя старший сын Семён вступил, и даже работал там бригадиром: мужики, зная из какой хозяйственной семьи он, сразу же доверили ему этот пост.

Семён уговаривал отца, предупреждал, что скоро начнётся раскулачивание, всё отберут, а самих отправят в Сибирь. Но отец не верил. Как это могут отобрать нажитое собственным трудом, своими потом и кровью? А зря. Вскоре всех, кто не пошёл в колхоз, начали раскулачивать. Когда пришли к деду Игнатию имущество описывать имущество, сердце того не выдержало — он в одночасье скончался. Похоронили его и стали жить своей участи.

Когда хорошо запомнил эту дату — 13 июня 1941 года. Глубокой ночью застучали приклады ружей в двери. Войдя в дом, незванные гости сразу же стали требовать от отца отдать листогеты. Устроили обыск, ничего, конечно, не нашли, однако отца увели.

Старшие дети уже жили отдельно от родителей.

На пути к признанию

Виктор — уроженец Каргаска. Он родился в 44-м, и вправе сказать про себя словами поэта: «Я родом не из детства — из войны».

Отец Виктора вернулся с фронта по ранению в 43-м. Был Алексей Петрович на фронте политруком, и по возвращении районом партии пригласили его на работу в горотдел.

Как все мальчишки, Виктор позднее не раз приставал к отцу с расспросами о войне, но Алексей Петрович не любил о ней рассказывать, и отвечал словами А. Твардовского: «Она была страшна сулбина: в сражене без вести пропасть».

Вскоре отца перевели секретарём райкома в Пудинский район, а в 53-м — в Новый Васюган. В этом посёлке Виктор окончил 7 классов. В памяти остались красивейшие места, друзья, и преподаватель радиоклуба Л. Е. Кривошеин, который хорошо играл на балалайке и обучал игре на ней Виктора.

Дмитрий Ефимович был трудолюбивым и настойчивым учителем, и Виктор быстро научился виртуозно владеть этим старинным русским инструментом. А потом научился играть на мандолине, гитаре, и даже на скрипке.

В 1959 году Новороссоянский район был ликвидирован, и Левятовы переехали в Каргасок.

После окончания школы Виктор поехал поступать в военное училище, но не прошёл медкомиссию, и вернулся домой.

Как-то встретился с инспектором РОНО А. И. Сосниным, старым знакомым семьи. Тот поинтересовался делами, и предложил поехать в Майск учителем истории и немецкого языка, помня по школе успехи парнька именно по этим предметам. Виктор согласился, и через некоторое время его уже встречал директор майской восьмилетки Н. К. Лавринов.

Сперва год Виктор начал преподавать историю и обществоведение в старшеклассной средней школе. Здесь он организовал заснамбль народных инструментов, который выступал не только в своём селе, но и выезжал с концертами в соседние.

ра области о том, что устанавливается очерёдность на получение квартир в городе по программе переселения с Севера, обратилась в районную администрацию. Пообещали поставить на очередь после первого января 2002 года.

А может быть, в порядке исключения, учитывая, что прямой трудовой стаж Е. В. Монголиной зашкаливает за шестьдесят лет, учитывая кошмарно прожитые детство и молодость, каким-то образом найти возможность поставить её на очередь для получения квартиры уже в этом году?

2001 г.

Вся жизнь в преодолениях

Константин Пустинович Сушкевич «умудрился» родиться 9 мая. И никто тогда даже не предполагал, что этот день станет историческим, что вся наша великая страна будет отмечать его как День Победы. Так что для моего рода 9 мая — праздник вдвойне. А в нынешнем году — втройне, потому что это будет ещё и день его 80-летнего юбилея.

Взгляд в прошлое

Семья Сушкевичей, считающих себя украинцами, жила в Молдавии, или, по-старому, Бессарабии, которая входила в состав Румынии. К моменту рождения близнецов, нарекённых Константином и Александром, в ней было уже семеро детей. Причём они оказались не последними — через шесть лет семья пополнилась ещё одним малышом — Иваном.

Жили в селе, имели сотню гектаров земли, лесистую часть которых занимали виноградник, фруктовый сад, бахча и огород. Держали пять рабочих лошадей, несколько коров и целое стадо свиней. Последних пас Костя с самых малых лет.

А ещё запомнилось ему нескончаемое после свёклы, которое вся семья под палящими лучами солнца полола, прихлипывая, пожалуй.

В доме господствовал украинский язык, но Костя мог свободно говорить и на молдавском, и на румынском, даже на фран-

Перед законом все равны

Через три года работы в Каргасокской прокуратуре Виктор Алексеевич назначается прокурором Верхнекетского района. Вот где ему пригодились общественная работа и участие в художественной самодеятельности, работа в райкоме комсомола: он быстро находил общий язык с людьми в коллективах, в беседах с населением, в общении с коллегами.

Прокурор — если не член бюро, то уж член райкома партии обязательно, а потому частенько приходилось ему противостоять давлению секретарей и членов бюро, когда они брали под защиту привлечённых к ответственности руководителей хозяйств за нарушение законов, бесхозяйственность, а порой и хищения. Даже принимались специальные решения бюро, обязывающие прокурора не привлекать к ответственности такого-то. Но Девятов был принципиален:

— Перед законом все равны, — заявлял он, — а прокуратура осуществляет надзор за точным исполнением законов всеми гражданами, а не только рядовыми Петровыми, Сидоровыми, Ивановыми...

И при поддержке областных коллег добивался своего.

Что интересно: по нумерологии он относится к цифре 9. А она является символом обусловленного судьбой обязательного пути (она складывается из даты рождения). Если бы девятка могла говорить, она сказала бы так:

— Хаос всем задаёт бесчисленные загадки. Я разгадываю их, и тем самым приношу избавление от жажды. Я для всех — учитель. Я учу единицу — терпимости, двойку — самостоятельности, тройку — отречению, четвёрку — лёгкости, пятёрку — раскованности, шестёрку — скромности, семёрку — скрытности, восьмёрку — любви.

«Девятки» обладают возможностями развить способности медиума, позволяющие воспринимать физические сигналы окружающих, чувствовать настроение и предугадывать потребности.

Оленив организатор-ский талант Левитова, райком ВЛКСМ пригласил его на должность заведующего шелкольным отделом. Конечно же, он сразу стал активным участником агитбригады, которой в те годы много внимания уделяли заведующий отделом культуры Л. Г. Погорелов и директор РДК М. К. Нестеров. Не один километр проехала агитбригада по Оби и Васюгану, радуя своими выступлениями. А для Виктора эти поездки были ещё и командировками: будучи одновременно радиопрограммистом района, он всегда брал в поездки магнитофон и записывал интервью с самыми интересными жителями района.

В Среднем Васюгане познакомился он с милой девушкой по имени Галина, которая несколько лет спустя стала его женой.

В 66-м Виктора направляют на учёбу в Свердловский юридический институт, где он был зачислен в прокурорскую группу. По окончании института ему предложили несколько мест на выбор: Волгоград, Курган, Омская область. А он попросился в Томскую. Получив отказ, выразил желание поехать в какой-нибудь таёжный район Омской области, и оказался в городе Таре.

Но отец хотел видеть сына рядом и не оставлял своих попыток вернуть его в родные края. Сначала по ходатайству райкома партии его перевели в Колпашево, а спустя два года — в Каргасок.

Вот там и состоялось то самое «боевое крещение», о котором Виктор Алексеевич вспоминает с улыбкой. Можно представить выражение лица судмедэксперта, когда обследуемый «труп» вдруг схватил его за руки.

Родом из войны

Молодому следователю прокуратуры Виктору Девятову в его первый рабочий день пришлось выехать в посёлок, откуда пришло сообщение об убитом мужчине. Выехали бригадой. Зашли в сельсовет, где узнали, что жил убитый один. Утром на работу он не вышел, а посыльный сообщил, что дверь закрыта изнутри. Посмотрел в окно и увидел, что хозяин лежит на кровати весь в крови.

С участковым и понятыми «прокурорские» пошли к дому убитого, как предположили. Сорвав дверь с крючка, вошли внутрь. Прямо около двери стояла лужица крови, и кровавая дорожка вела к кровати, на которой лежал труп.

Судмедэксперт подошёл к нему и начал осмотр, диктуя одновременно:

— На шее неглубокие порезы, грудь... — он поднял подол рубахи, затем хотел перевернуть труп, и вдруг вздрогнул, отшатнулся.

«Труп» открыл глаза и злобно уставился на судмедэксперта:

— Ты кто? А ну пошёл к...

И кинулся с кулаками.

Успокоили, допросили. Оказывается, он с перепою хотел покончить с собой, но не смог, лишь порезался.

Но это был, пожалуй, единственный случай, когда труп ожил. Дальше было всё иначе.

телей. Матери с пятью младшими приказали выйти во двор. А там уже стояли две подводы, на которые их усадили и повезли в центр района Флорешты. По приезде туда сестра Наталья отнесла отцу одеяло и подушку, а заодно и узнала, что мужчин повезут на Север, а всех остальных в Сибирь.

22 июня эшелон прибыл в Челябинск, и его сразу загнали в тупик. Он простоял там целую неделю, пережидая, когда пройдут эшелоны с танками, самолётами и красноармейцами на запад, туда, где уже гремела война и лилась кровь.

А потом ссыльных снова повезли на восток. Высадили под Новосибирском и заставили всех полоть свёклу. Работа была привычной, и люди старались изо всех сил. Кормили три раза в день, а после окончания прополки выплатили деньги за труд. Затем привезли в Новосибирск на пристань, посадили на огромную деревянную баржу, и катер потащил посудину вниз по Оби.

В умелых руках любое дело спорится

Баржу довели до Каргаска, где всех и высадили. А через несколько дней к причалу подошли уже небольшие баржи, и повели их катера вверх по Васюгану. По пути в каждом посёлке высаживали по нескольку семей. Посёлки эти были заселены спецпереселенцами ещё в 1931-м году.

Сушкевичей высадили в Большой Агриве. Председатель тамошнего колхоза Александр Герасимович Ельцов определил их на жительство к Василию Петровичу Фомичёву — упорному единоличнику, у которого и была-то всего одна корова с боталом, да небольшой огородик на косогоре. Земли ему не давали, а жил он в бараке, построенном переселенцами ещё в 1931 году.

Соорудили нары, отремонтировали печь. Мать решила в колхоз не вступать, но парни на работу ходили, да и Наталья тоже, и через год они настояли на вступлении семьи в колхоз, мотивируя это тем, что тогда дадут землю под огород.

Младший, Ваня, пошёл в школу. Кстати, он единственный из большой семьи Сушкевич получил высшее образование.

Ре и Устр-Чижамке у него в ведении были пилорамы, в Эзель-Чворе — электростанции. Конечно, он ездил на всяческие курсы механизаторов, но в основном всё постигал самостоятель-но. Любой мотор он чувствовал, как живой организм, и легко устранял неполадки.

По-русски научился говорить, читая газеты. Очень серьёзно относился к инструкциям, прилагаемым к различным механизмам. Получил, например, совхоз комбайн. Константин внимательно прочёл инструкцию, сел на комбайн и продемонстрировал работу всех узлов агрегата. Так же осваивал и токарный станок.

В 1975 году решил пойти работать на катер — это давало больше свободного времени для охоты, рыбалки, ставшими для него любимыми занятиями.

Сибирь стала краем родным

В 50-е годы, когда многие ссыльные возвращались в Молдавию, Константин тоже решил съездить на родину, посмотреть на родные пещеры. Но, приехав, уже через несколько дней почувствовал острую тоску по вдохновенным просторам. Чувства родины и свободы на молдавской земле он не ощутил. Домой! Это значит — на Васюганы!

И ещё раз пять ездил в Молдавию в отпуск, но всегда торопился в ставшую родной Сибирь.

В 1983-м Константин Пустиовиц переехал в Каргаск, но связи с Устр-Чижамкой не порывал: зимой охотился на отведённых угодьях, весной и летом рыбачил. Приобрёл списанный катер-метчик, отремонтировал, установил мощный мотор. Катер стал не только быстроходным, но и благоустроенным жилём: в каюте — не в палатке на берегу, тут тепло, сухо в непогоду и прохладно в жару.

С работы уволился, когда ему исполнилось 64 года, и то лишь потому, что сильно начали болеть ноги. Понял, что отрыбачил, и решил продать катер, чтобы меньше было соблазна снова уехать на любимые водоёмы.

на участки в 2-4 гектара. Не разбежишься. А здесь — шагай день, шагай два, шагай месяц... Свобода!

Шесть лет отработал он по договору, а когда его земляки уехали, поступил в Каргасское лесничество. Это уже навсегда привязало к нашей земле. Тем более, когда встретил белокурую русскую девушку.

Всё складывалось хорошо: были дом, семья, двое сыновей, любимая работа, наслаждение сибирским приволжьем, и вдруг... Правда, не совсем вдруг. Однажды, это было в 96-м, лесники затравливали лес зимой, заодно проводили и санитарную рубку. Ёлок спешил, хотелось побольше навалить хлыстов. Запилил дерево, которое «смотрело» на него. Но пилу зажало. Стал осваивать, а ствол закрутился на пне. Зона безопасности, которую он выбрал, оказалась неудачной, и ему досталось по спине. Травма довела до тяжёлой болезни.

Немного отошёл — и снова за работу. Думал, миновало. Но постепенно стали беспокоить ноги, а точнее — просто мучить. Одна порой совсем отнималась, таскал её волоком. Хромал, но на работу ходил, поскольку был убеждён: покуда человек жив, он должен свой хлеб есть.

Но в больницу пришлось обращаться вновь. В районной поликлинике поставили диагноз: закупорка сосудов. Это у той ноги, которая совсем «отстёгивалась». Прооперировали, а после выздоровления — снова в лес. Но болезнь не отступала. Неевыносимо стала болеть вторая нога. Боль была другой, постоянной и не проходящей. Ёлков совсем обезвяжел. С тоской смотрел на лес, на берег, который всего в двухстах метрах. Но дойти до него, посидеть с удочкой, обрести душевный покой — нет сил.

Крепко закручинился Ёлков — молодой ведь ещё совсем. Жизнь только налаживалась, всё шло путём, и на тебе — два года мучения. Получалось по пословице: хвали жизнь при смерти, а день — вечером.

И снова поехал в поликлинику. Врач С. Севастьянова тщательно обследовала больного. Выяснилось, что не нога виновата,

У Кости, да и у Александра тоже, открылся талант кузнеца, механизатора: за что бы ни брался Константин, всё у него получалось как у опытного мастера. Ремонтировал старые моторы, построил для колхоза мельницу, выполнял многие кузнечные работы.

Не отставал от него и Александр. Мать с гордостью слушала похвалы своим сыновьям. Александр, отправленный колхозом в леспромхоз, и там хорошо зарекомендовал себя. Начальник лесоучастка сказал однажды председателю колхоза:

— Пусть Сушкевич остаётся у нас работать, тогда не будешь больше к нам людей присылать.

Согласился Ельцов, хотя хорошие работники и колхозу были нужны.

Надо сказать, что места вокруг были богатыми на боровую дичь, в лесу табунами ходили олени и лоси. А политнадзорным, кроме кадровых охотников, оружие не доверяли, и Константин, работая в кузнице, начал мастерить ружьё: где выброшенный ствол подберёт, где ложе, где спусковой механизм неисправный найдёт. Чистил, ремонтировал, собирал, и наконец опробовал своё самодельное оружие в лесу.

Стал носить домой птицу — в семье повеселело. Но когда принёс мясо оленя, мать испугалась, замахала руками:

— Идите в лес, там варите и ешьте. Увидят, узнают — посадят.

Еле-еле уговорили, но из предосторожности варили мясо ночами, а кости сжигали в печи. Костя, конечно, остерегался, и никогда ружьё в деревню не приносил, а прятал в лесу, завернув в тряпки, пропитанные дёгтем, — другую смазку достать не было возможности.

Время бежит не останавливаясь

Возмужал Костя, начал к сударушкам похаживать, а мать поругивала:

— Шо ты блукаешь? Женись!

Сестра Наталья вышла замуж за Григория Пластуна и жила в посёлке Салат, где была промартель, в которой получали

ботать, работать. Как верно сказал мудрец Вольтер: «Труд освобождает нас от трёх зол: скуки, порока, нужды».

Ну, если это философия, то ближе к жизни заповеди замечательного врача Поля Брэгга, первая из которых гласит: «Ты должен почитать своё тело, как величайшее проявление жизни». Или: «Ты должен постоянно пополнять свои знания законов природы, сделать это девизом своей жизни и радоваться своему труду».

Мысли Фёдора совпадают с точкой зрения на жизнь и здоровье мудрых людей. Доброго тебе пути на дороге преодоления!

1999 год

а позвоночная грыжа, образовавшаяся на месте удара. Лиск позвоночника зажал нерв, отчего ноги не слушаются и болят непрерывные. Направила локтора в областную клиническую, в отделение нейрохирургии. Там диагноз подтвердился, и Фёдор вновь попал на операционный стол.

Выписывая из больницы, нейрохирург Ошманов наказал: не лежать! Непременно ежедневная гимнастика, а потом — лёгкий труд. И завершил: если будешь соблюдать все вышеуказанные предписания, то через год мешок картофеля на спину можно будет кидать. В то же время предостерёг: не переусердствуй! Если почувствуешь тяжесть в позвоночнике, немедленно всё прекращай, и — отдых. Восполнить своё здоровье надо постепенно. На этот счёт учёный, хирург Н. Амосов говорил: «Здоровье само по себе восполняется только тогда, когда его уже нет. Однако существует адаптация к неприятным ощущениям, особенно когда человек занят интересным делом. Чтобы сохранить высокий уровень душевного комфорта, нужно разнообразие».

Очень обстоятельно следовал Фёдор советам доктора. После операции 4 месяца не мог сидеть. Или стоял, или лежал. Комиссия ВТЭК вынесла вердикт — вторая группа инвалидности. Но тоже рекомендовала лёгкий труд, по физическим возможностям. И Фёдор старался вовсю. Ходил (!) на рыбалку, ремонтировал шлюз, точил цепи, поневолу столярничал, помогал ремонтировать шлюз. Он верил, что сможет нормально ходить, работать, потому испытывал непреодолимое желание двигаться, и радовался, как ребёнок, делающий первые шаги.

В конце нынешнего года ему снова на комиссию. Фёдор уверен, что к этому сроку он окончательно преодолеет свой недуг, и что из второй группы инвалидности его переведут в третью, а там через год-полтора сможет вернуться на свою любимую работу. В самом деле — какие его годы, ведь пока живёшь на белом свете — радуйся и не считай их. Главное — не замыкаться на недугах и болячках, а жить в активном движении, работать, ра-

ленькли, а не трудолюбие-тяжёлки. Вот и задумал Константин перебраться туда. Но в колхозе не выдавали справку, а без неё на работу не принуждут, документы не получишь.

И всё же в 1956 году он начал работать в промартели. Председатель колхоза пожаловался в райисполком, что не работает кузнеца и не ремонтируется сельхозинвентарь, а посевная на носу. Приехал сам председатель Коротких, бывший начальник милиции. Вызвал Константина:

— Что ж ты родной колхоз бросил?

— Мне уже 28 лет, пора семью заводить. Родится ребёнок, даже пелёнки не на что будет купить. Хочу заработать денег.

— Давай договоримся так: едешь в Большую Пиву и готовишь там весь инвентарь к посевной, ставишь на линейку готовности, а я пришлю распоряжение о выдаче тебе справки.

— Обманете, — усомнился Константин.

— Я председатель райисполкома и слов на ветер не бросаю.

Так и разрешилась ситуация.

Константин как раз познакомился с девушкой по имени Ана, которая окончила Кошмашевское училище и была направлена на работу в посёлок Салат. Только договорились пожениться, а он вдруг едет в Большую Пиву. Но он сумел успокоить свою избранницу.

Всё отремонтировал — плуги, бороны, культиваторы, сеялки. Председатель принял, сообщил в райисполком о готовности к севу, и Константин вернулся в Салат. Оформился на работу охотником. Сыграли они с Аней свадьбу. А предлика слово своё сдержал — справку Константин получил.

Потом Салатскую промартель передали в карасокский леспромхоз. Костю приняли механиком.

В Салате Сушкевичи прожили 15 лет. Здесь у них родились дети — сын Александр и дочь Ольга.

После Салата немного пожили в Жёлтом Яре, а затем Анну направили в Старо-Бердовскую школу. Костянтин устроился механиком в Усть-Чижапский коопзверопромхоз. В Жёлтом

Конечно, он и сейчас, в 80 лет, душою на охоте и рыбалке. А ещё для души, как признаётся сам, любит держать порося. Сам готовит потом сальтисон из свиной головы, солит сало. «Это национальное», — смеётся. А уж приготовить сало и колбасу он умеет, как умеет постряпать и борщ сварить.

Один живёт Константин Иустинович, но в квартире чистота и порядок. И лишь сетует иногда:

— Жизнь пролетела, словно выпущенная из лука стрела. Только подумать, сколько всего произошло за восемьдесят лет, сколько узнано, повидано, пережито! Многое пришлось преодолеть. Чего-то достигал. А теперь одна думка — ноги бы совсем не отказали. А жить надо. Надеюсь ещё увидеть, как снова заработает народ, и будут все жить в довольстве и радости. Очень надеюсь.

2008 г.

Преодоление

Фёдор Бобя — потомственный лесник. В Молдове, в местечке недалеко от Кишинёва, его отец всю жизнь проработал лесником, и хотел свою «должность» передать старшему сыну. Фёдор тоже готовился стать лесником, потому после школы подал документы в школу лесничих. Но не повезло ему — не прошёл по конкурсу. А поскольку школа лесничих была единственной на всю Молдову, решил выучиться на столяра, хотя с раннего детства научился, в семье все любили заниматься столярным делом. Федя отлично управлялся со столярными инструментами и был хорошим помощником отцу и старшему брату.

Любят в Молдове украшать свои дома, и большое семейство Бобя хорошо прирабатывало, выполняя заказы тех, кто строил новое жильё или ремонтировал старое. Да и свой дом они с такой любовью отделывали, что жители села приходили полюбоваться на него, как на картинку. Отец приговаривал: «Кто добро творит, того Бог благословит». Или: «Для добра трудиться — есть чем похвалиться». Или: «Доброе дело два века живёт». И дети, помня его присказки, старались приносить людям радость, от чего сами получали удовлетворение.

После службы в армии (84 год) Фёдор с большой группой земляков приехал по договору в Сибирь, на каргасокскую землю, и был поражён простором, необъятной ширью, ну прямо как в песне Лавриненко: «Не окинешь взглядом, не охватишь взором». И влюбился Фёдор в наши края. Тайга влекла его охотой, рыбалкой, неописуемой красотой.

Один год он проработал помощником вальщика, а потом сам взял в руки пилу, и постепенно вырос до профессионала. Накрепко привязала к себе тайга, вернее, как говорит он сам, свобода. В Молдове куда ни ступишь — земля хозяйская, поделена

Через год Таисия вышла замуж, сменив фамилию на Смирнову. Её муж решил поменять свою специальность, став рыбаком. Смирновы переезжают в Усть-Стрипу, и Таисия Васильевна принимает руководство начальной школой.

Судьба Валентины складывалась иначе. После закрытия лесоучастка в Пыжине её направили в Большую Пряду. Поработала она и в Чарымове, а потом оказалась в посёлке Пашня, где вышла замуж за В. А. Казанина. Затем Валентину Александровну отправили в Тевриз, и отгуда спустя три года Казанины переехали в Каргасок.

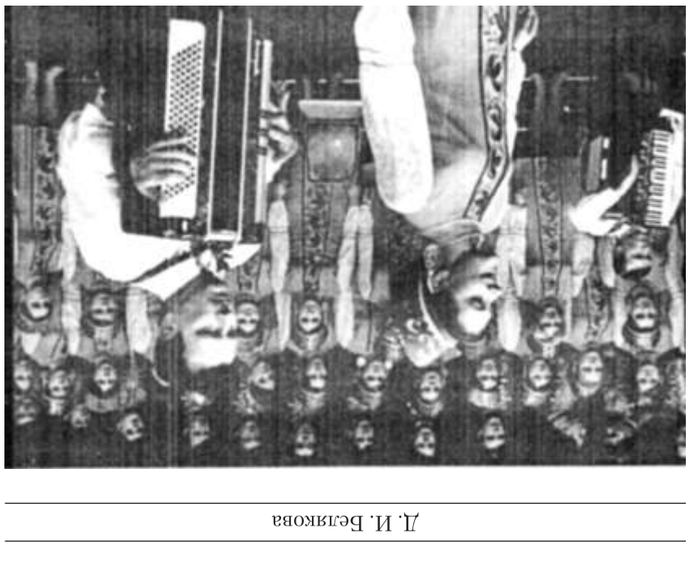
В отделе народного образования ей предложили работу воспитателем детского сада руководова. Согласилась, подумав: поработаю немного, а отпросится вакансия в школе, уйду туда. Но в садике тоже нужны педагоги, к тому же она так полюбила этих маленьких почемучек, что и не заметила, как пролетело время. Наступил 1983 год, подошёл пенсионный срок.

Снова вместе

Таисия Васильевна в 1969 году решается на переезд в Каргасок. Главная причина — дети. Они закончили начальную школу, и надо было учиться дальше. Не отправлять же их в интернат. Значит, надо ехать всей семьёй.

В школе места учителя для неё не нашлось, предложили пойти воспитателем в интернат школы №1. Там она проработала четыре года, а потом перешла учителем начальных классов.

Вначале подружи встречались на вечеринках, а потом и в художественной самодеятельности. Вновь



Голоса девчонок ГПТУ-1 могли бы украсить любой народный хор. Руководители не разрешали пользоваться косметикой и бижутерией. Даже часы заставляли снимать. Да и зачем им это — ведь в молодости красота так естественна. И как это хорошо видно на сцене!

По окончании училища Лина получила диплом токаря-универсала. И была принята на электроламповый завод. В. Ф. Лавриненко написал несколько песен специально для Лины. К примеру: «Метр, метель вышивая». С этой песней Лина стала победительницей конкурса-смотра в Москве. Её главной солистке была посвящённого воронежского хора. Лина вспоминает, как волновался Владимир Фёдорович, подходил, успокаивал её. А она не очень-то волновалась — так была уверена в себе, — и вот её приглашают первой. Она запела — зал замер, а затем взорвался овациями. И хотя на смотре не было предусмотрено исполнение песен на бис, Лина вышла опять. В зале рёв, сказкирование — успех огромный. Их пригласили

Две искорки одного костра

Мне понравились слова в песне: «Мы с тобой две искорки одного костра...». Я как раз раздумывал, как озаглавить рассказ о двух замечательных женщинах, зрелых, умных, талантливых, которые в этом году будут отмечать аж по два юбилея — по возрасту и 60-летие создания их дуэта. Впервые они запели в школе посёлка Усть-Васюган, когда им было по 10 лет.

Их выступления ждут, и исполняемые ими песни принимаются на «бис». Это две искорки костра, который называется народным хором «Ветеран», — Таисия Смирнова и Валентина Казарина.

Светлая сторона воспоминаний

Тая Вдовина и Валя Антипина встретились в Усть-Васюгане в 1938 году, куда переехали на работу из Каргаска родители Таи. Валины родители были высланы из Омска. Как сказал Осип Мандельштам, «были мы люди, а стали людьё». И родилась она уже здесь.

Деревня красиво поднималась от обского берега вверх. Самое яркое воспоминание детства — протока. Тихо, солнечно, водная гладь — как зеркало, в котором отражаются берега в белой кипе-

ни цветущей черёмухи. Небо синее-синее над зеркальной гладью воды. Смотришь — и кажется, что сейчас полетишь в эту бездну, и сердце сжимается от страха.

Но страх моментально проходит, когда внезапно возникший ветерок начинает рябить воду или кто-то из восторженных ребят затянет песню. Поэт Никон Сочихин писал: «От черёмуховой выпи вся дорженька бела». А здесь все берега были окутаны этой выпой.

Тёмная сторона воспоминаний

Это бесперспективная работа в колхозе: и на рыбалке, и на сенокосе. Правда, на сенокосе нравилось, несмотря на то, что было и жарко, и тяжело, и работали с раннего утра до позднего вечера. Даже повзросле́в, когда, начиная с 48-го, они уже учились в школе в Каргаске, летом продолжали работать в колхозе.

Нарабатывались так, что ноги не хотели идти, подружки, возвращаясь домой, клялись, что уж сегодня-то в клуб на вечёрку не пойдут. А придя домой и искупавшись в Оби или в незлобливой протоке, чувствовали, как исчезает усталость, и впрыжку неслись на звуки гармошки.

Готовили концертные программы и, кроме Усть-Васюганя, выступали ещё в Усть-Стрипе, Тебенке, Каше, ставили концерты в Каргаске, выезжали к рыбакам. Лучшие номера любого концерта — это дуэт Вали и Таи.

Так распорядилась судьба

В 1952 году подружки поехали в Колпашево и поступили в педучилище. В коллективе художественной самодеятельности училища появился новый прекрасный дуэт. Почти четыре года, пока продолжалась учёба, они радовали колпашевцев своим пением.

Получив дипломы учителей начальных классов, вернулись в Каргасок. И здесь их разлучили довольно надолго. Тая направили в посёлок Восток, а Валю — в Пыжино.

на Интервидение для съёмки. Вот тогда она и почувствовала себя артисткой.

Песни В. Ф. Лавриненко на всю жизнь запали в её сердце. В них Дина чувствовала могучую силу любви Владимира Фёдоровича ко всему и всем, с кем он соприкасался. Своими песнями он передавал доброту своей души. Отлого они так сразу и ложились на душу, так красиво звучат. Любимой песней Дины стала «Россия, ты любишь меня».

10 лет Дина пропела в хоре «лампочки», с 1963 по 1973 годы. Правда, три года она пела в Сибирском народном хоре города Новосибирска.

Владимир Фёдорович поддерживал открытые им таланты и давал возможность попеть в известных хорах России.

В 1969 году Дина стала работать методистом ансамбля «Сибиринка», который был создан в 1967 году в ГПТУ-1. Там Дина познакомилась с артистом оперетты из города Кемерово Валерием Беляковым. У него был красивый баритон.

Его с удовольствием приняли в ансамбль «Сибиринка». Вскоре он переехал в Томск и устроился работать строителем.

Валерий был из тех мужиков, которым всё по плечу, за что бы ни брался. Из артистов стал плотником-столяром, и неплохим. Год они с Диной прожили в гражданском браке, и поехали в Каргасок. Дину пригласили в РДК работать методистом. Валерий вначале поработал в КНГРЭ такелажником. Затем подучился на курсах и стал оператором-дизелистом на буровых. Уже в Каргаске они с Диной оформили брак. Справили свадьбу, у них родились две дочери. В РДК Дина проработала до ухода в декретный отпуск.

За годы жизни в Каргаске Дина работала и комендантом общежития, и кассиром в экспедиции. Но лучше всего её узнали, когда она стала директором ДК «Геолог». Её стараниями в ДК был создан ансамбль «Геолог». А она стала в нём солисткой.

Затем пристроили к Дому культуры спортивный зал, купили музыкальные инструменты, костюмы и многое другое.

Но однажды случился пожар, пристроенный спортзал сгорел. А вместе с ним и инструменты, концертные платья и другие нужные вещи. Дина была в шоке. Три года она обходила стороной этот злосчастный Дом культуры.

Дети подрастали, дома сидеть не хотелось. Дина пошла в торговлю, где и проработала до выхода на пенсию.

Дина Исааковна до сих пор трепетно относится к произведениям В. Ф. Лавриненко. Она говорит: «Песни Владимира Фёдоровича — это родные сёстры русской народной песни. В них он выразил свою бесконечную любовь к народным песням. Потому-то они и берут людей за душу».

Дина до сих пор любит своих подруг по «Сибиринке», по народному хору «лампочки». Как подходят ей слова первой руководительницы хора Е. А. Бабицкой: «Мы были молоды с тобою в двадцать лет, и в шестьдесят остались молодыми». Пусть ещё много лет её встречает тепло, любовь и восторженность зрителей за подаренные песни.

зазвучал со сцены их дуэт. Да так и поют до сих пор. Права пословица, утверждающая, что, кто песню поёт, того хворь не берёт. Попоют на репетициях, пообщаются — и все болячки отступают.

А тут председатель совета ветеранов Рудольф Иванович Лайс решил создать хор ветеранов. Подруги, прослышав об этом, обрадовались, пришли одними из первых. И вот уже 18-й сезон жители Каргаска и близлежащих деревень горячо аплодируют прекрасному дуэту.

В прошлом сезоне в их репертуаре была песня «Звёздочка». Сначала они пытались отказаться от её исполнения: мол, она больше подходит молодым, поскольку про любовь. Потом согласились, и даже сами остались довольны, видя, как принимают слушатели песню и её исполнителей.

Таисия Васильевна говорит:

— Всё. Последний сезон поём. Уже неудобно, старые слишком.

Жаль, если так оно и случится. Этими двумя энтузиастками песни сделано так много, и в том, что хор «Ветеран» получил звание народного, есть и их заслуга. Это настоящие искорки ветеранского костра, и весь коллектив хора желает им не гаснуть хотя бы до 25-летия создания хорового коллектива.

2003 год.

начале двадцатого века. Много тогда переселялось в Сибирь людей из Украины, Белоруссии, Эстонии и из самой России. Селились целыми улицами по национальному признаку, но постепенно почти все перемешались. И в деревнях Сибири стали родными русские, украинские и белорусские песни.

Дина пела с тех пор, как себя помнит. У них вся семья любила петь, и часто около их дома собирались соседи послушать импровизированные концерты. Запевалой всегда был папа — Исаак Осипович. У сестры Кати голос — красивый альт. Голоса её и Дины так душевно звучали, что никто из прохожих не оставался равнодушным и останавливались послушать. У них в семье сложилась традиция — собираться на день рождения мамы, Анны Фёдоровны. И лучший подарок — её любимая песня «Оренбургский пуховый платок».

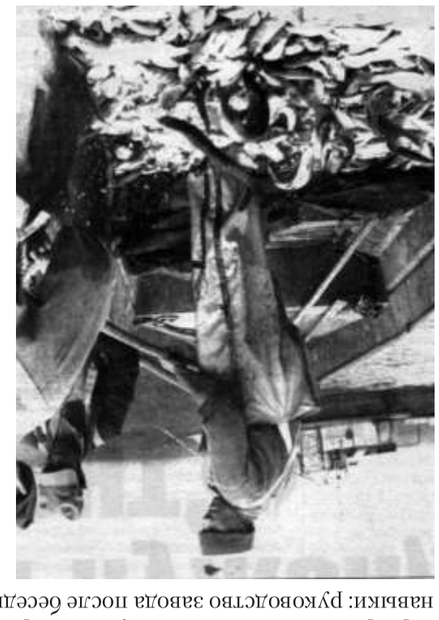
Дина, окончив восьмилетнюю школу в Малобрагино (семья переехала в этот посёлок, когда ей было всего пять лет), поступила в девятый класс в Самуськах. Но почему-то мама была против её дальнейшей учёбы, говоря: «Вон подружки все работают, деньги в дом несут». Но Дина твёрдо сказала, что хочет вначале получить специальность, а уже потом пойдёт работать.

Поехала в Томск. Все учебные учреждения уже осуществили набор учащихся, и ей везде отказывали. Выручила двоюродная сестра. Она училась в ГПТУ №1, и сказала, что у них недобор в группе токарей. Сестра же сказала директору училища, что Дина хорошо поёт. Директриса сразу заинтересовалась этим. У них была художественная самодеятельность, которой руководил В. Ф. Лавриненко. Дина зашла к директору, у которой сидел «какой-то дядечка с гармошкой». Это был Владимир Фёдорович. Он наиграл песню на аккордеоне, и Дина запела. «А вот в этой тональности, а вот в этой...». Всё это Дина пропела легко, свободно. Красивый от природы голос Дины понравился Виктору Фёдоровичу Лавриненко, и она была принята в хор «лампочки». А через месяц Дина уже солировала на концерте в клубе ГРЭС-2.

куда денешься? Мысль об учёбе пришлось оставить. Вперёди замаячила работа: от колхоза был он направлен в Новосёлово, в лесопромхоз. Через два года — новый переезд, в Каргаскино на шпалозавод. Дел хватало: зимой готовили шпалотёсы, летом сплавляли лес.

Встрянулся Михаил, возмужал. Уже и девчата стали заглядывать на него. И он изредка посматривал в их сторону, пока не повстречался с бойкой, острой на язычок Руфией. И появилась в Каргаскино новая молодая семья.

В начале 60-х поползли слухи о закрытии сплавного участка. Не дожидаясь, когда они станут явью, Скипевские решили перебраться в Казалыцево. Тут-то и пригодились его рыбацкие навыки: руководство завода после бесед с новосёлом приняло решение о назначении его бригадиром рыбаков. Никто тогда и подумать не мог, что человек этот прославит своим трудом на голубой ниве их Казалыцевой бригадой. Мечтал Михаил Иванович, что по его стопам пойдут и сыновья. Увы! Их рыбацкая доля не прибежала. И старший, и младший уехали



всё́ки. Таня заметно выделялась среди девчат. Высокая для девушек того времени, красивая, с пылкавшим румянцем во все щёки. С большими тёмными глазами, опушёнными чёрными длинными ресницами, и чёрными, как говорили, соболиными бровями. Знал я и мужа её, Фёдора. Каждый охотник, рыбак я был виноватиком, хотя и косвенно, когда он отрубил себе первую фалангу большого пальца. Он шёл и нёс большой кусок вылеченого лосиного мяса. Нёх — так называли это мясо оставки. Я попросил его отрубить немного мне. Фёдор положил на чурку мясо, вытащил из-за пояса маленький острый топорик, с которым ходил на охоту, и рубанул. То ли слабо держал топорик в руке, но он скользнул по чурке и «пяткой» срезал палец как раз по суставу. Фёдор зажал остаток пальца в кулак и быстро побежал в медпункт, стоявший метрах в двадцати от места происшествия. Около чурки остался лежать на земле отрубленный

Нам дороги эти позабыть нельзя

В Казальцево Скирневские переехали из Канаскино в 1962 году. Михаила сразу же назначили бригадиром рыбаков. Ребята в бригаде подобрались работящие, исполнительные. А сам бригадир, не довольствуясь прошлым опытом, досконально изучил особенности всех водоёмов, так что знал наверняка — где, когда и что брать. И ничего удивительного нет в том, что возглавляемая им бригада на протяжении двух с лишним десятилетий была лучшей на каргасокском рыбозаводе.

Соревноваться — значит идти вперёд

Бригады Скирневского из Казальцево и Комарова из Киндала постоянно соревновались, и этот захватывающий дух соревнования не позволял расслабляться, заставлял неуклонно идти вперёд. Чаще всего побеждали скирневцы.

Но так уж сложилось, что бригадир Комаров был более заметен в районе: ближе к райцентру, а следовательно, доступнее, и если требовался срочно передовик — вот он, под руками. Да и по характеру Владимир Александрович был человеком, если так можно выразиться, общественным, умеющим выступить на любом собрании так, что многие почёсывали пятернёй затылки, ища защиту от разящей критики Комарова.

Дарящая песню

В 1973 году в РДК Каргаска была принята методистом Дина Белякова. «Наверное, из Сосновки, там есть Беляковы», — подумал я. Однажды зашёл в РДК и вдруг услышал голос Дины Селивановой, солистки ансамбля «Сибиринка» из Томска. Этот ансамбль всегда приезжал в Каргасок во время проведения фестиваля «Северное сияние». Она исполняла песню своего руководителя Владимира Фёдоровича Лавриненко.

— А что-то объявления не видно? Мне бы Владимира Фёдоровича увидеть.

— Да ты что, не знаешь, что Дина Белякова и есть Селиванова — она замуж вышла, а у них сейчас репетиция.

— Дина Селиванова! Боже мой, это на неё люди ходили толпами. И теперь работает у нас!

Пошёл на сцену и увидел, что это действительно она, курносое обаяние — Дина Селиванова. Вот как Каргасок начинает греметь, если такие люди к нам на работу приехали. Оказалось, что это её муж в Каргасокскую НГРЭ работать приехал, а Дину пригласил на работу в РДК заведующий отделом культуры Ю. Г. Барышев.

Дина Селиванова родилась в посёлке Новоильинка Шегарского района. Её предки переехали сюда из Белоруссии ещё в

пахали с аккуратно подстриженными ногтями. Прошло 60 лет, а до сих пор чётко вижу эту картину...

...И вот теперь мы встретились с Татьяной Ивановной. Я не видел её свыше 50 лет и был приятно удивлён, что в ней ещё очень хорошо просматривается та стройная, статная девушка. Годы не обезобразили её, и никак не подумаешь, что ей уже под 80 лет.

С Николаем Ивановичем прожили уже тоже большую жизнь, оба трудоголики, и до сих пор не хотят бросать свой участок земли. Овощи, картофель, арбуз... Себе хватает и детям. Но забежал вперёд в своих воспоминаниях.

Николай Иванович проработал в Новом Васюгане до выхода на пенсию в 1983 году. Они решили переехать в Томск, где Николай Иванович стал работать снабженцем, продолжая обеспечивать Западную НГРЭ всем необходимым для нормальной работы предприятия. В 97 году завершилась его трудовая деятельность, когда рухнули экспедиции вкобы за ненадобностью.

Но не такой Николай Иванович человек, чтобы перед тяжёлым боком отлёживать. Он находит себе занятия, чтобы быть в форме.

Николая Ивановича не забывают учены его бригады, ученики, когда бы они ни работали с ним. Правда, зовут его по-разному. Одни «Батя», другие «Кажу», а третьи просто: Николай Иванович. Главное — имя его произносится уважительно. А как же иначе? Ведь он стал действительно зеленой нефтеразведки. Ему есть чем гордиться, так как он стоял у истоков открытия томской нефти, и его ученики занимают видные места в нефтегазодобывающей промышленности.

2008 г.

Скирневский же, будучи человеком скромным, трудился не меньше, однако оставался чаще всего в тени, хотя заданиям им выполнялись регулярно. В общем, были два бригадира характером разные, но дело знающими и трудженниками отменными. Это о них в 1987 году говорил ныне покойный В. Н. Меренков, что две бригады за полгода выполнили производственную программу на два года вперёд.

И Скирневский, и Комаров убедительно доказывали, а верное, разбивали доводы некоторых специалистов завода, да и рядовых рыбаков, что успехи рыбозавода зависят от кадрового подбора: их бригады выполняли планы независимо от того, были ли паводок, строга ли засуха или лили проливные дожди. Опыт и знания не держали за семью печатями, а щедро делились ими с коллегами, и те, кто хотели стать хорошими рыбаками, становились ими.

Трудовой путь Михаила Скирневского отмечен многими грамотами как родного предприятия, так и министерства, и даже ЦК КПСС, орденом «Знак Почёта», медалями, нагрудными знаками поборителя соцсоревнования, отличника по профессии.

Что станет рыбаком, он и не думал

Родился в Чилино, куда родители переехали из Колпашевского района. Места красивые, с приволжными лугами и богатым разнотравьем... Сам Бог велел держать здесь коров и лошадей. А рядом река, озёра, полные рыбы.

Быстро вытянулась деревня, организовалась колхоз. Жизнь налаживалась. А тут — война. Отец, уходя на фронт, передал сыновьям сеть, и наказал беречь её пуще глаза: «Это будет ваша кормилица». Миша, несмотря на свои восемь лет, уже умел управляться с сетью и места рыбные знал хорошо. А что прав был отец, убедились вскоре: благодаря этой сети семья не голодала.

Окончил мальчишка начальную школу, а чтобы учиться дальше, надо было ехать в Тымск. Однако боясь и полуразлетым

в Каргасок. Средний сын, Владимир, правда, постиг тайны рыболовецкого мастерства, но грянувшая перестройка внесла свои коррективы — идти в рыбаки ему расхотелось.

— Странная жизнь пошла, — разводит недоуменно руками Михаил Иванович. — Молодёжь не тянется к работе, ей выгоднее безработной числиться.

Сам он и сейчас бы рыбачил, если бы не несчастье, случившееся в 1994 году. Что давление у него частенько «зашкаливает», он, конечно, знал, однако особого значения не придавал. И вот как-то решил занести в дом с улицы охапку дров, хотя чувствовал сильную головную боль. Занёс, а рука вдруг отказала. Хотел шагнуть — ноги не идут. Инсульт.

Такова сегодняшняя жизнь

Из-за необходимости в постоянном врачебном контроле пришлось переехать в Каргасок. Обещанная квартира осталась несбыточной мечтой. Пришлось купить домик на улице Садовой. Позднее дали комнату в Доме ветеранов, но, к сожалению, на третьем этаже, откуда можно лишь посматривать в окно на улицу вместо таких желанных прогулок по ней.

Целое десятилетие пролетело, а мечта постоять ногами на земле так и оставалась мечтой, хотя не такая уж сложная и неразрешимая проблема — дать заслуженному человеку комнату на первом этаже.

Конечно, горько сознавать, что ты оказался за бортом, что никому до тебя нет дела. Но ещё горше для Михаила Ивановича было видеть крах родного завода. Видно, не нашлось второго Меренкова, способного удержать на плаву высокотехническое предприятие.

Больно ранило ветерана и то, как заметно изменились люди даже в его родной деревеньке. Теперь не оставишь просто так на улице пешню или ловушку — моментально «уйдут». У него самого в домишке на Садовой всё, что могли, унесли: сети, невод, пешни и прочие приспособления для лова.

нашли много, но вот газ — только тогда, когда Николай Иванович «оконтуривал» Мыльджинское месторождение газа. Также он нашёл газоконденсат по речке Салату. Там бригада Верещаки открыла несколько продуктивных скважин.

Жена умерла в 72 году. Николай Иванович остался с тремя детьми. Старшая дочь училась в политехническом институте, сын там же. А младшая дочь ещё училась в выпускном классе средней Нововасюганской школы. После окончания школы она поработала лаборантом на буровой вместе с отцом. А потом тоже поехала в Томск. Перед отъездом она сказала отцу: «Папа, ты не живи один, женись». Действительно, после вахты одному было невыносимо дома, и через полгода после отъезда дочери он посватался к Татьяне Ивановне, тоже уже больше года вдовевшей. Её муж с братьями поехал на охоту и утонул на Васюгане. Эту женщину я хорошо помню с тех пор, когда я приехал в Айполово в 47-м. Как ни трудно жилось, тяжело работалось, но зимними вечерами молодёжь всегда спешила в клуб на танцульки или

И только было начала налаживаться жизнь, как судьба снова сделала зигзаг: кому-то пришло в голову, что Новосибирская область — это чуть ли не рай, которого сызлыпе недостойны, — их отправили ещё дальше, в места глухие и суровые. Сначала привезли в Нарым, потом — в Усть-Тым, а дальше раскидали по посёлкам. Так Шефер оказался в Чилино.

Стояло лето 42-го. Посёлок небольшой, и слух о том, что привезли целых 10 немецких семей с Поволжья, разнёсся с быстротой молнии. Все население, от мала до велика, высыпало на берег реки, куда причаливала баржа. С изумлением и восторгом смотрели, как сгружается на берег семейство Шефер, нагруженное музыкальными инструментами. Несли они в руках трубу и гитару, балалайку и мандолину. Впрочем, и в других семьях инструменты тоже были. Это было любым праздникам.

И чулымы не ошиблись. Этим же вечером в клубе оркестр новых поселенцев порадовал их своей слаженной красивой игрой. Симпатии были завоёваны.

К труду приучен с малолетства

Семья у Шефер большая — мать и семеро детей. Самый старший — Карл, которого поначали как главу семейства.

Уже на второй день после приезда все дружно отправились на покос — плоховаго было с сеном в хозяйстве: при плане 400 стогов было сметано всего 70. И вдруг такая бодрая! За 20 дней она сметала ни мало ни много, а 365 стогов.

Впрочем, немцы тут удивлятьсь. Немцы во всём мире славятся своим трудолюбием и аккуратностью. В немецких семьях детей приучают к труду с малолетства. В 10 лет все они уже работали в колхозах, особенно в летний период, когда в школах наступили каникулы.

Надо заметить, что ударный труд немецкой бригады благотворно сказался на местных — они тоже засучили рукава, чтобы доказать, что умеют работать не хуже.

Ленина за открытие Первомайского месторождения нефти. Награжден знаком «Первооткрыватель недр». Я-то думал, что это двухметровый мужчина, а оказался чуть больше 160 сантиметров. Неларом говорят: мал золотник, да дорог.

«Нефтеразведчики в стране — ответственное звание»

Николай родился в селе Красноозаменка Полтавской области. До войны успел окончить начальную школу. В 41 году Полтавщина была оккупирована. Хорошо, что был небольшого роста, а то могли бы угнать в Германию. После освобождения сразу пошёл в школу. Закончил 6 классов в 46-м и решил поступать в школу ФЗО. Да и трудно было Николаю учиться в одном классе с 13—14-летними пацанами. В ФЗО учился на помощника бурильщика в городе Ромны. После окончания ФЗО был направлен на работу в Крым. Через год Николай пошёл на курсы повышения квалификации в учебно-курсовой комбинат. Поработав в Крыму, Николаю захотелось поработать в Сибири. Много слышал об этом крае, а теперь и посмотреть, поработать захотелось.

В 53 году его принимают мастером по бурению в Пятовскую партию в Новосибирской области. Поработал в Жовьевской и Новологинской партиях бурения. В 59-м переехал в Омскую область — год в Большереченской нефтеразведке. В 60-м приехал в Нововасюганскую нефтеразведку. Он всем сердцем полюбил эту работу. Отец буровой всегда выбывали у него хорошее настроение, душевное равновесие, восторг. Буровая выбывала у него такие же чувства, как у поэта, бурового мастера Никона Сочинина:

«Выдны далёко их огни.
Видны всей нашей родине.
Здесь, в тайге, стоят они,
Как дики новоселние.
И мы выходим на мороз,
К морозу мы привычны,
А небо всё в всецветах звёзд —

— Жалко своё, жалко и заводское добро, ведь всем миром наживали, укрепляли это хозяйство. Что мы получали за рыбу? Копейки. Я не преувеличиваю: за килограмм чебаков платили две копейки. Значит, чьи основные средства завода? Рыбаков, и только их. А что со страной сделали? Все стоят с протянутой рукой, и никто не хочет работать. Говорю своим ребятам: рыбачьте, не останетесь голодными, семьи всем будут обеспечены. Не хотят! Потому и не верится, что новое предприятие встанет на ноги. При таком-то отношении к работе...

Монолог Михаила Ивановича был долог, и в нём звучала обида ещё и на то, что забыли о рыбаке Скирневском: лишь однажды за все эти годы принесли какой-то подарок. Обратился как-то с просьбой привезти опилок для завалинки, да так и не привезли. Так что вопрос, что день грядущий нам готовит, для Михаила Ивановича отнюдь не риторический. Ему хотелось бы видеть завод процветающим, а людей работающими и счастливыми.

А ещё хотелось бы ему почувствовать прежнюю силу в руках и ногах, подолбить лунки во льду, ухватить полной грудью морозный воздух, полюбоваться на снег и в полный голос запеть: «Снег да ветер вспомним, друзья, нам дороги эти позабыть нельзя».

Дороги, проведшие его по жизни, в которой хватило и радостей, и огорчений. Такова жизнь. И лишь наша память определяет её ценности.

Неподвластный времени

В нынешнем году Карп Кардовиц Шефер отметил своё 80-летие. Он бодр духом, подтянут, моложав. И очень активен — выступает не только в художественной самодеятельности, но и принимает участие в работе ветеранской организации, являясь членом президиума совета ветеранов войны и труда.

Звезды судьбы

В августе 41-го почти всё немецкое население вытеснило скоро города Энгельса посадили в эшелон и отправили в далёкую неведомую им Сибирь. Дорога долга, тяжёла, и, чтобы не отравиться, как-то стараться удар судьбы, они организовали оркестр. Так и ехали с музыкой до самого Мошково, что в Новосибирской области, ставшего первым местом их принудительного поселения.

Местным жителям очень уж понравился оркестр ссыльных, и это не могло не сказаться на их отношении к переселенцам, а тем в какой-то степени облегчило жизнь.

Семью Шефер направили в колхоз «Сибкомбайн». Карл, будучи достаточно взрослым (он успел закончить педагогический техникум), возил в колхоз дрова из деревенки Дубровино, что стояла на обском берегу в 45 километрах от Мошково.

Такое симпатичное.
Идём цепочкой, не спеша,
Тропой, в снегу намеченной.
А погода хороша!
Отнюдь вся расцвечена.
Порт огни, зовут огни.
И нам с собой не справиться.
Пусть их порой кинут одни,
А нам — другим — вот нравится.
Не скажем мы, что здесь главней:
Привычка ли, призвание,
Нефтеразведчики в стране —
Ответственное звание».

Конечно, не всегда такие благостные настроения были. Вывало и так, как описывал тот же Н. Сочихин:

«...Опять не клеится работа.
Опять всю вахту нелады.
И, что обидно, ведь всего-то
Из-за какой-то ерунды.

Из-за какой-то железяки
Терять приходится полдня.
Сидим на трубах, как казаки,
Султана местного кляня».

Всё не предусмотришь, и иногда действительно из-за какой-то ерунды приходится звонить на базу и ждать, когда привезут. Но в основном было так, как пишет поэт:

«Но вот когда предстанет случай
И всё идёт само собой,
Чего уж и придумать лучше —
Ну хоть пляши, хоть песни пой.
Тогда летаем мы с охоткой
По буровой в избытке сил,
Чтоб полновесный метр проходки
В журнал «Бурила» заносил».

Этих полновесных метров было много за полвека работы на буровых. Работы Николай Иванович проводил и по скоростной проходке скважин. Но угнаться за тюменцами и стрежевчанами, которые проходили по 100 000 и более метров за год, не представлялось возможным. Самое главное — скважины были на 500 и более метров глубже, чем у них, т.к. бурили палеозойские отложения. Николай Иванович работал с учётом возможностей применяемых технических средств и добивался высоких показателей. За год в этих трудных условиях работы бригада пробуривала более 32 000 метров горной породы.

В 1977 году на груди Николая Ивановича засиял второй орден Трудового Красного Знамени.

Всё хорошо складывалось у Николая Ивановича. Ещё в Омской области он обзавёлся семьёй. Жена тоже работала техником-геологом. И в Новом Васюгане жена стала работать в нефтеразведке, преобразованной в Западную НГРЭ. Нефти они

А жилось тяжело. Мать Карла прилагала невероятные усилия, чтобы накормить огромную семью, даже меняла привезённые с собой вещи на картофель, муку, рыбу. Дети старались помочь всем чем можно. Как только закончилась сенокосная страда, Карл пошёл рыбачить, а Фёдор с Иваном по направлению колхоза уехали на лесозаготовку.

Весной 43-го постарались посадить побольше картофеля. Карл Карлович вспоминает, что накопали они по осени 1300 вёдер. Теперь уже к ним шли, чтобы обменять рыбу на картофель. Жить стало полегче.

И тут Карлу предложили, как дипломированному специалисту, пойти в Каргасокскую среднюю школу преподавателем немецкого языка. Что и говорить, заманчивое предложение, однако он, подумав, отказался — в Каргаске прокормить такую большую семью, как у них, намного сложней. Вот переехать поближе к Каргаску не помешало бы. И оказалось, что дело это вполне осуществимое — в пределах Тымской комендатуры переезды разрешались, и в 1944 году Шеферы перебрались в Пантелеево. Иван и Фёдор завербовались в леспромхоз, Карл остался в колхозе, а когда спустя шесть лет хозяйства начали объединяться, его избрали заместителем председателя такого укрупнённого колхоза.

Из капитанов да в завхозы

Прошло ещё три года, и Карла Карловича пригласили на работу в леспромхоз. Шеферы перебираются в Вертикос, а Карл выходит на речные просторы шкипером полуглиссера. Сейчас он только посмеивается, вспоминая былое, а тогда немало пришлось помучиться с этой развалиной: два дня поездки — и ремонт. Так бесконечно. Хорошо ещё, что навигация только в тёплый период, а зимой все на приколе.

Для Карла эта первая зима стала временем учёбы в Томске на спецкурсах, после которых его перевели капитаном-механиком катера в сплавконторе. А поскольку младшие члены семейства

Легенда нефтеразведки

Я не поэт. Нефтяник я. ПомБур.
Мой инструмент: долотья, трубобур.
Н. Сочихин

Новый Васюган. Нелётная погода. В здании аэровокзала и на улице много люду. Это вахтовики, собирающиеся лететь на вертолёте на буровые. Слышу: «О! Батя подъехал!». Все смотрят в сторону входной двери. Я тоже. Вот дверь открывается, и входит человек небольшого роста, но широкоплечий. Взглянул на него и обомлел: это же персонаж из произведения Н. В. Гоголя. Не удержался, спросил у знакомого: «Кто это?».

— Да это Николай Иванович Верещака, мастер на буровой, «Бурила». Члены бригады называют его «Батя», а ещё «Кажу».

— «Кажу»? Почему «Кажу»? Он же не турок.

— Он хохол, и в речи его много украинских словечек. Вместо слов «говорю» или «сказал» он говорит: «Я кажу». Вот и называют его иногда «Кажу».

Когда узнал, что Николай Иванович родом с Полтавщины, ещё больше уверовал в то, что Николай Васильевич Гоголь своих персонажей списывал с его предков. Ведь Гоголь сам с Полтавщины, там ведь их родовое поместье Васильевка.

Мне так захотелось узнать об этом знаменитом бригадире буровиков. К этому времени он уже был награждён орденом

Осень жизни

В Ильино впервые я попал зимой 1970 г., и в целом впечатления о селе остались какими-то тягостными. Огромные сугробы, дома, занесённые снегом под крыши; одним словом, «большой снежный мир», — так называл свою книгу писатель Величко, который утверждал, что Васюганские болота — это огромная нефтяная ванна. А ведь это он написал ещё в 30-х годах... Но совсем другое впечатление осталось – и, видимо, на всю жизнь – весной. Столько кругом воды и зелени! Огромная изумрудная пляжа далеко уходила к лесу, на ней свободно могли уместиться не только сотни голов скота, а тысячи! Вот это привольье! И я понял, почему все пьяницы любят эту деревеньку и, хотя давно не живут там, но рассказывают про неё так интересно. Мне показались эти протоки, проходящие через деревню и около неё: Иего, которая, говорят, раньше была судоходной весь сезон, Полой — один конец впадает в Иего, другой теряется в лесу, Батурнская протока, Неводянка — самое рыбное место, Пруглеко, Мачвор — отгуда зимой возили воду на питьё, там были чистые ключи, и вода была светлой, вкусной.

А сама деревня, рассказывают старожилы, была довольно большой, целая улица была застроена двухэтажными домами, стояла красивая церковь. Ещё в XVII веке там стояла Ильин-

А разве можно забыть лежнёвки по болоту? Казалось, все внутренности выпрыгивают. Такая дорога — и по лесному массиву. Как писал помбур Никон Сочихин, член Союза писателей России, поэт:

«...Автобус взбрыкивал, как бык,
Подпрыгивали трубы.
И вмят бока у всех и лбы
Помяты и побиты.
Хохмач вахтовый не хохмит,
Не тот, что был сначала,
И тут болит, и там болит,
И шея, как мочало.
Тут искры сыпятся из глаз,
О чёрт, о Бог, о мама!
А ты, шофёр, давя на газ
И ухи, дружище, прямо!».

подрастали и их нужно было учить, то он перевёз всю семью в Каргасок.

И вновь жизнь выкинула фортель. Директор леспромхоза Сушков вдруг приглашает к себе капитана Шефера и приказывает принимать обширное хозяйство ремонтно-эксплуатационной базы ЛПХ. Поупирался немного (не хотелось с престижной капитанской должности идти в завхозы), а куда денешься — приказ есть приказ, он не обсуждается, а выполняется. Пришлось окунуться в хозяйственно-снабженческую работу. Впрочем, должность называлась громко — заместитель директора по хозработе.

Освоился быстро, и не только Сушков, но и все последующие директора оставались довольны таким деятельным помощником. Освободилось вечернее время, можно было выкроить денёк и для любимого занятия — рыбалки. Со страшной силой потянуло в РДК, к любимой с детства музыке.

Ну как без музыки прожить

Создали оркестр. Разумеется, Карл Карлович оказался в его составе. До сего дня помнят старожилы Каргаска праздничные демонстрации, когда Шефер с товарищами дружно играли марши, и как легко и радостно шагалось всем под их музыку, как поднималось настроение, празднично становилось на душе.

Жаль, что всё это осталось в прошлом. И оркестр стал райцентру не нужен — новые веяния, новые отношения. И, как говорит Карл Карлович, на «взмыленном энтузиазме» сейчас далеко не уедешь.

15 лет он пел в народном хоре «Ветеран», а до этого много лет был одним из самых активных участников больничного хора. Знание им музыкальной грамоты очень помогает всем при разучивании новых песен.

В последние годы появилось у Карла Шефера ещё одно увлечение — центр немецкой культуры. Он там оказался единственным среди сородичей, прилично знающим родной язык, поэтому участники немецкого ансамбля «Дружба» частенько

обращаются к нему за переводом текста песен с немецкого на русский.

Не бросает он и своё любимое занятие — рыбалку. Луша у него, несмотря на возраст, молода и кажется неподвластной времени. Год назад он женился на своей бывшей однокласснице (вместе учились в 30-е годы в Сарапуле), такой же бодрой, обаятельной женщине, как и он сам. Вот с кого нам надо брать пример стойкости и жизнелюбия.

2004 г.

Сжалось сердце: упадёт вышка — вот тебе и ускорение бурения. Ночью не спалось, выскакивал на улицу — стоит родимая! Не провалилась. Утром радость-то какая — стоит! На более сложных участках, переезжая на новую площадь, разбирали вышку по секциям. Самое главное — люди. Дисциплина, порядок, высокий профессионализм. А это значит — буровая работает без остановки, без аварий. В экспедиции подобрался хороший состав руководителей бригад: Н. И. Верещака, Н. Ф. Федюшкин, В. Г. Савин, Г. П. Амелин, Ю. П. Паранин, Н. Е. Павлов.

С 85 по 91 год Рафаил Хасанович — начальник Западной НГРЭ. Сколько открытий запасов нефти! И обидно становится, что плодами их труда воспользовались другие.

Вместе с Рафаилом Хасановичем — его жена Луиза Ахметовна. Она — врач-терапевт. И нововасюганцы с благодарностью вспоминают её работу в участковой больнице.

Так случилось, что награды в экспедиции получают мастера, буровые рабочие, инженеры, механики, а начальники — редко. Хотя их вклад в общее дело развития нефтяной и газовой промышленности неизмеримо выше, чем у любого другого работника. Но всё равно грудь ветерана украшают орден «Знак Почёта» и медали: «За освоение недр», «За трудовую доблесть», «Отличник разведки недр», и многие юбилейные медали.

Любил работать Рафаил Хасанович, любил и отдыхать, побегать по тайге, пострелять дичь, или съездить с друзьями на рыбалку, пошвыркать наваристую, пахнущую дымком ушицу. Хорошо! Сейчас Рафаил Хасанович с семьёй живёт в Томске. Ветеран горд, что в освоении Томской нефти и газа есть его немалая доля труда.

2008 г.

Время изменилось. Рабочих заводили на вертолётах, и сам, делая обёртыв, прямо из кабинета улетал на буровую. На многих буровых от вертолётной площадки до буровой следовали тротуары, можно и в туфлях пройти, если не осматривать всё хозяйство на буровой. На этот случай всегда «болотники» найдутся. Иногда случались и анекдотические случаи. На буровой был завелён порядок — спиртного не должно быть. Но однажды нарушился порядок. Свободные от смены рабочие и повара стали подлавтаться в нетрезвом виде. Всё осмотрели, проверили, можно сказать, обыск на кухне. Ничего не нашли. Это продолжалось до тех пор, пока мастер не обратил внимания на висящие на стене болотные сапоги. Вера посмевала в них. И смех, и грех. Отлетая буровые, Рафаил Хасанович обдумывал, как ускорить бурение, скорость проходки скважин. Необходимо перевезти цепиком буровую на новую площадь. Позднее на Крапивинском месторождении он осуществил задуманное. До новой площади расстояние около 10 километров. Местность сравнительно ровная, но посередине идти надо почти болото. Намеченную трассу промозили, подготовили вышку к транспортировке, и тремя тракторами на растяжках потащили. Благополучно дошли до болота, и тут один трактор сломался. Вышка осталась стоять посередине болота.

где она неоднократно бывала для проведения ревизий и оказания методической и экономической помощи директорам киносетей. В Александрово и Парабели она бывала часто, в Колпашево и в Подгорное выезжала на ревизию по просьбам бухгалтерии управления кинофикации, когда там почему-либо отсутствовал бухгалтер-ревизор.

При ревизии Христина Дмитриевна не только выявляла нарушения финансовой дисциплины, но и подробно рассказывала, как надо было поступать в каждом конкретном случае. Мне звонили директора из Александрова и Парабели, просили побдагодарить её за оказанную помощь, за подробный инструктаж. Звонили старейшие работники кино, подавали со сторлетием мирового и российского кино и обязательно просили поздравить Христине Дмитриевне, передать ей привет и наилучшие пожелания (обьясняли, что сами не смогли дозвониться). От имени ветерана кино и от себя лично, Христина Дмитриевна, поздравляем Вас со 100-летием кино: 40 лет из этих ста Вы отдали экономической стабильности киносети. Все мы, работники кино, Вас помним и любим. Здоровья Вам и долгих лет жизни!

18.01.1990 г.

В 50 году у них родилась дочь Алла. Мать, Эмма Эмильевна, будучи беременной, работала на заготовке дров. От костра по её неосторожности сгорела поленница дров, за что её взяли под следствие. В Колпашевской тюрьме она сидела до самого рождения Аллы. После родов её освободили.

В 52-м родился сын Александр. С рождением второго ребёнка военкомат заменил прежнее свидетельство на военный билет, а это значило, что он будет переведён в запас. С семьёй переехал работать в лесопромхоз на Третью точку. Год проработал продавцом, и перешёл в электропильщики, а это смена профессии, постоянный заработок. В 57 году у них родился сын Владимир. Вениамин с удовольствием знакомился с поступающей в лесопромхоз новой техникой. Вениамина в 58-м году назначили мастером участка. Он решает, что ему необходимо знать автодело, и едет в Томск на курсы шоферов. После окончания курсов он стал работать электромехаником. В 60 году лесоучасток закрыли, и перевели в Каргасокино. В Каргасокино он принял магазин, а через два — года столовую в Каргаске. К технике Вениамина тянуло всегда, и когда предложили должность механика, с радостью согласился. Здесь он сам и шофёр, и механик. В 69 году сигаяковтора получила новые машины «ЗИЛ-131», на которых Вениамину мечталось поработать. Он с удовольствием перешёл в сигаяковторгу, и стал водителем-дальнобойщиком. Через 4 года ему предложили принять центральный склад лесопромхоза в Каргаске. Согласился, и проработал там 12 лет, до выхода на пенсию в 1985 году.

Вениамин Васильевич сейчас живёт в Томске, в семье сына Александра. К сожалению, жена, Эмма Эмильевна, несколько лет назад умерла. Трудно в такие годы остаться одному, но дети и внуки радуют его сердце. Вениамин Васильевич говорит: «Прожил 78 лет, а вроде как и не жил, ведь жизнь не измерить, она — сама себе мера. И я горд за сыновей и дочь — они все при деле, хорошие специалисты, и жизнь их удалась».

2008 г.

Сейчас на вертолёте, а раньше только на вездеходах. Сколько случаев происходило в дороге! Однажды весной влетели в «окно» — ни назад, ни вперёд. Рафаил Хасанович в такую дорогу и одевался соответственно. На ногах болотные бродни. Вместе с водителем таскали брёвна, сделали треногу. У водителей в кузовах всегда есть тросы, зажимы, блоки. Приподняли блоками вездеход, подсунули брёвна под него, опустили на брёвна потихонечку вездеход и выкачали его из ловушки. Немало пройдено и пешеходом. Тоже весной был случай. Подошли к болоту, где был ручей, а теперь целая речка, метров 15—20 шириной. Ни у кого с собой даже топорика не было. Вернулись в брошенную деревушку, где когда-то было радио. Пособирали проволоку, старые столбы, брали брёвна с разрушенных строений, и таскали к реке. Всю ночь связывали плот. Утром благополучно все переправились на другую сторону. До буровой несколько километров, а там их ждала еда, горячий чай и тёплые постели в балках.

ская сотня казаков, они вели практически оседлый образ жизни, и деревня быстро застраивалась. Но в XX веке начали дома перевозить в Каргасок, из церкви сделали клуб в Павлово.

Вот в этой-то деревне, такой удобной для проживания животноводов и рыбаков, в семье Гришаевых родилась дочь Христина, будущий главный бухгалтер киносети. Семья жила в достатке, в собственном двухэтажном доме, и подрастало в ней шестеро детей; она была третьей. В памяти Христи, как её называли в семье, остались воспоминания о том, что в доме проживало всегда много родственников.

В деревне была только начальная школа, после окончания которой Христя поехала учиться в Б. Подъельник. В 1942 году после окончания семилетней школы её направляют на курсы бухгалтеров, а практику после курсов она проходила в Ильинском колхозе у бухгалтера Касьянова. Уже через месяц Касьянов, уезжая в п. Восток, рекомендовал Христину на самостоятельную работу бухгалтером.

Христина была активной девушкой, заводилой молодёжи, секретарём комсомола, хорошим организатором. Молодёжь активно участвовала в заготовке сена, а зимой дружно вывозили его на базу. Была организована бригада по заготовке сена, в которую вошли бригадир, бухгалтер, животновод, ветфельдшер. Председатель почему-то не посчитал нужным поработать в этой бригаде.

И вот чем обернулась эта комсомольская инициатива. В 1944 году лето было благоприятным для хлебов, но не для сена. Было много стогов смётано этой бригадой, но, видать, попадало сено с сырцой, и много стогов «загорелось». Конечно, принимали меры к спасению своего труда: протыкали стога острыми кольями, укладывали для вытяжки влаги ветви кустов, некоторые стога разваливали, проветривали и снова смётывали. Но всё равно часть сена погнила, заплесневела. Эти потери всегда бывают, даже в прошлом году много сена, особенно в рулонах, попадалось сгнившим. Но тогда время было суровое,

и по представлению председателя колхоза в прокуратуру вся бригада была привлечена к уголовной ответственности. Оправданна поговорка: «Доброе дело всегда наказуемо». Началось следствие, и в 1945 году вся бригада была осуждена: Христина на 5 лет, бригадир на 6, животновод на 7 лет, ветфельдшер на 8. Вот вам и благодарность за хороший труд!

Всех увезли в Томск, в лагерь «Шестая точка». Христину сразу взяли нормировщиком в контору лагеря. Но повезло бригаде, что в лагерь была помещена Е. М. Коростелёва, директор «Фрезера» — филиала в Томске от Московского завода, где директором был её муж.

Елена Михайловна Коростелёва расспросила понравившуюся ей расторопную нормировщицу Христину и всплеснула руками от такого «преступления». Из Москвы приехал директор «Фрезера», чтобы вызволить жену. И заодно по её просьбе пригласил адвоката Иванова, человека очень известного в те времена. Он добился пересмотра дела бригады. Справедливость восторжествовала. Все были освобождены, но эти почти полгода, проведённые в лагере, на всю оставшуюся жизнь засели в сердце обидой, заставляя стыдиться своего прошлого.

Я посмеялся: сейчас, говорю, это наоборот надо подчёркивать и добиваться компенсации за причинённую несправедливость. Но ведь как мыслят люди в деревне: «Дыма без огня не бывает». И даже до сих пор считают «врагами народа» многих репрессированных по политическим мотивам и по надуманным следователями обвинениям («японский шпион», «член террористической организации») и давно, по крайней мере, в 1957 г., реабилитированных... Такого отношения людей Христина и боялась всю жизнь.

В декабре 1945 года она вернулась в Ильино и снова стала работать в колхозе. В 1946 году Христину переводят бухгалтером колхоза в п. Пашино. В январе 1949 года она выходит замуж за Ивана Митрофановича Лукьянчикова, переезжает в Каргасок и поступает работать в Госбанк бухгалтером группы. Три года про-

Начинал работу под началом знатного бригадира Семёна Урусова. Рафаил подружился с ним, и всё время работы в этой экспедиции он ощущал дружескую поддержку Семёна и дельные советы. Вместе со всей бригадой радовался, когда Урусову было присвоено звание «Герой Социалистического труда».

В 67-м году Рафаила Хасановича перевели в Сургутскую экспедицию на должность главного инженера, а через год в Мегионскую экспедицию. Через два года его приглашают в НИИ «Сибнефтегазгеологии» г. Тюмени руководителем кустового наклонного бурения. Этот метод бурения намного удешевлял буровые работы. С одной вышки бурилось 15—20 наклонных скважин.

Через 6 лет Багаутдинова вновь потянуло на производственную работу. И вот он уже главный инженер экспедиции полярного глубокого бурения, сначала на Медвежьем месторождении, а потом в Надыме.

В Каргасок Рафаил Хасанович приехал в 1977 году. Б. П. Шорин, механик Каргасокской НГРЭ, рассказывал: «В 77-м у нас на должность главного инженера прибыл Рафаил Хасанович Багаутдинов. Этот широкоплечий, черноволосый, среднего роста человек был необыкновенно доброжелателен и уважителен к людям. Очень грамотный специалист. По любому производственному вопросу работники получали исчерпывающие ответы. Очень быстро он заработал необычайно высокий авторитет и в экспедиции, и в районе».

Через три года Рафаил Хасанович — главный инженер Западной НГРЭ. В Новом Васюгане, облетая буровые установки, он наблюдал огромное болотное пространство, на котором только ржавая вода и мох, и ни кустика, ни деревца. Думалось: «Вот где нефть, но в настоящее время из-за этих топей не пробраться». Припомнились где-то прочитанные строки стихотворения:

«На запад взгляни и на север взгляни —
Болото, болото, болото...».

По велению сердца

Рафаил Багаутинов родился в Башкирии в селе Ивановке. После окончания средней школы в 55 году он не раздумывая поступил в Уфимский нефтяной институт. Ещё в 30-х годах было открыто «Второе Баку» — Волго-Уральский нефтегазовый район, в который входили и Башкирия с Татарстаном. Благодаря «Второму Баку» наша нефтяная промышленность достигла самого высокого уровня по добыче углеводородного сырья за всю историю страны, тем самым обеспечив оборонные нужды.

Молодёжь Башкирии и Татарстана с большой охотой шла учиться в институты и техникумы, чтобы получить престижные специальности буровиков, геологов-нефтеразведчиков. Рафаил успешно закончил институт в 1960 году и был направлен на работу в «Тюменьнефтегеологию».

Заканчивый Севером

Рафаил был направлен в посёлок Шаим помощником бурового мастера в Шаимскую НГРЭ, где в июне 1960 года ударил нефтяной фонтан с устойчивым притоком нефти 300 тонн в сутки. Это событие стали считать рождением промышленной сибирской нефти.

летели быстро, родилось двое детей — Николай и Надя. В 1952 году перешла работать бухгалтером в РДК, а ещё через три года была назначена главным бухгалтером отдела культуры.

В 1963 году произошло очередное разделение работников культуры и кино, и Христина Митриевна становится главным бухгалтером Дирекции киносети. Специфика работы главного бухгалтера киносети не очень отличается от других бюджетных организаций, он так же отвечает за учёт финансово-хозяйственной деятельности, за сохранность собственности предприятия, правильное расходование денежных средств и материальных ценностей, соблюдение режима экономии и хозяйственного расчёта (правда, хозрасчёт стали применять с 1965 года, после реформ Хрущёва. Мы тогда не поняли ещё, что хозяйственный расчёт, прибыль — это начало гибели социалистического строя, но речь не о том). Христина Дмитриевна не только быстро сама разобралась в работе киносети, но и всегда охотно рассказывала директору, что означают фонды основные и оборотные, что такое фонды обращения в киносети и т. п. Всегда выступала на совещаниях кинофабтников, проводила семинары, и любилась отличного учёта и отчётности у киномехаников и кассиров кинотановок. Как бы ни было трудно, особенно когда началась перестройка, Христина Дмитриевна совместно с директором всегда находила возможности для своевременной выплаты зарплаты, расчётов с соцстрахом и всеми другими организациями и предприятиями, с которыми мы работали.

Христина Дмитриевна — доброжелательная, приветливая, доброжелательная женщина. Часто киномеханики и кассиры «из глубинки» заходят к ней домой, а зачастую и остаются ночевать. Когда было трудно с гостиницами, на квартире у Лукьянчиковых на первой совещания собирались иногда по 8—10 человек, и всем хватало места.

Христина Дмитриевна не только в своём коллективе пользовалась авторитетом и уважением, но в равной степени и в областном управлении кинофикации, и во всех северных районах,

В школу пошёл с девяти лет. В Дергачах школы не было, ходили в Сосновскую начальную школу. Это было недалеко, чуть больше километра. После окончания 4 класса стал учиться в семилетней школе-интернате в посёлке Большой Подъельник. Прибегали на выходные домой по дороге через Восток и Сосновку. Вскоре в школе посёлка Большой Подъельник появляется молодой военрук. Это был старший брат Иван. В школе он проработал до призыва на фронт. Вена только закончил 7 классов, сразу же приняли продавцом в посёлок Восток. И тут сказались гены отца — всё-то у него хорошо складывалось.

На фронт были призваны братья Иван и Анатолий, а отца же призвали на трудовой фронт.

Через год Вену перевели в сельмаг посёлка Большой Подъельник. Там проработал два года, и был переведён в Сосновку. 18-летний Вениамин был рад вернуться домой, к матери. Да и зазноба жила в Сосновке. В 49 году они поженились. Мама хотя и говорила, что надо бы сначала отслужить в армии, но Вена твёрдо решил, что без Эрики ему жить не хочется.

Часть третья

Василий Шабанов

В России растут ребята

Мы детство в тылы не прятали,
В поля вели, к борозде.
Война пронеслась над хатами,
На каждую — по беде.
Кострами дымят закаты.
И в этот смертельный час
Досрочно в свои солдаты
Отчизна призвала нас.
С отцами в сраженьях грозных
Мы били в одну мишень,
Малы по годам, по росту,
Высокие по душе!
Хлебнув негустое варево,
Мы шли на сбор колосков.
И грели солдата варежки
Из пряжи моих носков...
Я знал, что в работе истовой
Ты, сердце моё, не сдашь,
Ошибка, что нам не вписано
Детство в рабочий стаж!
Мы шили, сады садили,
Умели пахать, копнить.

Жизнь прожить — не поле перейти

Эта поговорка тоже медленно, как мельничный жёрнов, прокручивалась в голове, когда слушал рассказ Марии Александровны о её нелегкой судьбе.

Мария родилась в Кунгбишевской области в деревне Покровке на границе с Оренбургской областью. Колхоз рано привлекал детей к труду. Ещё до школы Мария вместе со всеми детьми собирала колоски. У них в деревне была только начальная школа, после окончания её стала ходить в соседнюю деревню, но уже Оренбургской области. Шла война, и после шестого класса Мария пошла работать в колхоз. Дали ей быка, и она возила на нём зерно на элеватор от тока. Сами вязли зерно, затаривали в мешки, сами грузили и выгружали его на элеваторе. Работали на пару с сестрой, которая была на два года старше, но Мария ни в чём ей не уступала. Весь стояли у ворота с зерном. Сначала мешки на весы, затем на телегу. У элеватора заезжали на весы прямо на быке, разгружали трудодникиторгамовые мешки и снова на весы...

В 50 году Мария решила уйти из колхоза, благо родители её не были колхозниками, и она была в колхозе как бы волюнтёмной. А колхозников, как крепостных раньше, возвращали по старому месту жительства. Только армия или замужество освобождали от этой кабалы, и так было до тех пор, пока по настоянию Н. А. Хрущева не была отменена эта несправедливость. Мария пошла работать на сахарный завод покровского совхоза. Летом занимались поливом свёклы вместе с Евгением Павловым. Молодые поправились друг другу и быстро поженились. В 52 году у них родился сын Александр. Перешли работать на другой сахарный завод, в Темашово. Евгений брался за всё, что предлагали, и всё у него получалось. В семье Павловых было девять детей, и всех с малолетства приучали к любому труду. Евгений учился на тракториста, сапожника, сварщика. У него был талант осваивать всё новое.

В 54 году Евгения призывают в армию. Мария ждала второго ребёнка, и вскоре родила Николая. Отпуска по родам были

Сухбою обласканный, или В поисках страны «Мурании»

В конце двадцатых и в начале тридцатых годов страну «Мурания» начали искать не только Никита Моргунок, но и многие крестьяне. Они бросали насиженные места и отправлялись искать эту страну, в которой легко дышится, свободно живётся, хорошо работается. Семья Тугровых тоже поехала искать эту «Мурании». Глава семейства Василий Тимофеевич с братом Алексеем выехали из Пермя в Алтайский край. Обосновались в 29-м году в районе Алтайского района. У Василия были с собой инструменты сапожника, и вначале он начал чеботарить, а позднее принял магазин и начал торговать. Алексей же уехал в Новосибирскую область.

Через год у Василия родился сын, которого назвали Вениамином. С ним стала начинться 4-летняя сестра Валя.

Василий съездил к Алексею, и там ему понравилось. Решились вновь на переезд. И вот они уже в Чесноковке Новосибирской области. Василий снова стал торговать в магазине. Место ему уступил Алексей, который решил ехать на север области. Почему-то не сидилось на месте и Василию, и через пару лет он поехал к брату, и семья оказалась в Зырянском районе. В то время ещё не было Томской области. Алексей снова уступил место в магазине Василию, а сам уехал в посёлок Рабочий по реке Василугу. Ва-

сплий с семьёй также не заселялись, и приехали в Рабочий.

С работой снова помог Алексей. Посёлок многолюдный: здесь и колхоз, и лесничество, семилетняя школа, рыбартель, которая содержала засольно и цех, где сушили мелкую рыбёшку: ершей, пескарей, чебачков. Чистой рекой был Васюган — пескарь в загрязнённой воде не живут. В посёлке Рабочем был Уст-Нюрольский сельсовет, в который входили посёлки Волчиха, Сливороловка, Тоскалинка, Заболаловка, и до Уралки. Места здесь болотные рыбой, зверем, ликоросами. В селыо работал брат Василия — Алексей Тимофеевич. Он и помог Василию устроиться продавцом, сначала в Волчиху, что в 6 километрах от Рабочего. Семье дали домик в самом Рабочем.

Земли в посёлке было немного, первые поселенцы расскорчевали 390 гектаров. При семилетней школе был интернат народов Севера.

Здесь в первый класс пошла учиться Валя, а братья Иван и Анатолий окончили соответственно 7 и 4 классы. Василий помимо основной работы занимался пошивом обуви. В то время в деревнях всегда считалось престижным делом умение шить обувь. Авторитет сапожника был высок. Комендант К. В. Закамов долго шествовал в Туровских хромовых сапогах.

Василия вновь потянуло на новые места, и он решает переехать на Обь. Обосновались в Лерчах. Нашлась страна «Мугехать на Обь. Обосновались в Лерчах. Нашлась страна «Му-

Вершина жизни — Зрелость

Вероятно Шоу сказал: «Человек — как кипящий, обжигающий — он трудится». Это высказывание Шоу не выходило из головы, пока беседовали с Марией Александровной Павловой.

С ней мы познакомились, когда она с семьёй приехали работать в Новый Итол, куда переезжала Почаёвская нефтеразведка в 1960 году. Начали строить посёлок, жильё и служебные помещения. Одновременно бригада вышкомонтажников собирала буровую вышку в тридцати километрах от посёлка. Мария Александровна, в то время просто Маруся, работала техничкой в конторе и общежитии, а также разносила почту. Посёлок нефтеразведчиков быстро строился. Лёгкие рубили служебные помещения, а вечерами и в выходные дни рабочие строили себе дома. Муж Евгений и работал на тракторе, и выполнял сварные работы.

У Маруси был красивый голос, и она с удовольствием участвовала в художественной самодеятельности посёлка. В то время о жизни разговоры не вели, и вот теперь, по прошествии почти пятидесяти лет, мы сидим в её уютной квартире в Томске и я расспрашиваю её о прошлой жизни.

Нам много б, наверно, платили,
Но нечем было платить.
Да что там, какая плата!
Пощады не попросив,
Не дрогнув, умрут ребята
За каждую пядь Руси.
За каждую из лощинок,
За скрип на твоём крыльце,
За каждую из морщинок
На светлом твоём лице.
За рощи твои, закаты,
За выплеск речной волны.
...В России растут ребята,
Погодков моих сыны.

равия» в том краю, про который говорили: «Бог создал рай, а чёрт — Нарымский край!». Здесь у них родилось ещё трое детей. Василий же сапожничал, потом был заведующим пекарней, а затем принял магазин.

Мгновения жизни

Говорят, что жизнь всегда коротка, сколько бы ни прожил. Вениамин Васильевич прожил уже 78 лет, но очень хорошо помнит своё детство, прожитое в посёлке Дергачи. Он там и начал осознавать себя как личность. Ещё до школы он уже умел починить себе обувь, и обувь своим сверстникам. Вспоминает И. Д. Гришаев, семья которого жила с Туровыми в одном доме. Ребята просили починить им рваную обувь, и Вена с удовольствием заменял им подошвы, ставил заплатки на переда и голенища рваных сапог. Даже умел «перетягивать» сапоги, забивая в них колодки. Многое успел перенять от отца, Василия Тимофеевича, искусного сапожника.

кратковременные, всего шесть недель. Ребёнка в ясли, а сама на завод — колоть сахар и затаривать его в огромные семипудовые мешки. Кололи сахарные головы в ящики с сетками, чтобы высыпались мелкие кусочки сахара и сахарная пыль. В перерывах бегала в ясли покормить ребёнка грудью. А как мёрзли руки, когда чистили свёклу большим ножом, который они называли косырь (у нас, кстати, большой нож, которым в основном скоблили пол, называли косарём). Никакие варежки не помогали.

Вернулся из армии Евгений, устроился на завод трактористом. В 58-м родилась Нина, а через год Евгений завербовался на север, и Мария решилась ехать с ним. Получили направление в тымскую нефтеразведку. С этого времени семья Павловых получила «буровое крещение». Все члены семьи стали трудиться на поприще нефтегазовой промышленности.

Династия

Разве думала девочка Маруся из далёкой деревеньки Покровки, ныне Самарской губернии, что станет основательницей династии буровиков, геологов, геофизиков и других профессий нефтегазовой промышленности. Но это через десятилетия, как они появились на тымской земле. Их привезли в остяцкую деревушку Кананак, где были брошенные дома. Жилые дома для нефтеразведки рубили в Пыль-Карамо, где будет базироваться

нефтеразведка. Летом нужно молоко. Узнали, что в Ванжильгынаке продают коров — привезли за сотни километров.

Учились печь хлеба в остяцких печах, сложных во дворах. Они были без заливжек в трубе, и всякий раз приходилось лезть на крышу и затыкать чем-нибудь трубу. Здесь, в Кананаке, Мария родила Таню. Собиралась ехать в Нанас, в участковую больницу, но не успела. Начальник нефтеразведки Хан перехватил молодёжную медичку, направляющуюся в Ванжильгынак-Кынак. Но та, только что из училища, не зная, с какого бока подойти к рожениці. Всё же роды прошли благополучно.

Через год нефтеразведку переводили в Межовку Новосибирской области. Отгуда вскоре её направили в Новый Иол Каргасокского района, который бурники стали называть Иглы. Буровая на Иголе из-за неудовлетворительной организации труда претерпела несколько серьёзных аварий, и в конце концов было решено переводировать нефтеразведку в Колбасу Новосибирской области. Часть рабочих с семьями переехали в Новый Васюган. Там васюганская нефтеразведка была преобразована в Западную нефтегазоразведочную экспедицию.

Здесь, в Новом Васюгане, чётко определилась судьба всей семьи Павловых. Все они стали работать в нефтегазодобывающей промышленности в том или ином качестве. Дети выросли, обзавелись семьями. Теперь уже внуки работают вместе с ними. Вот как выглядит эта династия:

Павлова Мария Александровна — оператор котельной;
Павлова Евгений Дмитриевич — диспетчер на буровой;
Павлова Александр Евгеньевич — вышкомонтажник, проправ;
Павлов Николай Евгеньевич — начальник цеха бурения ЗНГРЭ;
Кожевникова (Павлова) Нина Евгеньевна — геолог;
Сидорина (Павлова) Татьяна Евгеньевна — главный бухгалтер ЗНГРЭ;
Сидорин Геннадий Александрович — генеральный директор ООО «Спецгеострой».

Мария Александровна с гордостью рассказывает о внуках, уже работающих в нефтегазовой промышленности, и ещё об

учениках, уже определившихся в будущих профессиях. Они будут продолжателями дел отцов и матерей. Семь внуков у Марии Александровны и четыре правнука.

В Новом Васюгане свободное от работы время Мария Александровна проводила на приусадебном участке, который всегда выделялся чистотой и ухоженностью. Она одна из первых в посёлке разводила облепиху, ранетку крупных сортов. Такой же порядок был у неё на рабочем месте. Даже тогда, когда она начинала работу в угольной котельной. Мария Александровна — дама с твёрдым характером, умела настоять на своём. Не все коллеги адекватно относились к её появлению на работе и к требованию поддерживать порядок на своём рабочем месте. Жизнь закалила её характер. Недаром сказано, что характер человека — его судьба. Она умела добиться правды, справедливости, подвергая критике всех, не взирая на лица. Даже прозвище у Марии Александровны было «Генсек». Раз Генсек сказала — так будет.

Уже в пенсионном возрасте Мария Александровна долго не решалась бросать работу. В последние два года работы она перешла в портные. Шила для нужд экспедиции полога, пододеяльники, простыни и другие изделия.

И вот пенсионная жизнь. Дети настоятельно приглашали жить в городе. Купили в новом доме однокомнатную квартиру с большой кухней, как мечталось. Но тянет к земле, и хотя перенесла тяжёлую болезнь — инсульт, стало трудно ходить, изменилась речь, но сидеть всё время в этой уютной квартире не хочется, надо на природу. Дети купили дачный участок, строят дом. Будет здоровье — будет чем заняться. Она уверена — земля лечит, и рада, что дети её понимают. А это счастье.

17.10.08 г.

нефтеразведка. Детям нужно молоко. Узнали, что в Ванжиль-Кынаке продают корову — привезли за сотни километров.

Училась печь хлеба в остяцких печах, стоящих во дворах. Они были без задвижек в трубе, и всякий раз приходилось лезть на крышу и затыкать чем-нибудь трубу. Здесь, в Кананаке, Мария родила Таню. Собиралась ехать в Напас, в участковую больницу, но не успела. Начальник нефтеразведки Хан перехватил молоденькую медичку, направляющуюся в Ванжиль-Кынак. Но та, только что из училища, не знала, с какого бока подойти к роженице. Всё же роды прошли благополучно.

Через год нефтеразведку перебазировали в Межовку Новосибирской области. Оттуда вскоре её направили в Новый Игол Каргасокского района, который буровики стали называть Иглы. Буровая на Иголе из-за неудовлетворительной организации труда претерпела несколько серьёзных аварий, и в конце концов было решено перебазировать нефтеразведку в Колбасу Новосибирской области. Часть рабочих с семьями переехали в Новый Васюган. Там васюганская нефтеразведка была преобразована в Западную нефтегазоразведочную экспедицию.

Здесь, в Новом Васюгане, чётко определилась судьба всей семьи Павловых. Все они стали работать в нефтегазодобывающей промышленности в том или ином качестве. Дети выросли, обзавелись семьями. Теперь уже внуки работают вместе с ними. Вот как выглядит эта династия:

Павлова Мария Александровна — оператор котельной;

Павлов Евгений Дмитриевич — дизелист на буровой;

Павлов Александр Евгеньевич — вышкомонтажник, прораб;

Павлов Николай Евгеньевич — начальник цеха бурения ЗНГРЭ;

Кожевникова (Павлова) Нина Евгеньевна — геолог;

Спавлина (Павлова) Татьяна Евгеньевна — главный бухгалтер ЗНГРЭ;

Спавлин Геннадий Александрович — генеральный директор ООО «Спецгеострой».

Мария Александровна с гордостью рассказывает о внуках, уже работающих в нефтегазовой промышленности, и ещё об

учениках, уже определившихся в будущих профессиях. Они будут продолжателями дел отцов и матерей. Семь внуков у Марии Александровны и четыре правнука.

В Новом Васюгане свободное от работы время Мария Александровна проводила на приусадебном участке, который всегда выделялся чистотой и ухоженностью. Она одна из первых в посёлке разводила обелиску, раритету крупных сортов. Такой же порядок был у неё на рабочем месте. Даже тогда, когда она начинала работу в угольной котельной. Мария Александровна — дама с твёрдым характером, умела настоять на своём. Не все коллеги адекватно относились к её появлению на работе и к требованию поддерживать порядок на своём рабочем месте. Жизнь закалила её характер. Недаром сказано, что характер человека — его судьба. Она умела добиться правды, справедливости, поддержала критике всех, не взирая на лица. Даже прозвище у Марии Александровны было «Генсек». Раз Генсек сказала — так будет.

Уже в пенсионном возрасте Мария Александровна долго не решалась бросить работу. В последние два года работы она перешла в портные. Шила для нужд экспедиции полога, подоконники, простыни и другие изделия.

И вот пенсионная жизнь. Дети настоятельно приглашали жить в городе. Купили в новом доме однокомнатную квартиру с большой кухней, как мечталось. Но тянет к земле, и хотя перенесла тяжёлую болезнь — инсульт, стало трудно ходить, изменилась речь, но сидеть всё время в этой уютной квартире не хочется, надо на природу. Дети купили дачный участок, строят дом. Будет здоровье — будет чем занятьсл. Она уверена — земля лечит, и рада, что дети её понимают. А это счастье.

17.10.08 г.

кратковременные, всего шесть недель. Ребёнка в яслях, а сама на завод — колоть сахар и затаривать его в огромные семипудовые мешки. Кололи сахарные головы в щипки с сестрами, чтобы высыпались мелкие кусочки сахара и сахарная пыль. В перерывах бегала в ясли покормить ребёнка грудью. А как мёрзли руки, когда чистили свёклу большим ножом, который скобили пол, называли косырь (у нас, кстати, большой нож, которым в основном косарём). Никакие вареки не помогали.

Вернулся из армии Евгений, устроился на завод трактористом. В 58-м родилась Нина, а через год Евгений завербовался на север, и Мария решилась ехать с ним. Получили направление в тымскую нефтеразведку. С этого времени семья Павловых получила «бурное крещение». Все годы семьи стали трудиться на поприще нефтегазовой промышленности.

Династия

Разве думала девочка Маруся из далёкой деревеньки Поскрёбки, ныне Самарской губернии, что станет основательницей династии буровиков, геологов, геофизиков и других профессий нефтегазовой промышленности. Но это через десятилетия, как они появились на тымской земле. Их привезли в остяцкую деревушку Кананак, где были брошенные дома. Жилые дома для нефтеразведки рубили в Пыль-Карамо, где будет базироваться